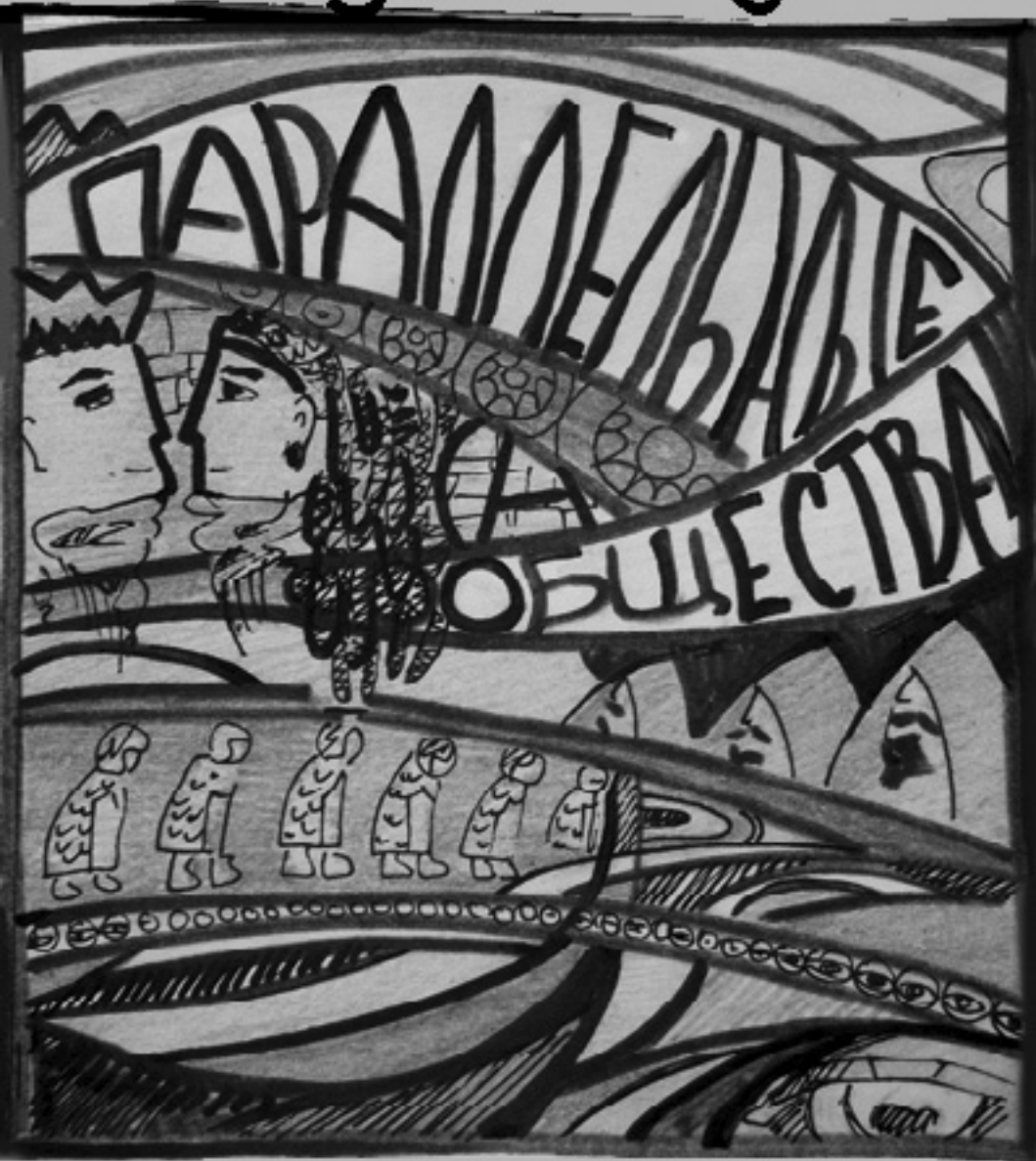

serg_mihalych

две тысячи лет добровольных сепараций — от секты ессеев до анархистских сквотов

SERG_MIHALYCH

ПАРАЛЛЕЛЬНЫЕ ОБЩЕСТВА.
Две тысячи лет добровольных сегрегаций —
от секты ессеев до анархистских сквотов.

«Lixoy-Star»
2012

1/ Почему коммуны?

У Маркса есть такая книга «Немецкая идеология». Именно она пооссорила и развела его со всеми остальными младогегельянцами. Логика там примерно такая: люди, взятые как общество, как большинство, как массовые коллективы близко не знакомых друг с другом единиц, НИКОГДА не будут способны отказаться от буржуазных иллюзий и НИКОГДА до нужной левым сознательности не дорастут. И никакое воспитательство и просвещение тут не помогут. И это так не потому, что люди мало читают или ленятся думать, а потому, что иллюзии — это главное богатство людей, это единственное, что их примиряет с иррационально организованным общественным бытием. То есть иллюзии — главный компенсаторный механизм, который делает капитализм выносимым. Это могут быть иллюзии религиозные, мистические, художественные, реформистские, связанные с будущим детей и т. п. Иллюзии — это главный капитал капитализма. (Разработкой этого вопроса, кстати, позже детально займется фрейдомарксизм.) «Чтобы избавить людей от иллюзий, нужно прежде избавить людей от положения, требующего иллюзий», а не наоборот («сначала сознательность, потом революция» — это чушь), — делает Маркс вывод. Нельзя никого «довоспитывать» до готовности, это делает Маркса большевиком, а не меньшевиком (хоть и не было еще этих терминов). Что же предлагается? Предлагается взять тех, кто все это понимает, — интеллектуальное меньшинство, без которого капитализм не может воспроизводиться, но которое от иллюзий капитализма свободно максимально (хотя и не полностью), — и объединить это меньшинство (внимание!) не с самыми сознательными, не с самыми ответственными, не с самыми чуткими и добрыми, не с самыми образованными, не с самыми... какими-то еще, а просто с теми, кому нечего терять, у кого нет почти никакой собственности, с теми, кто готов к файтингу, потому что жизнь не особо сладкая и ценить ее слишком сильно не за что, а вот попробовать перевернуть ее с головы на ноги

стоит. И этот альянс (относительно свободные от иллюзий интеллектуалы + те, кому терять нечего, пролетарии) и есть Интернационал — оружие революции. И революция эта только и создает (но не гарантирует) условия, в которых может возникнуть массовая сознательность и свободное от иллюзий понимание себя и истории. И потому революция делается вопреки воле и сознанию большинства людей, неизбежно противящихся ей, ведь их сознание сформировано прежней системой и с этой системой их примиряет. И потому дождаться «созревания толпы» невозможно, а возможно только выдернуть из башни нижний блок, чтобы всё посыпалось, и потом начать строить совсем другую и с другими целями.

Или совсем просто: между сохранением привычных с детства иллюзий и участием в революции большинство людей всегда выберет сохранение иллюзий, и именно потому революция должна произойти против воли и ожиданий большинства, хотя и для большинства. Другой вопрос, что это за меньшинство, которое способно и будет организовывать революцию? Маркс видел его как альянс интеллектуалов и рабочих. Мао рассчитывал на третий мир (в планетарном масштабе). Маркузе ставил сразу на всех «не вписывающихся» в буржуазную рациональность и пристойность. Братья Стругацкие писали фантастические романы («Гадкие лебеди») о том, как генетически мутировавшие интеллектуалы (мокрецы) похищают детей, готовят их к новой жизни, устраивают революцию с помощью тайных супертехнологий, самоуничтожаются как ненужный «мост» между старым и новым миром и оставляют подготовленных к коммунизму детей в одиночестве. В этом тексте у Стругацких уже есть намёк на альтернативный выход — загородный монастырь мокрецов.

А теперь ВНИМАНИЕ! В отличие от Маркса и многих его последователей, у нас есть наглядный опыт того, чем подобные насильственные, «против воли большинства, но для большинства» революции заканчиваются. Совком — как торжеством бюрократии, которая в каждом новом поколении

только деградирует и становится дальше от первоначального революционного проекта. Замаскированной реставрацией капитализма заканчиваются, потому что большинство не было готово отказаться от прежней системы, и насколько получается, настолько большинство воспроизводит старый порядок под новым именем. Где же выход? Он был предложен еще во времена Маркса, точнее — задолго до Маркса. Еще точнее, он был известен всегда. Выход — это коммуны, общины, артельные кооперативы, альтернативные поселения, добровольные сегрегации. Нужно отказаться от садистского высокомерия, свойственного интеллектуалам, и признать: если кого-то устраивает капитализм, рынок, корпорации, тотальный спектакль, люди имеют на всё это полное право. В конце концов люди всё это называют другими, не столь обидными именами и принимают. А несогласные не имеют права всю эту прелесть у людей насильственно отнимать: всё равно не выйдет. Зато у несогласных есть право обособляться в группы и вырабатывать внутри этих групп другую реальность. Насколько другую, насколько захочется и получится, а не настолько, насколько какой-нибудь философ завещал, пусть даже и самый мною уважаемый.

Маркс, конечно, критиковал добровольные сегрегации «изоляционистов» и «утопистов», считая их историческим курьезом, бесперспективным эксцессом, чудачеством на обочине развития народов, классов и производственных отношений.

Для него любая добровольная сегрегация, как бы далеко там не зашли в равенстве и самоуправлении, это всегда «коммунизм нищеты» и «коммунизм аскетов». А такой «коммунизм» для Маркса еще хуже капитализма. Потому что в нем воспроизводится состояние не ПОСЛЕ частной собственности, когда общество способно создать столько всего качественного, что никому «лично», то есть конкретно для себя, ничего не нужно, никто не боится ничего потерять и всем доступны безграничные возможности. Наоборот, в «коммунизме бедности» люди скатываются к состоянию ДО частной собственности, когда

их небольшой коллектив располагает столь скудными средствами и возможностями, что делить людям почти и нечего, когда они тотально втянуты в элементарную работу простейшего выживания и сил для творчества не остается, да и внешнего спроса на творчество нет, когда личность стирается, и мы имеем «братскую семью» упростившихся, неоригинальных и уработанных людей, неизвестно зачем добровольно вернувшихся к отношениям на уровне первобытной общины, то есть к таким отношениям, в которых самостоятельная личность вообще не возникает и неизбежна архаизация сознания. Грубое упразднение частной собственности еще не есть творческое освоение собственности. В режиме «коммунизма аскетов» такое упразднение, по мнению Маркса, отрицает личность и губит талант. Кто же прав?

Часть первая

САМОСЕГРЕГАЦИИ ДРЕВНОСТИ

2/ Ессеи — ритуальная чистота и враждебное окружение

Проследим в нескольких экскурсах историю вопроса, разбив ее не по векам, а по темам.

Первой, хорошо известной нам, добровольной сегрегацией является Кумран ессеев (то есть «чистых») в Палестине (нынешнем Израиле). Это не было «поселение профессионалов», то есть живущих отдельно жрецов, воинов или мастеров, необходимых как деталь большого социума. Это было именно сообщество людей, решивших, что большой социум (Иерусалим, прежде всего, Иерихон и остальные города) им не подходит и нужно от всего этого бескомпромиссно отделиться, чтобы вести праведную жизнь без суеты, семейных связей, борьбы за власть, торговли, государственного насилия и лишней, отвлекающей собственности. Ессеи нашли труднодоступное место на берегу Мертвого моря, посреди абсолютно марсианского пейзажа, и начали там строить свой идеальный социум, максимально автономный от большого общества. Эта идея автономности выразилась прежде всего в заикленности на ритуальной чистоте. Каждый ессей должен был не менее пяти раз в день окунаться в общий бассейн, смывая с себя «грязь мира». Все они носили белоснежную свободную одежду, постоянно читали друг другу вслух древние священные тексты (как иудейские, так и эллинские), переписывали их, сидя в скрипториях за каменными столами, обсуждали на собраниях-диспутах тончайшие вопросы о смысле мироздания и высших силах и вели подробнейшие протоколы этих своих споров. Внутри Кумрана сложился аскетичный и асексуальный коммунизм книжников с харизматиком мудрецом в центре общины. Как отмечают римские историки, ессеи считали себя самыми богатыми людьми на свете, потому что почти ни в чем не нуждались и свели свои потребности к минимуму, питаясь со скромного сада, стада и поля, необходимых лишь для того, чтобы минимально утолить голод. Считая секс самым грязным проявлением грязного мира, они отказывались от интимных связей и создания семей.

Сексуальность устанавливает лишние связи между отдельными людьми и мешает общине как целому. К тому же рождение детей заставляет думать о росте хозяйственной эффективности общины, а ессеи презирали подобные экономические цели. Приток людей в общину осуществлялся исключительно за счет «диссидентов», уходивших в Кумран из городов. Судя по скелетам кумранского кладбища, в общине жило некоторое, очень скромное, число женщин, на общих основаниях с мужчинами, и совсем не было детей. Если на уровне философских споров в этой «коммуне мудрецов» царила демократия, то на уровне организации их жизни все признавали абсолютную власть учителя, главного книжника и мудреца, передававшего достойнейшему свою мудрость и власть. Если среди ессеев кто-то тяжело заболел, то есть «лишался чистоты», «заражался грехом мира», его никогда не лечили, но просто выносили за пределы поселка, на то самое кладбище, чтобы он там принял смерть, окончательно смешавшись с грязью мира. Единственным наказанием, применяемым в общине, было изгнание. За два века своего существования эта добровольная сегрегация интеллектуалов, конечно, получила свою роль в обществе. В еврейских городах есейский Кумран постепенно стали воспринимать как университет, находиться в котором несколько лет и получить уникальные знания крайне почетно. Отпрыски самых знатных семей пытались проникнуть в общину (решение о приеме оставалось за лидером-учителем), чтобы потом добровольно уйти или быть изгнанными из нее и вернуться в город, обладая всеми тайнами видимого и невидимого миров. Само собой, ессеи придумывали все новые и новые способы усложнить прием в общину, чтобы сохранить внутреннюю стабильность и «не заражать Кумран миром». Одним из «изгнанных за непослушание» из кумранской общины стал Иоанн, позже крестивший Христа в Иордане, названный в Евангелии Предтечей и обезглавленный по приказу еврейского царя. Благодаря этой связи ессеев иногда называли «христианами до Христа», что, конечно, сомнительно, учитывая их радикальное

отрицание семьи, государства, частной собственности и всякого сострадания к падшим, больным и неграмотным. На протяжении истории общины отрицание окружающего мира как угрозы росло, а любовь к «чистоте», без которой нет мудрости, принимала все более радикальные формы. Очень показателен их финал. В 67-м году н. э. в Палестину вошли римские легионы для подавления восстания еврейских националистов (Маккавеев). Задача перед армией была поставлена уничтожить всё, чем евреи могли бы гордиться. Иерусалим был стерт с лица земли. Но прежде была полностью вырезана кумранская община ессеев. Ни один из них не оказал ни малейшего сопротивления оккупантам, потому что ессеи были радикальными пацифистами, не прикасались к оружию и считали, что «лучше быть убитым, чем убить самому и заразиться через пролитую кровь грязью мира». Они прекрасно знали о римлянах, но даже и не подумали бежать, воспринимая близящуюся смерть как расплату за свою «недостаточную чистоту» и порочащую «чистых» связь с большим социумом. Единственным, что они надежно спрятали в пещерах, были сотни свитков с библейскими и гностическими текстами, а также с отчетами о своих бесконечных философских собраниях. Благодаря этим пещерным архивам, найденным только в середине XX века арабскими пастухами, мы знаем о том периоде во много раз больше.

Каковы были главные минусы Кумрана с современной точки зрения? Высокомерие, доходящее до отрицания самосохранения, и внутренняя авторитарность, то есть абсолютная власть главного мудреца. Конечно, именно ессеи стали прообразом, ориентирующей моделью для первых христианских монастырей в Сирии и Египте и для первых гностических общин и тайных обществ в христианской Европе. Они создали первичную, вошедшую потом во всю мировую культуру, модель «святой жизни». Но об этом ниже.

3/ Апокалипсичность

3.1/ Добровольная сегрегация как режим чрезвычайных времен

Большинство случаев добровольной сегрегации в древности связано с ожиданием конца света. Почему это так? Во-первых, демонизация враждебного окружения легко превращается в идею близкого апокалипсиса: этот мир стал настолько плох, что больше не достоин существования и будет скоро уничтожен, но мы уйдем из него сами, не дожидаясь конца общества, и окажемся единственными, кто достойно встретит последние времена. Во-вторых, необходимо было ответить на важнейший для традиционного общества вопрос: почему этот мир, это общество и культура, эта система власти и свод правил устраивали многие поколения твоих предков, а тебя вдруг устраивать перестали? Чем ты лучше их? Почему твои претензии выше? Идея прогресса, то есть развития человеческих возможностей и притязаний, в принципе отсутствовала, наоборот, считалось, что все лучшее и самое совершенное было в незапамятном золотом прошлом мифических первопредков, и потому единственным оправданием самосегрегации оставался апокалипсис — финальный и абсолютный суд всех людей и прекращение вселенной в прежнем виде. Сегрегация становилась режимом чрезвычайного положения, способом подготовки избранных судьбой к этому самому суду: нужно заранее перестать жить по привычным законам, потому что всему очень скоро придет конец. Большой социум не допускал внутри себя разнообразия социальной организации, к идее революции тоже пока никто не склонялся, оставался побег в еретическую общину.

В гностических общинах — у всех этих марки-онитов, офитов, последователей Симона Волхва вплоть до более поздних катарских, богомильских, тамплиерских, альбигойских версий гностицизма — способность к сегрегации от общества и

государства была важным тестом на качество и духовность. Для гностиков вообще существовало три вида людей.

1. Большинство «неразбуженных», которые не могут себе представить жизни не по правилам и не способны к социальному творчеству в добровольной сегрегации. Такие люди встретят «окончательное разделение на свет и тьму», то есть конец материального мира, безоружными, и потому воспринимать их следует как человекообразных животных, с которыми гностикам говорить не о чем и держаться от которых следует как можно дальше.

2. Меньшинство «пробудившихся». Эти люди чувствуют войну света и тьмы внутри себя, они хотят усилить свой внутренний свет и отделить его от внешней тьмы, и для этого им просто необходимо уйти от мира и создать изолированные общины себе подобных.

С того момента, как гностики приняли христианскую систему образов (оставаясь врагами церкви как института), они ассоциировали свои изолированные поселения с теми 144 тысячами праведников, которых отберет Христос во время второго пришествия, чтобы жить с ними в стенах Небесного Иерусалима. Близкий конец света виделся им как сегрегация ограниченной общины чистых душ от океана обреченных грешников в некоем идеальном поселении, прообразом которого является их еретическая община. Обычно у гностиков получались сильно удаленные от городов и дорог горные крепости. Чем они там занимались и как всё у них было устроено, сказать сложно, потому что во все века церковь/государство преследовало и уничтожало подобные социальные эксперименты самым свирепым образом и описания их остались только от «бичевателей ересей», а потому доверять им нельзя.

Согласно отчетам этих «бичевателей», то есть идеологических полицейских, гностики в своих общинах нередко предавались свальному греху, склоняясь в сторону однополюсной любви и противоестественных связей, ибо они не приводят к рождению детей, которое в преддверии конца мира неуместно,

совершали богомерзкие обряды, выворачивая наизнанку обряды церковные, употребляли одурманивающие зелья, которые «переносили» их души в мир «нематериального света», и вообще практиковали всевозможные восточные (арабские, иранские и индийские) практики изменения сознания.

3. Наконец, редчайший тип «никогда не спавших» духовных учителей, которые всегда сохраняли в тюрьме материального мира связь с невидимым светом и само физическое существование этих людей не более, чем маскировка, необходимая для правильной подготовки «окончательного разделения». Такие сверхлюди, конечно, не должны жить в закрытых общинах, их задача постоянно конспиративно перемещаться по миру, поддерживая связь между общинами, сообщая откровения, наставляя и встряхивая готовых снова «заснуть», разрабатывая особый тайный язык, систему пробуждающих образов и создавая вокруг себя тайные эзотерические общества.

Поскольку каждый гностик стремился провести себя по дороге от первого типа к третьему, получалось, что добровольные сегрегации в их практике важная, но не самая главная часть, и потому общины еретиков оказывались столь недолговечны, да и создавались они в конце концов «совсем ненадолго, до конца света». Плюс репрессии системы, которая с религиозными отступниками не церемонилась. Эти репрессии воспринимались еретическими общинами как начало ожидаемого апокалипсиса, что нередко приводило общину к демонстративному коллективному самоубийству. В итоге, не дожидаясь конца света, люди сами устраивали его себе, и это оказывалось единственной, доступной им формой социальной самостоятельности.

С учетом всего этого для гностиков важнее, чем пространственная сегрегация, оказалась все же сегрегация внутренняя (отделить зерна света от тьмы внутри своего сознания и тела) и сегрегация внутри, а не вовне большого общества, то есть создание тайных орденов и лож, существующих в виде

невидимой автономии. Что касается сегрегации внутренней, то в простонародных сектах, например у скопцов, она имела радикально физический характер: нужно было кастрировать себя, отделив чистую часть от греховной, чтобы перед наступлением конца света тем самым уподобиться ангелу. В создании же «невидимой автономии», не смешивающейся с остальным обществом законспирированной субкультуры, помогал другой язык — очень часто особыми значениями «для посвященных» наделялись самые привычные метафоры и фигуры речи официальной церкви и власти. Этот тайный язык, точнее тайный способ расшифровки, и становился альтернативным способом мышления, «другим местом», в котором «скрывалась» община, формально и внешне оставаясь частью большого социума. Некоторые из гностических обществ очень недолгое время умудрялись существовать легально, как орден тамплиеров, например.

3.2/ Вплоть до наших времен

Но вернемся к самим апокалипсическим общинам. Почему они важны? Потому что высокомерие самих духовных диссидентов, помноженное на нетерпимость авторитарной системы, преследовавшей их как «пример отступничества», не оставляли им выбора, кроме коллективного самоубийства в той или иной форме. Идеалом становился не просто отказ от общества, но отказ от физического тела как от поработящего душу «места». Душа идеального гностика должна быть не просто в другом, но в «несуществующем» месте, она должна «совпасть с Софией», быть везде и нигде, ни к чему материальному не прикрепляться, чтобы покончить со смешением света и упразднить грубую материю.

Отсутствие вариантов другого общества превращалось в сознании еретиков в отрицание жизни как таковой и заставляло их переживать и организовывать собственный апокалипсис. Во времена Петра Первого именно так мыслили сжигавшие себя

заживо изолированные общины староверов, считавших Петра «антихристом», пришедшим в мир благодаря дьявольской церкви, подменившей церковь настоящую, «ушедшую на небо». В действительности же чиновники Петра пытались покончить с хозяйственной и политической автономией многочисленных староверов, включив их в иерархическое общество, необходимое для проведения модернизации по европейскому образцу. Те, кто считает, что они слишком хороши для этой недостойной реальности, неизбежно проклинают мир, ждут его конца, бегут от него, а если им этого не позволяют, то устраивают свой маленький апокалипсис сами. Эта социальная традиция, кстати, не исчезла до сих пор.

Достаточно вспомнить знаменитый «Народный храм» в Джонстауне — американскую секту 70-х годов XX века, исповедовавшую своеобразный «мистический коммунизм». Сначала они мечтали построить идеальное общество без частной собственности и эксплуатации на купленной ими земле в джунглях Гайаны, куда все дружно сегрегировались из «проклятого Вавилона США». Уехали они из США в количестве тысячи с лишним человек тоже неспроста, а после того, как ФБР начало против «Народного храма» настоящую войну — взрывали автобусы и убивали лидеров секты. Эксперты ФБР считали, что под вывеской «Народного храма» скрывается «еще одна партия новых левых», и это было недалеко от истины. Лидер «Народного храма» Джим Джонс и вправду увлекался неомарксизмом, поддерживал на местных выборах самых левых кандидатов от демократической партии, профсоюзных лидеров и дружил с «Черными пантерами».

Уезжая в Гайану, Джонс призвал всех, кому не нравится империализм, покидать США, выкупать коллективно землю и создавать «общины полного равенства и прямой демократии». Когда его спрашивали об идеальном устройстве общества, он ссылался на идеи Эриха Фромма и ленинскую книгу «Государство и революция». Поселком в джунглях управлял высший совет коммуны с постоянно переизбираемыми лидерами.

Деньги внутри коммуны были полностью отменены, а центральная улица совместно построенного поселения названа именем Ленина. За четыре года существования Джонстаун разросся, что угрожало внутренней стабильности коммуны. Согласно учению «Народного храма» коммунизм возможен до тех пор, пока все члены общины лично знакомы друг с другом. По составу это была смесь пролетариев и богемы в пропорции «пять к одному». За четыре года существования в общине родилось много детей, что само по себе явно говорит о позитивном внутреннем климате.

Сектантами занялось ЦРУ, утверждавшее, что все это часть коммунистического заговора, Джонс продолжает подрывную деятельность через своих агентов в Калифорнии и вообще ведет антиамериканскую пропаганду, а сектанты агитируют родственников бросать буржуазную жизнь и переезжать в «джонстаунский рай». К тому же были арестованы все счета «Храма» в банках США. Деньги были отменены внутри коммуны, но сохранялись как форма отношений с внешним миром, общая работа приносила немалый доход: что именно закупать для общих нужд, решал совет. В ответ на арест счетов и судебные иски в «Народном храме» начали регулярно избобличать «осведомителей ЦРУ» и с позором изгонять их из общины.

Конфронтация нарастала. В проповедях внутри общины все чаще упоминалась атомная война и гибель обреченной капиталистической цивилизации как очень вероятная вещь. «Революционное самоубийство» обсуждалось как возможный способ побега из капиталистического ада и в высшей степени моральная акция протеста. В 1978 году на общем собрании «Народного храма» тысяча с лишним человек проголосовали за дальнейшую сегрегацию, а именно за коллективную эмиграцию в СССР. В «Народном храме» верили, что именно эта страна выиграет неизбежную атомную войну и что именно там они смогут продолжить свой социальный эксперимент. Советскому консульству в Гайане ничего не оставалось, как выдать коммунарам сотни анкет на получение гражданства, впрочем, не

готовые к такому повороту советские чиновники всячески затягивали процесс переезда.

В США тоже не могли этого допустить. В Гайану немедленно вылетел известный конгрессмен с целой делегацией проверить, все ли внутри секты в порядке с правами человека и не под гипнозом ли американцев переселяют в Советский Союз? Никаких нарушений он не нашел, если не считать, что «все члены общины занимаются как физическим, так и умственным трудом, у них общая кухня и общие столы для еды и учебы, и полностью отменены товарные отношения». Несколько человек, устав от такого коммунизма и не желая переселяться в СССР, решили вернуться вместе с конгрессменом в США, но на обратном пути им попытались помешать вооруженные боевики «Храма» (доступ к оружию имели все), которые посчитали перебежчиков предателями. В аэропорту произошло вооруженное столкновение между боевиками секты и разочаровавшимися, которые хотели вернуться в США. Несколько человек были застрелены. Фактически это означало объявление войны самому сильному в мире государству.

В тот же день на экстренном собрании общины было принято решение о коллективном революционном самоубийстве. Голосовали за собственное бегство из жизни даже дети. 914 человек, распевая под гитару и банджо героические гимны, причащались виноградным соком из цинковых ванн. В соке был растворен цианид. Такой способ революционного самоубийства был признан коллективным собранием наиболее гуманным. Сектанты репетировали этот обряд много раз до этого и психологически уже не раз пережили свою смерть, что дополнительно сплачивало их в единый солидарный коллектив. Недаром их средневековые предшественники во времена гностиков называли себя «обществами живых мертвецов». Кто-то до последнего рассуждал перед включенным диктофоном о политической и религиозной стороне коллективной акции. Лидер секты, проследив, чтобы весь ритуал был совершен по плану,

попросил одного из своих ближайших помощников, уже принявшего яд, застрелить его.

После себя они оставили манифест. Вот самые трогательные в нем места:

«Мы горды, что у нас есть, за что умирать. <...> Мир был еще не готов позволить нам выжить. <...> Мы были движением к новой жизни, к непокорённым вершинам человеческого духа, сломленным капитализмом, системой эксплуатации и несправедливости. <...> Мы не хотели такого конца, но история предназначила нас именно для этого. <...> Мы хотели вообще забыть о себе и дать миру чуть больше любви, без которой он задыхается. Мы представляли собой образец любящих друг друга людей для миллионов обездоленных, и мы не согласимся снова сдать в плен обществу. <...> Крошечный котёнок сидит рядом и смотрит. Собака лает. Птицы собрались на проводах. Конец “Народного храма” — это ужасная победа. Нам горько от того, что мы не сумели реализовать то, что задумывали, очень горько, что Джим Джонс раздавлен миром, который устроен не нами и не для нас. Нам все равно, сколько человек поймет, в чем именно мы победили. Мы принимаем смерть. Тьма опускается над Джонстауном в этот последний день существования нашей коммуны на земле».

3.3/ После цивилизации

Уже на примере Джонстауна видно, как кое-что изменилось со времен Средневековья в ментальности апокалипсических общин. Никто изначально не планировал конца света, люди рожали и воспитывали детей, тема близкой атомной войны стала доминировать потом, в условиях давления со стороны американских властей. Никто не собирался коллективно уходить из жизни, все работали в поле и закупали трактора, массовый суицид стал восприниматься большинством как революционный долг и единственный выход потом, когда американская сторона начала экономическую войну против секты, а советская сторона

затянула процесс эмиграции. Можно сказать, что коммуна Джонстауна начиналась как позитивная и биофильская и стала апокалипсической только через несколько лет, скатилась к древнему гностическому сценарию по мере усиления враждебности окружения.

Есть и более современные примеры подобных, хоть и не столь массовых, историй. В 1990-х годах на территории США (ферма Вако) ФБР взяли в кольцо библейскую секту «Ветвь Давидова», аграрную общину, отделившуюся от мира в ожидании последних времен и второго пришествия, все члены которой предпочли заживо сжечь себя вместе со своим вождем, нежели сдать оружие и пустить на свою «священную» территорию полицейских. ФБР утверждало, что их лидер Дэвид Кореш превратил секту в собственный гарем, закупал запрещенные виды оружия и удерживал несогласных на территории фермы насильно. Живых свидетелей, которые могли бы это подтвердить или опровергнуть, не осталось. Аналогичная история произошла через пару лет с «Храмом Солнца» в Швейцарии и Канаде. Наконец, совсем недавно пытались уйти в выкопанные в земле норы и ожидать там страшного суда русские сектанты, считающие себя православными христианами. В ответ на все попытки поднять их на землю насильственно они грозили коллективным суицидом. Потребовалось несколько недель переговоров, чтобы вернуть их на поверхность земли и разубедить в скором пришествии миссии.

И все же в большинстве нынешних апокалипсических общин уверенность в близком конце света задана не так строго, как раньше, и склонность к демонстративному суициду не обнаруживается с самого начала. Связано это с тем, что в сознании современных людей идея конца света как финального справедливого воздаяния всем жившим на земле конкурирует с идеей прогресса, то есть бесконечной реализацией возможностей мира через человеческую деятельность. И эта борьба двух перспектив «откладывает», «размывает» и даже в корне меняет отношение подобных общин к сценарию близкого конца.

Некоторые, например, начинают верить, что «правильно встретить Судный день» означает пережить его, попасть в постцивилизацию, как в фильме «Безумный Макс», быть готовыми и стать зачинателями новой, принципиально иной цивилизации, а потому и следует как можно раньше и радикальнее отделиться от цивилизации этой, обреченной. Неосознанная тяга к массовому самоубийству приписывается сектантами как раз большому обществу, а себя они видят в роли людей, которые сильнее других любят и лучше других понимают жизнь, и потому им предстоит ее продолжить «после апокалипсиса». «Небесный град Иерусалим» из последней страницы Евангелия обретает вполне земной адрес и сценарий.

Именно так мыслил Чарли Мэнсон, создавший в конце 1960-х свою «семью» в Калифорнии. Обладавший гипнотическими способностями, талантливый поэт и конспиратор Мэнсон имел максимально неблагоприятную биографию. Он вырос практически без родителей и воспитывался в детских исправительных учреждениях, куда попадал за воровство и вымогательство. Повзрослев и став сутенером, он легко очаровывал девушек и превращал их в проститутку. Отсидев очередной срок, Мэнсон сдружился с хиппи, оккультистами и другими «адептами психоделической революции». Стал писать не лишённые обаяния песни и быстро создал вокруг себя верную ему общину, состоящую из влюбленных девушек и впечатлительных хрупких нестриженных мальчиков.

Мэнсону сложно было любить мир и общество, и потому он учил, что конец света уже начался и все обречены. Все, кроме тех, кто пойдет за ним и вступит в его «семью». Христос уже явился на землю, это и есть он — Чарли. «Семья» уйдет далеко в пустыню с запасом воды, еды и оружия и переждет конец света там. Апокалипсис — это война черной и белой расы, которую начнут «Черные пантеры» против государства. Истерия вокруг появления «Пантер» в тогдашних газетах вполне могла оказать такое влияние на психически нестабильного человека, живущего

святой ненавистью и к черным «недочеловекам», и к белым «трусливым богачам». Белые и черные истребят друг друга, и в мире не останется никого, кроме «семьи».

В «семье», поселившейся в пустыне, было упразднено деление вещей на «твои» и «мои», царил «культ природы», то есть первыми, например, всегда кормили собак, а потом людей. Правда, если другой еды не было, то употребляли в пищу и самих этих «священных собак», воздавая им при этом особые почести. Практически все члены семьи обоего пола были любовниками Мэнсона, считавшего групповой секс под психоделическую музыку важным ритуалом сплочения. Дети воспитывались отдельно от родителей в специальном детском саду, «нераздельном с природой».

Работа ради выживания считалась недостойной, и потому Мэнсон поощрял воровство у «богатых, обреченных, уже мертвых» или музыкальное нищенство на тех улицах, где любили и подавали хиппи. Взять что-то у «жертвенных свиней», у того, кто обречен, означало «сделать нечистое чистым». Иногда община на собственном автобусе совершала массовые выезды в город, на закрытые голливудские богемные вечеринки, где играла роль не очень дорогого бисексуального борделя. Это поддерживало общий бюджет. Кое-кто занимался драгдилерством среди городских художников и музыкантов. Мэнсон мечтал разбогатеть, прославиться и сделать «семью» по-настоящему большой, превратить ее в недостижимую и неприступную крепость, продавая свои песни известным рок-музыкантам, и даже добился в этом деле кое-каких начальных успехов. Порой он удалялся в пустыню один на несколько дней, и «семья» ждала от него новых откровений. Ночью под калифорнийскими звездами в пустыне, у костра, комментируя свои стихи, Библию и последние хиты, услышанные по радио, Чарли с энтузиазмом настоящего пророка объяснял замороженной общине, что получает отовсюду тайные послания о том, как спастись от апокалипсиса, правильно спрятавшись от финальной войны. Весь только что вышедший «Белый альбом»

Битлз — это тайное послание о конце света, обращенное лично к нему. Белых он презирал, а черных боялся.

Но финальная война все не начиналась, и кое-кто в «семье» начал сомневаться в отдельных словах и пророческой миссии Мэнсона. Тогда он решил все взять в свои руки и организовать апокалипсис самостоятельно. Трудно быть богом, но приходится. Назвавшийся Христом должен выполнить миссию финального разделения и суда. Члены семьи запланировали серию ритуальных убийств музыкальных продюсеров и голливудских звезд, недостаточно почтительно отнесшихся к творчеству Чарли, и просто приговорили к смерти нескольких представителей «обреченного белого большинства», с которыми Чарли вообще никак не был знаком. Убийства предлагалось инсценировать так, чтобы все улики указывали на «Черных пантер». Это должно было начать войну двух рас на федеральном уровне, а у «семьи» все было окончательно готово к еще более далекому отделению в пустыню, на заброшенную ферму, которую предстояло превратить в укрепленный форт. Интересно, что арестованные после первых своих «ударов грома», члены «семьи» оставались стопроцентно верны своему лидеру и отказывались свидетельствовать против него, а когда, наконец, и сам Мэнсон оказался в тюрьме, оставшиеся на свободе его «девочки» продолжали борьбу и готовили в качестве возмездия (вовремя раскрытого) покушение на президента США. Они до последнего верили, что им удастся каким-то революционно-магическим образом освободить Чарли и он все-таки их спасет от грозящего всем огня мировой расовой войны.

3.4/ Экологические общины

В гораздо более рациональном и травоядном варианте идеологию «автономных общин как единственного способа пережить близкий конец света» исповедуют многие «глубинные экологи», создающие альтернативные поселения в Европе и США. Их логика такова: когда индустриальная экономика

приведет-таки к экологическому апокалипсису, что неизбежно при дальнейшем бездумном росте потребления, на Земле смогут выжить только те, кто был экономически независим от глобального капитализма, то есть жил натуральным хозяйством, не верил медиа, не участвовал в гонке потребления, наладил собственные источники энергии — ветряки, солнечные батареи, термальные источники, перестроил режим питания и стал вегетарианцем и т. п.

Обычно в общинах такого «автономного экосоциализма» живут не более полусотни человек, да и те часто сезонно сменяются. Нередко это городские активисты различных «зеленых» организаций, приезжающие на пару-тройку месяцев пожить «правильной и будущей» жизнью. Зато такая малочисленность позволяет осуществлять внутри общин прямую демократию, отказаться от «представительства чужих интересов» и даже порой подняться до анархистского самоуправления, то есть всеобщего согласия с принимаемыми решениями. Конечно, этих миролюбивых и конструктивных людей трудно сравнить с «семьей Мэнсона» или гордыми самоубийцами из Джонстауна, и все же идея близкого «страшного конца индустриальной цивилизации» является важным источником их пафоса «организации будущей жизни на коммунитарных основаниях».

Во Франции, например, несколько «экокоммун» объединены в сеть взаимопомощи, которая в последнее время охватила и соседние страны — Италию и Грецию. Проблемы создания новых общин и кризиса общин прежних, внедрение «чистых» технологий и агрокультур, отношения с «экотуристами», которые обожают в эти коммуну приезжать, чтобы недолгое время там пожить и поработать, — все это обсуждается в единой сети, охватывающей несколько сотен постоянных энтузиастов «альтернативной жизни». В США существует аналогичный проект «Кристалл Вотерз», вдохновленный идеями одного из отцов американской демократии — Генри Торо.

Их практика также показывает, что изначальный апокалипсический пафос гаснет постольку, поскольку большое общество относится к ним терпимо, с пониманием, а иногда даже с завистью. Современные «экообщинники» все чаще воспринимают себя не как исключительный эмбрион будущего в обреченной современности, но как одну из форм социального и культурного многообразия. Современный мир оказывается достаточно богатым и гуманным, чтобы позволить себе множество таких вовсе не обязательно конкурирующих форм.

Конечно, по логике экологов, аграрный (авторитарный и циклический) тип сознания в нашей истории сменяется индустриальным и урбанистическим (экспансивно присвоительным, конкурирующим за успех), а после приходит и вовсе новый постиндустриальный человек — биофильский, творческий, не нуждающийся ни в делегированной ему другими власти, ни в полученной от использования других прибыли. Но приход этого нового человека вовсе не обязательно связан с неизбежностью мировой экологической катастрофы. Рост потребностей людей может и без этого развиваться в «изменение потребностей», когда возникнет спрос не на вещи и услуги, но на творческие возможности и неотчужденные отношения. «Экологический тип сознания» отнюдь не равен аграрному и не является к нему возвращением, хотя извне жизнь «экообщины» и может напоминать небольшое племя индейцев или других аборигенов. В «экообщине» не просто происходит отказ от городской рыночной «гонки за успехом» и «эксплуатации среды», но, в отличие от маленького древнего племени, всё решают горизонтальные, а не вертикальные связи. Важна способность сотрудничать и учить, а не способность командовать и взыскивать. В них культивируется максимальная индивидуальность и разнообразие, личная ответственность (нет никакой «чьей-то» власти, которая может оказаться виноватой в случае провала) за всё, что происходит в общине. Выбор образа жизни и типа отношений с другими, не в ущерб самому существованию общины, конечно. Поощряется культурное

разнообразие и развитие технологий при том условии, что они не вредят, но помогают природе.

3.5/ Атши

В 1990-х годах на территории бывшего СССР было предпринято несколько не очень удачных попыток создать небольшие экологические общины в руинированных и одичавших вымерших колхозах или вообще в дикой природе. Обычно участвовало в каждом таком опыте не более пяти — семи человек, близко знающих друг друга и связанных с «зеленым движением». Ни технических, ни финансовых ресурсов у «общинников», как правило, не было, а такой важный стартовый ресурс, как первичный энтузиазм, быстро иссякал, особенно если община практиковала «пермакультуру» — земледелие без вспашки и химических удобрений. Все это оказывалось затратно, сложно, требовало непривычно много труда и быстро навевало тоску по городской цивилизации, где быть экологом гораздо проще.

Самым заметным и долговременным из таких проектов оказалась коммуна «Атши» в Краснодарском крае, названная так по имени идеальной планеты из утопической прозы Урсулы Ле Гуин, жители которой жили в полной гармонии со средой. Впрочем, символом и идеологом «Атши» с тем же успехом мог стать Снусмумрик из цикла Туве Янсон о Муми-троллях. Коммуна началась как инициативная группа, протестовавшая против вырубki заповедных крымских лесов. И в дальнейшем защита дикой природы оставалась ее важнейшим мотивом и даже источником скромных средств: получаемые активистами на экологические проекты гранты стали базой общинного бюджета.

В идеальном мире своей мечты «Атши» — это такие высоко духовные и равнодушные к материальным благам существа, которые живут в девственных лесах и не позволяют «системе» уничтожать их, некие прекрасные «дикари» из кэмероновского фильма «Аватар». В действительности же, внутри «Атши» как

социального проекта, привлекавшего городских неформалов (кришнаитов, растаманов, анархистов, хиппи и т. п.), быстро сложилось устойчивое «ядро» (не более десяти человек, готовых радикально изменить свою жизнь и переселиться в лес) и «река», или «аура», Атши, то есть постоянный поток сочувствующих тусовщиков, которые готовы были пожить такой природной жизнью и побороться за природу некоторое время. Как природоохранный проект «Атши» добилась некоторого успеха, но вот их «автономная коммуна» оказалась «блуждающей» или «мерцающей», то есть вынужденной часто менять место. Ресурсы роста были предельно ограничены, «тусовку» приходилось все время удерживать на расстоянии от «ядра» и т. п. Тем не менее внутри общины быстро сложилась общая этика: потребительский минимализм, самоуправление, запрет на компьютерные игры и т. п.

В идеологии «Атши» легко обнаруживается умеренная апокалипсичность: часто всплывает «обреченность мира», а не просто его бездуховность и несправедливость. Хватает также и гностического пафоса: «в самом восстании и сопротивлении возникает самодостаточный момент свободы». «Противником» объявляется потребительская индустриальная цивилизация, запрограммированная на прибыль и формализовано-иерархическая по своему устройству. Подчеркивается древняя идея чистоты от несправедливого мира, столь необходимая для коллективного нарциссизма. И все же «Атши» оказалась мягкой и неустойчивой формой добровольной сегрегации, скорее инициативной группой, совершавшей регулярные, но кратковременные попытки сбежать от большого социума, сохранив в нем при этом роль «представителей интересов природы». Попытки примкнувших к проекту нескольких семей «олдовых хиппи» долговременно поселиться в горной крымской глуши выглядели довольно жалко и мало кого могли привлечь. Община не смогла справиться с воровством и алкоголизмом местных жителей. Сами общинники оказались способными лишь к спорадическим «большим скачкам активности», а не к

регулярному тяжелому труду. Соблюдать вегетарианство в таких условиях весьма мучительно, и оно осталось «желательной декларацией», а домашних животных никто в итоге «не контролировал», и дикие хорьки, выходя на ночную охоту, отгрызали головы «общим» гусям, уснувшим «на природе», то есть где попало.

4/ Христианский вариант

Начав с поселения ессеев, мы вспомнили уже об очень многом — гностиках, демонстративной суицидальности еретических общин, апокалипсическом восприятии мира, которое может быть задано, а может и возникнуть в процессе самосегрегации. От этого перебросили мост к современным общинам экологов и неформалов, но совсем ничего не сказали о христианской традиции, доминировавшей на Западе последние семнадцать веков.

Первые монастыри появились в Сирии и Египте в III–IV веках. Обычно сценарий их возникновения описывается так: желая освободиться от скверны и соблазнов мира, одинокий святой уходит в далекое труднодоступное место, чтобы там каяться во грехах, спасти свою душу постом и молитвой и общаться только с Богом. Первыми, кто его «замечает», становятся птицы и животные. Вороны приносят отшельнику хлеб, лев помогает ему строить дом в пещере, собака или кот становятся вместе с ним на молитву, а скорпионы и змеи защищают его от разбойников и прочих лихих людей. «Созданная Богом» природа признает отшельника чем-то лучшим, чем она сама, обладающим особенной благодатью. В свою очередь отшельник вынимает у львов занозы из лап и проповедует птицам и насекомым христианство, рассказывая им историю жизни Спасителя и передавая его слова.

Услышав об отшельнике, вокруг него собираются первые ученики, которые видят в нем подобие Христа, а свою жизнь хотят уподобить жизни апостолов. Очень часто само появление

этих людей (в отличие от животных) вызывает гнев и неприятие отшельника. Он называет себя грешником, не достойным быть их учителем, и прогоняет их прочь либо сам пытается уйти еще дальше: «я не звал вас и не хотел». Это важная часть сюжета, потому что в будущем именно она будет оправдывать абсолютный авторитет учителя и его преемника, а также абсолютную неизменность оставленного им «общежитийного устава».

С самого начала монастырская община признает себя чем-то пассивным, объектным, нуждающимся в правильном управлении, формы которого никем не обсуждаются и никогда не меняются. Всякая внутренняя демократия в такой общине исключена, это маленькая мистическая монархия. После долгих уговоров и увещаний пустынник все же соглашается возглавить общину и дать ей правила спасения. Кроме беспрекословного соблюдения этих правил, моделью монастырского поведения является подражание учителю во всем, насколько это возможно. Теперь он не просто одухотворяет природу, но и становится примером альтернативной, «не мирской» жизни для самых духовно чутких из людей. Весь этот «египетский» сюжет в деталях был перенесен на русскую почву и ровно через тысячу лет лег в основу жития Сергия Радонежского, которому медведи в лесу помогали строить его первый уединенный скит, основателя самого известного монастыря и автора самого распространенного монастырского устава.

Логика первых монастырских общин такая: большое общество (то есть на тот момент не принимавшая христианства или едва терпевшая его Римская империя) полностью находится во власти «князя мира сего» и «врага рода человеческого». Один спастись от него ты вряд ли сможешь. Общество как целое, даже если оно внешне примет «правильную религию» (что и происходило на глазах пустынножителей IV века), качественно не изменится. Как целое общество не способно к сопротивлению власти сатаны и отказу от его соблазнов. Остается маленькая

община, которая обособила себя от слепой толпы, чтобы иметь то, за что бесполезно бороться в большом обществе.

Монастыри оказались гениальным социальным изобретением, позволившим на огромной территории всей Европы и Ближнего Востока спасти античную культуру (в христианской упаковке) во времена крушения империи и последующих нескольких веков непрерывных войн и нестабильных ранних варварских королевств. Только когда в VIII–IX веках европейские королевства относительно стабилизировались, непосредственно от монастырей произошли первые университеты, но до этого момента монастырь оказывался единственным центром культуры, мастерской «высоких» сакральных искусств, библиотекой и школой. Запрет на сексуальную жизнь, а также однополость общин накапливали в монахах или монахинях достаточную энергию для развития иконописи и зодчества, непрерывного переписывания древних книг, усердного изучения латыни и греческого. В большинстве монастырских общин разрешалось иметь скромное количество личной собственности: у тебя может быть твой крест и твоя Священная Книга, но не может быть «твоего» хлеба и «твоей» кельи.

Монастырь был коллективным собственником земли, зданий, утвари и даже одежды монахов. Однако в процессе институционализации церкви, «пережившей империю», и превращения ее в многоступенчатую международную иерархию с огромным политическим и экономическим влиянием, даже эта коллективность собственности утратилась, потому что монастыри стали во всем подчиняться папе (или патриарху, главе ордена и т. п.). Теперь судьба общины и даже кандидатура настоятеля решались церковным начальством далеко за стенами монастыря. Появилась «специализация» монастырей, одним отводилась роль тюрем для высланных из столицы лиц, другим роль преуспевающих феодальных хозяйств, эксплуатирующих окрестных крестьян, а третьим — роль художественных

мастерских, обеспечивающих дворцы и столичные соборы предметами роскоши.

Монастырская община — это такая форма добровольной сегрегации, в которой изоляция от соблазнов мира, конечно, есть, но способность к социальному творчеству заблокирована неизменным уставом и непререкаемым авторитетом сакральной власти, и остается только творчество религиозное, например иконопись или церковное пение, но опять же постоянно сверяемое со старинным канонам. В этой консервативной форме добровольной сегрегации, фактически в «микромонархии», запечатлен свойственный аграрной эпохе культ неизменности и повторяемости событий, необходимых для спасения души. Со временем мало что осталось от «автономии общин», монастыри стали просто специфической частью культурной политической и экономической Большой Системы. Традиция же более творческих общин, допуская экономический, культурный и педагогический эксперимент, досталась вышеупомянутым еретическим сектам и тайным обществам, а затем и светским коммуна социалистов, экологов и неформалов.

5/ Исламский вариант

5.1/ Аламут

Внутри мусульманской цивилизации никакой «уход общины от мира» вообще-то не задан, и потому там нет никаких, в строгом смысле слова, монастырей. Ислам как политическая доктрина обращен ко всему обществу, которое должно быть «правильно» организовано, а вовсе не к «общине избранных». Основатель этой религии, до того как встретил ангела на горе, был успешным торговцем-караванщиком, а после, создав вокруг себя преданную армию, завоевывал города. Пафос обособления от мира исламу не свойствен, мир не является «плохим», общество не является «помехой», и человек от рождения не имеет на себе никакого «первородного греха», который он должен

«искупать», отказываясь от благ мира и социальных связей. Однако, как только исламская цивилизация включила в себя миллионы людей, объективное стремление многих к самосегрегации неизбежно породило специфические и очень интересные формы автономных общин, самая известная из которых Аламут в иранских горах (XI–XII века).

Их харизматический лидер Хасан ибн Саббах планировал создать целую сеть подобных крепостей, в которых некачественный «человеческий материал» переплавлялся бы в «сверхлюдей», занимающих промежуточное положение между ангелами и людьми, в «воинов между землей и небом». Эта тайная элита должна была негласно управлять миром, то есть отдавать всем правителям приказы, за невыполнение которых полагалась смерть. При этом она должна быть радикально отрезана от мира и не связана ни с одним народом или государством, чтобы не потерять понимания мудрости, данной пророку-харизматику в откровениях, а также записанной в «неразглашаемых свитках», доставшихся лидеру, согласно их вере, от древнееврейского царя Соломона (Сулеймана Премудрого), построившего храм на иерусалимской горе. Свитки эти показывались лишь самым совершенным, прошедшим до конца путь «отказа от себя ради Аллаха», копировать их запрещалось. Что касается той части знания, которая передавалась непосредственно от пророка, то записывать ее вообще не разрешалось, и эти сокровенные слова передавались устно. Насколько известно, это были в основном необычные, «более глубокие» трактовки «обычного» ислама, авторская расшифровка Корана и сунны, которая открывается единицам. Например, очень сложная концепция нахождения души не в голове и не в сердце, но в «говорящем горле» человека и т. п. Самый простой и эффективный способ создать тайный язык для посвященных — это наделить всем с детства известное поразительным и крамольным смыслом.

Политической целью «общины горного старца» была загадочная «отмена всех законов» в соответствии с аламутским

лозунгом: «нет истины на земле и все дозволено на ней». Конечно, уход в горную крепость означал обрыв всяких семейных и вообще «прежних» связей. Вход женщин в Аламут в любой роли был запрещен под страхом смерти. Хасан ибн Саббах сделал следующий радикальный шаг в практике социального инобытия, усилив свою власть над сознанием общины до максимума за счет нового тезиса: «у тебя не просто не может быть ничего своего, но и само твое тело, казалось бы, неотъемлемое от рождения “твое”, больше тебе не принадлежит и управляется извне». Даже в состоянии полного «братства имуществ» отдельность человеческих тел мешает реализовать утопию о тайном ордене сверхлюдей. Право на тело как минимальная основа индивидуальности мешает «войти в пророческий луч», в котором все принадлежит Богу, а воля Бога транслируется через харизматического лидера. Поэтому тело, как и сознание «братьев» из горной общины, должно было полностью контролироваться учителем.

Для того чтобы пережить столь радикальный отказ от себя, требовался непосредственный опыт смерти. В обществе учителя «вступающий на путь» курил гашиш и ел пищу с галлюциногенами, а потом его переносили в закрытый «идеальный сад», где для него танцевали «гурии» и ангел сообщал ему первые «тайны собственной судьбы». После возврата «из сада» молодые люди были уверены, что уже однажды умирали, видели рай и танцующих в нем под божественную музыку «гурий», общались с ангелом, но временно для выполнения особенной работы вновь возвращены на землю. С этого момента они были готовы к смерти, полностью подчинялись учителю и мечтали только о том, чтобы снова вернуться «в сад», то есть погибнуть, выполнив задание. Высокогорный Аламут был их «лифтом на небо». «Танцующих гурий», кстати, изображали другие, более продвинутые адепты этой веры, идеально владеющие искусством перемены облика, что помогало им проникать практически в любой замок или дворец мира, чтобы нанести свой удар отравленным кинжалом в

сердце тому, кто осмелился перечить учителю. После посещения сада, новый адепт отвечал на вопрос о своем возрасте: «столько-то дней после моей смерти». Они собирались править миром, подготовить и реализовать финальную войну между верными и неверными и «отменить все законы» с помощью древней магии и искусных убийств. Во многие языки мира их самоназвание «ассасины» вошло в значении «виртуозные убийцы», а в другие языки как «хашишины», то есть любители гашиша. На более высокой стадии «отказа от себя» адепт уже знал, что сад это всего лишь метафора, место в крепости, наркотический спектакль, необходимый для первичной вербовки неопитов, но сознание «живой машины» уже настолько было растворено в «пророческом луче», что эта «живая машина» воспринимала такой обман как необходимую ступень «великого отказа». По словам самих ассасинов, как бы далеко от крепости они не находились, они всегда чувствовали на своих спинах взгляд своего старца, и он в любой момент мог, если хотел, вступить с ними в телепатический контакт.

Идея скорого конца света, наполнявшая прежние автономные общины энтузиазмом, в Аламуте была заменена идеей скорой личной гибели как окончательного «растворения в луче», избавления и полной победы над своим «животным» прошлым. Впрочем, и апокалипсичность, конечно, присутствовала. Ассасины воспринимали своего «горного старца» как «последнего имама», который пришел в этот мир, чтобы взять в свои руки власть над человечеством и все подготовить к последнему суду над людьми. Во время Страшного суда ассасины собирались прислуживать на храмовой горе Иерусалима Христу, который будет взвешивать души всех живших на земле. Этот образ определял их особые отношения с христианами и крестоносцами. Тамплиеры, владевшие тогда иерусалимской Храмовой горой, были частыми гостями в Аламуте, обсуждали со «старцем» подробности грядущего суда и, насколько могли, копировали исмаилитскую практику организации и внушения в своем ордене.

Однажды Хасан ибн Саббах принимал в своей крепости короля крестоносцев (отказаться от такого приглашения было равнозначно самоубийству), и христианский король стал говорить, что преданность его воинов вполне сравнима с рвением ассасинов. Они шли по крепостной стене, и, чтобы показать степень своей власти над «живыми машинами», учитель, проходя мимо очередного стражника, делал едва заметный знак рукой, после чего стражник, не задумываясь, прыгал со стены в пропасть. «Мне достаточно сдуть пыльцу цветка с пальца, чтобы отнять жизнь у любого смертного», — сказал напоследок старец королю. Ассасин получал в Аламуте навык боевых искусств, перемены облика, гипноза и иностранных языков. Его личность, управляемая извне, становилась максимально пластичной. Не стоит, впрочем, воспринимать эту крепость как мрачную школу профессиональных киллеров Средневековья. По приглашению старца в крепости подолгу жили известнейшие алхимики, астрологи и поэты исламского мира, которым обещали открыть часть тайного знания. Конечно же, и сам учитель перенимал у них знания, метафоры, практики, помогавшие ему совершенствовать управление своими «живыми машинами». Вечерами, когда над крепостью всходила луна, он лично играл для обитателей Аламута на зурне и каждому давал задание на завтрашний день, а также отвечал на вопросы своих учеников.

Иногда для всех пророчествовала «отсеченная голова» одного из братьев. Делался этот фокус так: на полу перед старцем стояло большое блюдо, составленное из двух незаметно соединенных половин. Под ним скрывалось тайное помещение для одного человека. Один из «горных братьев» прятался туда, его голова изображала отрубленную и залитую кровью. Она говорила все то, что требовалось учителю. А через час все видели ту же самую, уже взаправду отрубленную голову на копье во дворе крепости. Можно себе представить степень власти Хасана над его людьми, если они безропотно соглашались сыграть такую роль и расстаться с жизнью ради «воспитания неопитов». Тема отсеченной головы как эмблемы отказа от рационального

сознания и личного самосохранения приобретала в свидетельствах об ассасинах самые фантастические формы. Один христианский миссионер пишет, что бывал в их крепости, и что на своих собраниях исмаилиты, дружно хлопая в ладоши, отсекают голову одному из «братьев», после чего она перекачивается от брата к брату и пророчествует, раздавая задания каждому, а потом ее приставляют обратно к плечам, и она прирастает вновь, как ни в чем не бывало. Возможно, это искаженное свидетельство о каком-то случае, когда ассасин, изображавший «отсеченную голову», был замечен после этого живым и невредимым, что потребовало объяснения.

Для ассасинов мир — это набор метафор, намекающих на нездешнюю истину, но ключ к метафорам есть только у учителя, личное творчество по расшифровке тут исключено. Например, высокогорное положение крепости означает, что ассасины выше остальных, ближе всех к Богу и их невозможно подчинить. Впоследствии, после смерти харизматика, оставившего власть наследнику, ожидание конца времен ослабло, элитарный пафос дистанционного управления миром иссяк, и ассасины постепенно слились с исмаилитским течением ислама. Их проект начал терять прежнюю энергию, когда после смерти учителя они все же попытались создать сеть аналогичных крепостей, управляемых из Аламута. Отсутствие эксклюзивности одного «лифта» и единственного «места» преобразования, а также необходимость управлять «филиалами», то есть стать элитой маленького государства, нормализовало их психику и вернуло в большой социум. Окончательным разочарованием в мечте о «братстве сверхлюдей» стал захват Аламута монгольскими кочевниками. Если кто-то смог победить «сверхлюдей» и захватить их крепость, значит, возникали слишком большие сомнения в их сверхчеловеческом статусе.

Все это чрезвычайно нравилось битникам XX века — Уильяму Берроузу и Брайону Гайсину, который был к тому же абстракционистом и считал исламское искусство первой в истории практикой художественной «беспредметности». В своих

текстах они не раз изображали Аламут как гомосексуальный рай, вооруженную мужскую общину магов и духовидцев, управляемую гением, живущим «по ту сторону добра и зла», а экономически существующую за счет запуганной «крестьянской черни» из окрестных сел. Для них образ крепости стал образцовой психоделической мастерской по растворению устойчивых, то есть социализированных, личностей и лабораторией подготовки мировой анархистской революции — «отмены всех законов». Брайон Гайсин даже совершил паломничество к руинам крепости в конце 1950-х, никаких следов сверхлюдей там не нашел, но зато с удовольствием обнаружил, что в этих местах все в порядке с мужской проституцией любого возраста.

5.2/ Суфии

Гораздо более мирный вариант добровольной сегрегации в исламе — небольшие суфийские общины, тарикаты (они же ханака, рибат, текке, даргах и др.), возникавшие вокруг учителей-харизматиков, распространявших «барака», то есть благодать, на своих учеников. Такие общины возникали начиная с IX века на всей мусульманской территории от Марокко до Индии. В отличие от христианских монастырей (и Аламута) в большинстве известных нам общин суфиев складывалась гораздо менее авторитарная обстановка. Харизматик, конечно, стоял во главе общины как духовный наставник каждого, но жесткого устава, единых для всех правил и копирования поведения учителя не было. Учитель должен был провести каждого ученика собственным путем по всем нужным «стоянкам» и «стадиям», чтобы его ложная (прежняя) индивидуальность, «низшая душа», испепелилась в огне любви к Аллаху. На пути радикального отказа от внутреннего и внешнего эгоизма суфиям помогали стихи, танец, пение, медитация, постоянный «зикр», то есть активная молитва «всем телом», соблюдение постов, сеансы гипноза, философские диалоги с теми, кто продвинулся дальше

на пути, и т. п. Эксперименты с кофе помогали им не спать по несколько суток и достигать «озарения».

Обычно путь ученика занимал 1001 день, и после этого «преображенный» становился полноправным участником общины. Многие из этих общин, судя по описаниям, напоминали скорее творческие мастерские и педагогические центры, школы поэзии, философии и психотехники, оставаясь при этом добровольными сегрегациями, то есть выключенными из большого социума, не играющими в нем заметной роли. Большинство халифов относились к ним терпимо и не требовали подчинения иерархическому миру исламского государства, а некоторые, особо любопытные правители бывали частыми гостями у суфиев и прислушивались к их советам.

Суфии отказывались не только от социальной роли, но и от семьи и собственности, считая их важнейшими препятствиями на избранном пути: «нельзя одновременно принадлежать Аллаху, семье и скопленному имуществу». Перед суфием стояла задача конвертировать внешнюю собственность, от которой он отказался, во внутреннее «приобретение истины» и «преображение сознания и плоти». «Все принадлежит Богу и потому не может быть твоим, и познав это во всей глубине, ты сам совпадешь с волей Бога без малейшего зазора». Одной из форм отказа от собственности становился, например, отказ от авторства. У суфийских поэтов было принято подписывать свои лучшие стихи именами своих друзей и учеников, сама же поэзия понималась как форма вовлечения и трансляции их опыта. «Нет границ между людьми для зрячего, и все они зеркала, в которых отражается волна благодати». Как правило, общины не тратили время на натуральное хозяйство и самообеспечение и существовали за счет пожертвований богатых поклонников учителя или обобществляли и растрчивали собственность новообращенных. Таким образом, это был творческий, достаточно свободный, но иждивенческий, то есть зависимый от большого социума, «коммунизм мистиков».

Однажды мальчик, еще не успевший никем стать, услышал, как звонко и ритмично бьют инструменты золотых дел мастеров на ближайшем к его дому рынке, и эта посланная Аллахом, идеальная музыка ручного производства заставила его возвращаться на одном месте и петь. В этот момент он стал поэтом, вскоре в этом убедились и окружающие, а еще через несколько лет Руми стал основателем знаменитой суфийской общины «крутящихся дервишей», которые до сих пор живут как полузакранный орден и танцуют этот танец вокруг могилы основателя в турецком городке Конья. Через шесть веков после появления Руми на свет, Гегель, читая его стихи в переводе Рюккерта, признавался, что именно они окончательно открыли ему природу гениальности и ее отношение к абсолюту.

Часть вторая

**ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПРЕДПОЛАГАЕМЫЕ
РЕШЕНИЯ**

6/ Проблема харизматического лидера

Прежде чем рассмотреть дальнейшие (преимущественно светские, а не религиозные) примеры добровольных сегрегаций, мы уже сейчас в состоянии назвать несколько проблемных полей, которые затрудняют их успех и подрывают подобные проекты.

Диалог и коммуникация не просто следствие, но условие, причина всякого мышления и всякого нашего представления о самих себе. Живя в большом обществе, мы все являемся друг для друга экранами, на которые мы привычно проецируем свои страхи или надежды, в зависимости от того, к какой роли нас обязывает ситуация.

Любой антрополог подтвердит вам, что Робинзон, одиноко читающий на острове книги и рационально ведущий свое хозяйство, — это ложь, а вот Бен Ган из «Острова сокровищ», одичавший в джунглях до почти обезьяньего состояния и почти забывший человеческую речь, — это правда. Впрочем, это чувствовал и сам Дефо, добавив все же к Робинзону Пятницу, воспитывая которого, Робинзон «перезагружал» свой, привезенный из Европы цивилизационный код. Живя в большом обществе, мы нуждаемся в экранах, поддерживающих наши роли: «я как звезда для поклонников», «я как отец», «я как хозяин», «я как старший», «я как надежный работник» и т. п.

Уходя в общину, мы расстаемся не только со многими из этих ролей, но и (что важнее) с теми, кто эти роли в нас поддерживал, кто с ними соглашался. В традиционном обществе главная психологическая причина обособления от «мира» — желание стать лучше, стать совершенным, стать святым. Человек пытается ради этого отказаться от своей прежней личности, соответствовавшей прежнему обществу и не соответствующей обществу новому, обособленному от прошлого. Харизматический лидер общины становится проекцией этой новой, желаемой идентичности. Окружившие своего «учителя» находят в нем все, зачем пришли сюда, и не замечают в нем всего того, что хотели бы оставить в прошлом. Харизматик — это «живой закон»,

который часто даже не нуждается в формализации, записывании, выучивании. Харизматик становится живым поводом для добровольного подавления «прежней субъективности». Это подавление «прошлого себя» выражается в верности харизматику, доходящей до мазохизма. Расставшись с собой вчерашним, человек получает образ харизматика в качестве замены всех прежних ролей. Однако люди мало меняются во взрослом возрасте, «отказ от прежнего себя», хоть и приносит вначале эйфорию и чувство очищения, но редко бывает долговременным. Внутри людей накапливается дискомфорт и агрессия, эти чувства начинают сталкивать их друг с другом и разрушать общину. Когда харизматик уходит, умирает, дистанцируется, становится менее доступен, какой бы «идеальной» община не казалась, она рассыпается на глазах.

Члены общины обычно уходили из мира, где правил царь или другой авторитарный лидер, и немедленно восстанавливали внутри своей общины собственного «царя», образовывали микромонархию. Почему же они не возвращались в большое общество? Разница в том, что теперь в локальной общине они чувствовали себя не удаленными, а приближенными к помазаннику, наделенному духовной властью свыше, или, в более светской версии, к тому, кто лучше остальных понимает, что такое идеальная община и по каким правилам она должна строиться. В случае Аламута микромонархия даже претендовала на тайное мировое господство.

Ушедшие в общину создавали своего «харизматика» каждый день, чтобы чувствовать себя придворными вокруг идеального правителя. Но быть «идеальным правителем» 24 часа в сутки, никогда не выходя из этой роли, утомительно, харизматик не мог быть со своими «чадами» вечно. Если он дистанцировался и люди ощущали дефицит «живого закона», появлялся другой претендент на роль харизматика, отчего община раскалывалась надвое.

Возможный выход из этой проблемы — это максимальное осознание всеми участниками общины, что нужный им «лидер»

это всего лишь символ, цель, псевдоним, под которым скрывается сам обособившийся коллектив. Сама община и является подлинной ценностью. Важно не «стать таким же чистым», как несчастный лидер, вынужденный быть актером для восторженных зрителей, но важно само участие, общая деятельность в общем проекте, именно она дает нам энтузиазм, желание продолжать и, возможно, усиливать свое участие. Этот опыт общего дела вполне может заменить образ чьей-то личности, которая представляется нам лучше и совершеннее нас самих. Символически мы себя воплощаем в деятельности, а не в образцовом человеке. Никто не может говорить от имени всей общины, никто не наделен властью над другим, каждый пришедший одинаково важен и полезен для других и необходим им для их реализации. Каждый учитель — ученик, и каждый ученик — учитель. Община производит новые отношения между людьми вместо власти с ее иерархией и конкуренцией, навык альтернативной жизни и солидарной деятельности — вместо харизмы лидера. Это в самом общем виде и называется принципами антиавторитарного гуманизма: важность для коллектива всех, насколько бы «разными» они ни оказались. Если ты игнорируешь кого-то, отказываешься от контакта с ним, — это твое право, но ты должен осознавать, что ты отказываешься от новой возможности реализовать себя; и наоборот, если ты ставишь кого-то выше себя как ролевою модель, ты должен понимать, что ты топчешь себя и идешь по слишком легкому пути «отождествления с вымышленным лидером». Этот путь дает временную наркотическую эйфорию и тяжелое отрезвление.

Конечно, попытки обойтись без харизматика или, по крайней мере, свести к минимуму необходимость в нем, делались и в весьма давние времена. Люди чувствовали, что объективная потребность в харизматике как в «идеальной проекции» остается, и пытались избежать издержек с помощью игры: на тайных собраниях иоаннитов ставили к столу один пустой стул, на котором «незримо» располагался Иоанн Креститель, именно он и объявлялся подлинным главой собрания, по отношению к

которому все присутствующие равны. В ранних протестантских общинах, где пытались соблюдать принципы прямой демократии и общую включенность, принято было регулярно спрашивать: «Что сказал бы Христос, если бы сейчас вошел сюда?» Это помогало договориться, обсудив предположительную реакцию Христа по спорным вопросам. В современных антиавторитарных общинах возможен выдуманный, условный харизматик как персонаж совместно сочиняемого всеми комикса, раз уж без него совсем нельзя обойтись. Каждый участник сочиняет (при желании) свою историю про этого выдуманного харизматика. Другой выход: на роль «гуру» с особыми (игровыми) полномочиями участник общины назначается по жребию или просто по очереди на одни сутки. Это важный опыт — почувствовать себя духовным пастырем, наставником и образцом для остальных всего на сутки.

7/ Проблема внутреннего устройства

Там, где община решила обходиться без харизматика, неизбежны новые проблемы. Там, где нет «живого закона», воплощенного в благом учителе, правила придется выработать и делать более гибкими всем вместе. Если кому-то лень заниматься таким политическим творчеством, он вынужден будет смириться с тем, что ему придется жить по правилам, которые он не создавал и не обсуждал, и в какой-то момент такие правила могут показаться ему «неправильными» и «чужими».

В общине неизбежно возникают спорные, проблемные ситуации, и ей приходится выработать внутренние правила. Вот самые важные, частые и острые вопросы.

Нужно ли и как именно должно выглядеть «взыскание», если все (или большинство?) считают, что кто-то всерьез провинился перед коллективом?

Каковы условия приема в общину: длительность испытательного срока, все или большинство должны быть «за»?

Равны ли права у новичков и старожилов?

Каким должно быть в общине соотношение между личным пространством и личной собственностью каждого, с одной стороны, и общим, доступным всем пространством и собственностью — с другой?

Обязателен ли (и с какого возраста?) полезный труд внутри общины или он может быть заменен эквивалентным материальным или денежным вкладом человека, живущего в общине, но работающего (или имеющего другие доходы) за ее пределами? Это важный психологический вопрос: должен ли ты непременно приносить непосредственную пользу внутри общины или кому-то позволено просто жить в ней и вносить сопоставимый с трудом других денежный взнос в общий бюджет, работая в городе или просто тратя таким образом свои прежние накопления? И как много может быть в общине таких «туристов», участвующих в ней капиталом, а не трудом?

Кто, при каких условиях и в каких объемах может пользоваться общим бюджетом и общей собственностью?

Кто планирует главные, обязательные дела на ближайшее время и отделяет их от дел необязательных, второстепенных?

На все эти и многие другие вопросы нет универсальных ответов, но все они вполне решаемы в конкретных ситуациях, и регулярное собрание общины должно их рассматривать, предоставляя слово всем. В идеале, особенно в небольших общинах, каждый сам определяет степень и форму своего участия, а все важные решения принимаются на собрании консенсусом. Единственной репрессивной мерой в такой сплоченной общине является «выписка», отселение, изгнание «не-вписавшегося» человека, но и оно должно быть поддержано единогласно. Но такие идеальные отношения возможны лишь в очень небольших группах очень близко знающих друг друга людей. Полный анархизм достижим лишь в общине, похожей на счастливую семью муми-троллей. Как мы увидим позже, консенсус вполне возможен почти всегда там, где вместе живет от пяти до двадцати близко знакомых и хорошо друг друга понимающих людей. Возможно, это идеально для общины с

наилучшим внутренним климатом и отсутствием подавления. Как только община становится чуть больше и эмоциональные связи в ней оказываются уже не столь прочными, возникает необходимость демократии, то есть подчинения «несогласного меньшинства» большинству. Главный минус демократии и сопутствующего ей подчинения в том, что психологически она накапливает недовольство и обиду у тех людей, которым часто приходится «подчиняться воле большинства», а также появляется возможность для интриг и даже заговоров с целью перетянуть большинство на свою сторону.

И в первом, и во втором случае общее собрание жителей сегрегации является единственным субъектом принятия решений. В собрании участвуют и высказываются все, кто на данный момент принят в общину и живет в ней. Если собрание стремится к консенсусу, а изгнание и отселение остаются единственной мерой взыскания, такое собрание требует времени на долгие дискуссии, но зато исключает авторитаризм (в том числе и давление большинства на меньшинство), гарантирует отсутствие в общине «уполномоченной власти», неизбежно связанной со злоупотреблениями и манипуляцией. С другой стороны, если кто-то доверяет общине настолько, что не ходит на собрания и не высказывается, никто не может его заставить, присутствие и участие является желательным, но не обязательным, правом, но не обязанностью.

Чисто анархистская утопия — «пусть каждый живет по своим правилам и дает другим, сколько захочет» — слишком хрупкий вариант, никакой общины не получится, ее быстро облепят иждивенцы и паразиты. С другой стороны, отсутствие общего пространства и собственности, общего плана и добровольных обязательств друг перед другом размывают идею добровольной сегрегации до абсурда. Тогда выходит, что комьюнити олигархов на Рублевке — это тоже добровольная сегрегация миллионеров, отселившихся от неудобной им Москвы и завидующего им «быдла».

8/ Проблема враждебного окружения

Это проблема имеет две стороны.

Во-первых, большая социальная система, которая пытается вторгаться на территорию общины с проверками, запретами, вопросами, требованиями и т. п. Или, как вариант, система пытается активно экономически конкурировать с общиной, если община поставляет что-то на ближайший рынок. Авторитарные системы обычно стараются не допускать на «контролируемой территории» никакой социально-экономической самостоятельности и, накручивая множество обвинений, пытаются разомкнуть и раздавить общину и вернуть ее участников в «большое общество». Не столь авторитарные государства способны к симбиозу и готовы к пониманию того, что люди внутри государства могут жить по разным правилам при условии, если они не нарушают правовых норм. В этом смысле для правильных отношений с государством нужна убедительная легенда — община должна быть зарегистрирована как что-то «понятное государству» и соблюдающее какие-то его условия. Не менее часты ситуации «аллергии» на общину именно авторитарного общества, а вовсе не авторитарных властей. Люди, жившие там, где появляется община, относятся к ней подозрительно, начинают конфликтовать с изоляционистами, завидовать, распускать слухи, а то и приворовывать у них, если есть что. п. Во избежание таких эксцессов с самого начала нужно позаботиться о нормальном, а может быть, и взаимовыгодном контакте с местным населением и следить, чтобы в общине не возникало колониального высокомерия по отношению к аборигенам.

Во-вторых, проблема враждебного окружения выглядит совсем иначе. Это восстановление прежних отношений, избавление от которых как раз и является главным мотивом создания общины. Тут может помочь круговая критика и самокритика. На вечернем собрании (самое удобное время — после ужина) каждый (может, а не должен) говорить другим о

том, что он хотел бы изменить в себе и какие свои поступки прошедшего дня считает неверными и жалеет о них. Потом высказываются остальные, согласны ли они с такой самооценкой и что вообще думают о нем, в чем считают его правым и неправым и что именно советуют ему изменить в себе? Далее обсуждение переходит к следующему участнику. Этот «критический круг» может проводиться совсем не часто, например, когда кто-то сам хочет поговорить о себе и послушать мнения своих братьев по общине.

Важно понимать, что в общине нет «чистых» и «нечистых», нет «ушедших вперед» и «отстающих в развитии». Каждый может помочь другому освободиться от того, что он хочет оставить в прошлом, помочь стать новым и другим, «обрубить хвост». Однако это возможно только при условии, что обладатель «хвоста» искренне и добровольно готов с ним расстаться, а не потому, что «так все тут делают», «за этим и пришел» и вообще «пора бы уже». У ессеев эта тема очищения от прошлого и внешнего выражалась в навязчивом мотиве обязательного регулярного омовения. У первых христианских монахов — в стремлении как можно дальше уйти от «скверны мира» в пустыню или горы.

Одной из действенных форм новой, конкурирующей идентичности, формирующей нового человека, является новый язык, коллективно создаваемый всеми, новые отношения требуют новых слов, терминов, речевых фигур, которые часто бывают переосмысленными и переделанными старыми. Язык того общества, от которого дистанцировалась добровольная сегрегация, конечно же, не подходит для описания новых отношений, постановки новых задач, называния новых смыслов и чувств, но нужно признать, что язык большого общества имеет огромный ресурс для «пере-осмысливания» и «иногo применения», ресурс, который в обыденной жизни большого общества не используется даже наполовину, и именно ситуация добровольной сегрегации, более внимательной к отдельному человеку и созданной ради творческих, а не ради приземленно-

прагматических задач позволит реализовать те аспекты языка, которые прежде игнорировались, подавлялись и не находили спроса в большом обществе.

Опыт показывает, что даже если экзальтированное большинство общины выступает за «радикальную ломку» прежнего человека и «быструю мутацию», это временный эффект. Энтузиазм быстро пройдет, все яснее будет осознаваться внутреннее опустошение, изломанность старого, несбыточность нового и т. п. Все это способствует грызне и развалу общины. Подобные опыты длятся долго только там, где нет революционной гонки и каждый уходит от своего прошлого настолько далеко, насколько хочет и способен уйти, а окружающие относятся к этому с уважением.

Никто в отдельности не может обвинить другого в том, что он недостаточно сделал или дал. Это может сделать только весь коллектив на общем собрании, если встанет вопрос о «выписке» человека из общины. Если община в целом, посредством собрания, согласилась с той степенью и формой участия, которую выбрал каждый, никто не может обвинять другого в бесполезности. Диалектика тут в том, что коллективное, встав над личным, как раз и создает личность. Есть ошибочное мнение, что «полноценная личность должна общаться и договариваться с другими». На самом деле все обстоит гораздо радикальнее — любая «личность», что бы она сама о себе не думала, есть результат общения с другими (вначале жизнь с семьей, потом с все более разнообразными коллективами), а значит, «добровольная сегрегация» — это не просто «место для альтернативного человека». Все гораздо интереснее: добровольная сегрегация — это социальное устройство, производящее, вырабатывающее этого «альтернативного человека», предсказать которого не может ни одна отдельная «личность». Добровольная сегрегация — это место, куда приходят своим ходом говорящие поленья, чтобы выступить друг для друга в роли Папы Карло и поразиться способностям и прыти получившихся Буратин. В настоящем (то есть не

ориентированном на конкуренцию за место в иерархии) общении каждый ученик — учитель и каждый учитель — ученик.

9/ Временность как проблема

Очень часто можно слышать как упрек в отношении добровольных сегрегаций: «это ненадолго», «они не бывают долговечными», «вам быстро надоест, вы перессоритесь, и все вернетесь на свои прежние места, если, конечно, они не будут заняты», «все это временно и непрочно» и т. п. Спросим себя: откуда эта устойчивая связь между «долговременным» и «хорошим» в нашем сознании? Где КОРНИ этого всем с детства известного культа постоянства, неизменности и стабильности? «Таково сознание людей» — это метафизический и потому бессмысленный ответ. В высших мирах, во вселенных совершенных и потому бесплотных истин, все вечно, и нам всем нужно стремиться к тому же? Чем дольше что-то тянется, тем сильнее принято это уважать?

Слово «корни» тут очень кстати. Именно аграрная цивилизация, с ее фатальной необходимостью оседлости и участия в повторяющемся годовом хозяйственном цикле, регулярной, в одно и то же время ирригацией и фиксированной собственностью на землю, создала этот психологический спрос на неизменное, который так глубоко сидит в нас. Мы все крестьяне в этом смысле, за редким исключением. Неизменное = сытость там, где разливается Нил, где мотыжат землю по весне и гонят стада через кольцо заранее известных пастбищ.

Альтернативное сознание группы охотников, которые движутся по миру, временно останавливаясь в разных местах, было подавлено, демонизировано и забыто. Они никогда не знали, кто завтра попадет в их сети и кто встретится им на пути. Все, что было у этих кочевников, было «временным», и это не расстраивало творческих экспериментаторов. Они любили новое и временное. Такой тип психики был демонизирован победившим аграрно-авторитарным миром как легкомысленный,

самоубийственный и порочный вариант «попрыгуньи стрекозы» и «перекати-поля». Между тем община ни перед кем не обязывалась существовать вечно (или какой-то «приличный срок»), ибо она не сдает зерно барину и жрецу, она не реалити-шоу, которое приносит кому-то доход. Она существует для своих участников как новая общность, дающая людям то, чего они не могли найти в большом обществе, она вовсе не для кого-то или чего-то еще — не для лидера, не для бога, не для примера правильной жизни, адресованного остальному человечеству. Поэтому община может существовать «временно», пока она кому-то нужна, не стесняясь этой «временности» и спокойно соглашаясь с ней. Именно эта «временность», синоним «хрупкости», ощущалась как нечто, требующее оправдания, в древних формах добровольных сегрегаций.

Это одна из причин апокалипсичности общин: да, наша община не навсегда, она хрупка, и потому нам остается думать, что и весь остальной мир скоро кончится вместе с ней. Такой ход мысли перешел даже к утопистам, мечтавшим изменить все общество целиком. Кампанелла планировал переход целой страны к мистическому коммунизму постольку, поскольку наступают последние времена и скоро все услышат ангельские трубы финального суда над людьми. Анабаптисты Мюнстера отказались от личной собственности и отменили замки на дверях по той же самой причине: наступал апокалипсис. Осознавая свою «временность» как грех, община наделяет этой «временностью» и остальное, большое общество, как бы возвращает назад упрек: мы обособились и сегрегировались перед концом света, тотальной войной, упразднением прежней цивилизации — вот наше оправдание. Община рассматривает себя как чрезвычайный режим выживания последних времен. Зачаточным опытом современной автономной общины может быть просто временный палаточный лагерь. И никакого апокалипсиса.

Другая форма того же упрека относится к конкретным участникам сегрегации: «ты просто туда съездишь и вернешься», «тебе хватит пары дней... недель... месяцев... лет». И тут тоже

не ясно, почему долговременность — позитивный показатель? Только потому, что в большом обществе кто-то займет твое место и ты отстанешь в общей гонке? Но захочешь ли ты вернуться на то же самое место? Участвовать в той же гонке за тот же приз, вернувшись в большое общество с новым опытом социального инобытия? Возможно, тебе нужен именно и только день, неделя, месяц или год в общине, чтобы получить особый опыт и потом вернуться в большое общество, или переместиться в другую общину, или, наконец, создать новую, еще не имеющую аналогов, добровольную сегрегацию с более подходящими тебе правилами. В большинстве современных автономных общин, даже в монастырях, кроме постоянных жителей, есть сезонные.

Слишком большие и долговременные надежды — это всегда слишком большие разочарования, особенно если это надежды на других, а не на себя. При всей презренной «временности» большинство добровольных сегрегаций дают их участникам новую интенсивность проживания (переживания) жизни, уникальный опыт других отношений с людьми, изучение собственных пределов альтруизма и способностей к взаимопомощи. Возможно, это и не должно длиться всю вашу жизнь, и вам нужен только период такой жизни. А если все же захочется так проживать всю жизнь, то у вас всегда остается возможность перемещаться из одной самосегрегации в другую или создавать новые, свои общины, ответвления прежних, что становится особенно актуально в случае успеха первоначальной общины, ее разрастания и неизбежной потери стартовой радикальности.

10/ Проблема высокомерия

Это почти неизбежно. «Пока Бог еще не отделил чистых от нечистых, стремящиеся к праведности обособят себя сами». Какой бы светской, творческой и социально горизонтальной не была ваша община, в какой-то мере это чувство охватит вас и заставит снисходительно смотреть на тех, кто остался в большом

обществе. В Джонстауне высокомерие переросло в идеологию демонстративного революционного самоубийства: мы слишком хороши для этого мира и его нечистых людей. В Израиле всем известно, что именно жители кибуцев — самые высокомерные граждане, считающие себя подлинными израильтянами, хранящими национальную культуру и религиозную традицию. На тех, кто живет в городах «обычным образом», они смотрят свысока и стараются с ними не смешиваться: даже когда приглашают горожан в кибуц на сезонную работу, то живут, едят, поют и танцуют отдельно.

Как можно смягчить эту психологическую проблему, которая, безусловно, обостряет отношения общинников с остальным обществом, да и вообще будит в человеке не лучшие черты, вроде самолюбования и потери самокритики? Важно постоянно подчеркивать, общаясь внутри общины: мы вовсе не более чистые, не более духовные, не более развитые, не высшие, не из светлого будущего и не из прекрасного прошлого. Мы просто иначе решили использовать свою жизнь и не считаем большое общество и приходящих оттуда людей ниже, грязнее, тупее и т. п. Отношения в общине это ИНОЕ, а не лучшее. Мир за ее пределами ДРУГОЙ, а не плохой. Для сохранения внутреннего психологического равновесия, даже, наверное, полезнее признать, что мир за пределами общины во много раз ЛУЧШЕ, но нам, собравшимся здесь, его «лучшесть» оказалась ни к чему, и мы выбрали себе другой, поплоче. Добровольная сегрегация — не пример для подражания, но одна из альтернатив. Чем больше таких альтернатив создано людьми, тем интереснее и плодотворнее жизнь, тем разнообразнее цивилизация. Возможно, что ТАМ, в большом обществе, как раз все умнее, успешнее, сильнее, и этот мир оказался слишком хорош для нас, тех, кто решил от него обособиться. Лучше ошибочно и полувсерьез считать себя неудачником, чем ошибочно и полувсерьез считать себя сверхчеловеком, очистившимся от скверны.

11/ Сегрегация на экране

Очень многие проблемы, о которых говорилось выше, доступно показаны в кино, посвященном добровольным сегрегациям, а такого кино не мало. «Пляж» — это история о том, как закрытую от внешнего мира общину создали на острове некие буржуазные гедонисты, дети потребительской цивилизации, которые решили от этой цивилизации отдохнуть, уйдя в совместный бессрочный экстремальный отпуск. Они почти ничего не делают и блаженно предаются кайфу в джунглях на манер хиппи. У них есть авторитарный харизматик — их лидерша. Когда акула покусала одного из них и вылечить его не смогли, его просто вынесли за пределы общины умирать, точно так, как это делали ессеи. Слияние с природой — их стиль, и вот уже один из них, изгнанный лидершей из общины, превращается в лесу в одичавшего Бена Гана, то есть сливается с природой не в шутку, а всерьез. В итоге община оказывается временной и распадается под давлением враждебного окружения. Ее разгоняют, а захватывают это райское место те, у кого есть в этом мире конкретный классовый интерес, те, кому нужно кормить детей и кто ради этих самых детей выращивает там наркотики. Местные наркокрестьяне, решительные, вооруженные автоматами, упраздняют этот дикий курорт, потому что он им мешает. Да и внутри общины проступают те же отношения, от которых, собственно и убежали любители нетронутых островов.

«Бойцовский клуб» — история про совсем другую самосегрегацию. Здесь тоже есть харизматик сверхчеловек, бывший офисный гедонист, однажды расколовшийся надвое и обнаруживший в себе радикального нигилиста. Но эта сегрегация не прячется, она существует как сквот с авторитарным вождистским устройством, потом уже как сеть таких общин, и готовят они революцию, наращивают конфронтацию с враждебным городом и накручивают градус своего героического высокомерия. Это ассасины, которые в наш гуманный век не убивают, а просто дестабилизируют цивилизацию. Это ассасины,

какими бы их хотели видеть сегодня Берроуз и Брайон Гайсин. Они законспирированы и общаются на собственном партизанском языке. У них везде сторонники, потому что они культивируют саморазрушение, а современный человек, измотанный капиталистической гонкой, ненавидит сам себя и с нездоровым восторгом относится к перспективе рукотворного апокалипсиса вроде отключения электричества во всем мире или взрыва всех офисных башен под истерично-веселую музыку группы «Пикчез».

Важно, что ни там («Пляж») и ни там («Бойцовский клуб») обе сегрегации ничего не производят, не участвуют в экономическом обмене с обществом, не являются мастерскими, но являются реабилитационными общинами для уставших от большой цивилизации, для покалеченных гонкой. Контакт с этой цивилизацией негативный, через насилие, в «Бойцовском клубе», но особенно в «Матрице», где отряды прячущихся от «машинной власти» последних людей ведут свой джихад. «Матрица» — это заострение проблемы. Столкновение харизматической общины (во главе ее «Избранный») с бездушным обществом («машин») доведено до мифической, сказочной схемы, а высокомерие изоляционистов превращает «противоположную сторону» в бесчеловечную электронную власть и ее спящих в растворе рабов. Правда, в конце происходит замирение и изоляционистам дается право на автономию, если они оставят «машинную цивилизацию» в покое и пожертвуют своим харизматиком, окончательно превратив его в мистического мученика спасителя, принесенного в жертву в начале нового эона истории.

Во всех этих фильмах, с которых начался XXI век, немало лживого, схематичного или взятого именно из древней, а не нынешней истории самосегрегаций и автономий. Гораздо более реалистичный и потому не столь эффектный и массовый фильм — «Вместе» Мудиссона. В нем показана реальная, а не мифически-глянцева попытка добровольной сегрегации (без харизматика) и все ее типичные проблемы: избыток героизма у нетерпеливого левака, примкнувшего в итоге к террористам,

никуда не девшийся эгоизм девушки, которая предпочитает свободные сексуальные отношения для себя, но не может простить их своему молодому человеку, непонимание соседей, проблемы нетрадиционного сексуального выбора и т. п. Главной метафорой жизни общины как попытки «снять» и «изжить» конкурентный тип отношений между людьми становится футбол, в котором все еще есть две условные команды и ворота, но героям вдруг становится не важно, в какие именно ворота забивать гол. Эта игра теряет прежний смысл и превращается в новое развлечение без возможности кого-то «обыграть по очкам». Впрочем, чтобы узнать о перспективах и проблемах добровольных сегрегаций нового времени, лучше все же рассматривать их непосредственный опыт, а не художественное кино, чем мы дальше и займемся.

Часть третья

СВЕТСКИЕ КОММУНЫ НОВОГО ВРЕМЕНИ

12/ Известны четыре способа менять мир и реализовывать историю общества

Реформистский — это когда ты пытаешься изменить законы в более справедливую сторону и рассчитываешь добиться их соблюдения в реальной жизни.

Революционный — это когда ты не веришь в изменения внутри самой системы и готовишь ее крушение, а также выстраиваешь параллельные, основанные на совсем других принципах институты, опыт которых пригодится после революции для организации новой, качественно иной, системы, которая неизбежно понравится не всем.

Индивидуальный — ты отвечаешь только за себя и сам меняешь свою жизнь, ничего никому не навязывая, ну, в крайнем случае, подавая заинтересовавшимся гражданам пример. Чем больше появится таких, отвечающих за свое поведение и потребление, людей, тем и общество станет лучше.

Коммунитарный — когда ты вместе с единомышленниками создаешь экспериментальные коллективы, внутри которых должны возникнуть другие, альтернативные системным отношения, вовсе не обязательно пригодные для всех и везде. Туда будут уходить люди, не согласные с системой, но при этом не верящие в возможность и нужность революции и не готовые отвечать за все, что с ними происходит, строго индивидуально. Это другой «микросоциум» и конкурирующая форма коллективности.

В новые времена, когда язык религии утратил свои эксклюзивные права на объяснение смысла жизни, стали возникать светские, то есть не религиозные, коммуны, общины и альтернативные поселения. В чем их главные отличия от общин религиозных?

Создатели светских самосегрегаций знают, что апокалипсис не единственная альтернатива тому, что есть, вместо духовного небытия вполне возможно социальное инобытие. Возможно «другое», пусть и очень небольшое общество, если только

большое общество согласится допустить такие микроэксперименты на «своей» территории. Опыт показывает, что апокалипсический драматизм и романтический суицидальный пафос исчезают, по мере того как растет вера людей в реальные изменения человеческих отношений, по мере того как растет сам навык этих альтернативных отношений. Бывает, впрочем, и наоборот, когда формально светская община мутирует в деструктивную секту под влиянием враждебного окружения или внутренних конфликтов.

Религиозные общины строятся вокруг серьезной игры — жертвенного ритуала, молитвы, медитации. Эта игра обращена к великому Другому, в ней незримо участвует сверхчеловеческий абсолют. Эта игра растворяет в себе любую личность и учит видеть более правильного и нового себя в харизматическом лидере. Мотив ухода в такую общину — новая идентичность, «второе рождение», и эта идентичность обещается неофиту как неизъяснимая благодать и волшебный подарок из иного, лучшего мира.

В светских общинах совершенно иная роль лидера, он может являться опытным экспертом, авторитетным, но не абсолютным советчиком. Он может переизбираться. У него не может быть больше прав. В самых анархистских формах добровольных сегрегаций лидера может не быть вовсе.

В светских общинах провозглашается установка на совместное производство, творческий труд и реализацию личности, а не на подготовку к концу света или снискание мистической благодати. Твоя новая идентичность, ради которой ты пришел сюда, производится всеми, а точнее, производится тобой при участии всех. Чем более светской является община, тем меньше в ней роль вождя. Его заменяют общие принципы, образы и впечатления.

Что типично для современной большой светской общины? Общая собственность. Не вся, конечно, но главная, часто это дома, транспорт, важные для жизни и общего труда инструменты и мастерские. Почти всегда общей объявляется именно

производящая собственность: земля, станки, автобус — то, что нужно всем, а не кому-то отдельному. Типичен совместный труд на территории общины, а не работа «вовне», за ее границами, хотя и такая работа для отдельных членов общины обычно не запрещается, просто встречается гораздо реже. Типично общее проживание, но с сохранением за каждым «своего» (пока он в общине) кусочка территории. Тут для устойчивости общины важно, чтобы эти «частные территории», приватные уголки были равными между собой и даже суммарно не превышали бы территорию общую, предоставленную всем. В случае успеха общины всегда появляется много «сезонных» и «временных» людей с меньшими, конечно, правами.

Энергия светских общин — желание изменить общество, создав его новую, другую, пусть и крошечную, версию. Нередко это желание обретает своеобразную экспансивность — спровоцировать сочувствующих на создание аналогов в других местах и объединиться во взаимопользную сеть.

13/ Сценарий возникновения

Типичный сценарий возникновения светской общины таков: сначала (в Сети?) возникает инициативная группа, где все присматриваются друг к другу и обмениваются пожеланиями и предложениями. На этом этапе отсеиваются те, чьи желания непрактично смелы (нереализуемы здесь и сейчас) или просто люди, несовместимые с зарождающейся группой. Особенно полезны для возникновения такой корневой группы люди, у которых уже есть опыт участия в добровольных сегрегациях, пусть даже и негативный. Возникшая группа занимается поиском жилья, места, стартовых денег и других начальных ресурсов. В этой работе все близко знакомятся между собой и оценивают разные навыки друг друга. Тогда же сама собой закладывается и собственная версия общепринятого языка. От этого этапа, кстати, вокруг будущей общины останется облако сочувствующих, которые пока не могут в полной мере участвовать в

самосегрегации, но от которых для общины может быть немало разнообразнейшей пользы. Если базовые ресурсы найдены, начинается самое захватывающее — ваша собственная добровольная сегрегация, непосредственная жизнь, работа и творчество общины, история которой, возможно, станет лично для вас важнее, чем вся «большая» история человечества, о которой вы читали в учебниках. Внутри общины проявятся лидеры (это те, кто больше других делает, а не те, кто больше других командует), постоянные жители, которым в общине интересно и комфортно, и наезжающие «гости» (волонтеры и кандидаты), для которых это важное приключение. Если не случится быстрого исчезновения общины, наверняка от нее отпочкуются другие аналогичные сегрегации. Нередко один из лидеров (по самым разным причинам) уходит из группы, чтобы создать несколько иную сегрегацию в другом месте. Между такими родственными группами особенно полезен обмен информацией обо всех проблемах и возможных решениях, чтобы всякий раз не наступать на одни и те же грабли, а наступать на грабли разные, как и полагается ищущему человеку в мире нерешенных вопросов.

14/ Размер задает форму

Подсмотрено, что форма устройства общины очень часто задается ее размером. Иначе говоря, число участвующих ограничивает вас в способах принятия решений. Безусловно, все формы поощрения или взыскания, степень обобществления, нормы ответственности община вырабатывает сама, тут нет никаких заданных рецептов, но как она их вырабатывает? Каков механизм принятия и отмены решений?

Если ваша община не превышает двадцати человек, в ней вполне возможно (но не гарантировано) самоуправление и полный консенсус по всем важным вопросам. Если в общине от двадцати человек до полусотни, возможна прямая демократия, то есть непосредственная власть большинства через голосование без

делегирования кому-то своих прав и без возникновения устойчивых должностей. В общинах (весьма редких), где живет около сотни человек, с неизбежностью появятся представительные органы (чисто физически все не могут участвовать в решении всех вопросов), возникают специалисты, постоянное разделение труда, внутренние обменные (и даже рыночные) отношения, взаимозачеты. Чем больше община, тем обычно меньше у нее возможностей отличаться от того «большого общества», альтернативой которому она является. Большая община часто оказывается улучшенной версией чего-то давно знакомого, правда с гораздо меньшей степенью манипуляций, отчуждения и двоемыслия, не офис, конечно, и то хорошо.

Часто именно это разочаровывает побывавших в больших «раскрученных» общинах Европы или в индийском Ауровиле. С одной стороны, там нет полного преодоления и трансформации социального прошлого, а лишь преодоление частичное. С другой стороны, и духовно люди не находят там полного «преображения сознания», зато находят более стабильных, спокойных и свободных людей, давно не участвующих в «гонке за успехом» большого общества. Само «разочарование» новичков в возможностях больших общин происходит из потребительской привычки получать «качественный товар» и пользоваться им. Не бывает чудес, кроме тех, которые мы создали и организовали сами. Какие выводы могут быть сделаны из такого «первичного разочарования»? Включиться в общину и сделать ее более интересной? Вернуться в большое общество и продолжить накапливать в себе недовольство миром? Основать собственную добровольную сегрегацию с учетом всего, сказанного выше и ниже?

С точки зрения радикала, ждущего от общин чего-то категорически иного и не знакомого в большом обществе, существование трех маленьких добровольных сегрегаций (человек по 15–20) гораздо предпочтительнее одной большой (насчитывающей полсотни и более).

15/ Другой коммунизм?

Пятьсот лет назад в захваченном анабаптистами городе Мюнстере, переименованном ими в Небесный Иерусалим, всем жителям было приказано снять замки с дверей и ворот, а все ключи от этих замков сложить огромной кучей перед ратушей. Из этих ключей новая власть постановила выплавить колокол, который своим голосом возвестит отмену денежного обращения и начало конца света. Теперь любой человек мог открыть любую дверь и остановиться на ночлег в любом доме. Город отделился от власти Папы и от власти всех королей. Он должен был стать местом возникновения нового мира под новыми небесами. Слова «свое» и «чужое» были запрещены. Литейщики отказались лить из ключей колокол, потому что так вообще-то не делается, получится какой-то скверный сплав, никуда не годный. Однако их заподозрили в связях с папским престолом, предавшим Христа, с королями, изменившими своему долгу, и вообще в маловерии. Кого-то сразу казнили, остальные быстро согласились. Расчет был на чудо. Но новый колокол звучал отвратительно, дребезжал и вместо величия и очищающего души страха господнего вызывал в этих самых душах смех и сомнения в близости суда и правильности революционной анабаптистской власти. В итоге колокол молча стоял на центральной площади как некое напоминание о приблизившихся последних днях финального суда.

Это была одна из последних попыток создать большую религиозную сегрегацию, автаркийно (то есть на самообеспечении) существующую вопреки «сильным мира сего». Но, учитывая, сколько мюнстерская власть провела экономически «уравнительных» решений (например, при «перекрещивании» было вычислено, что женщин в городе несколько больше, чем мужчин, и официально были разрешены гаремы, чтобы осчастливить всех жителей без исключения) и социальных запретов в пользу полнейшей справедливости, это был и один из первых коммунистических экспериментов по

созданию иного и нового общества рядом с «уже обреченной» старой цивилизацией. Основные ошибки все те же: расчет на скорый конец света и близкое мировое преобразование, то есть на глобальную революцию внутри бытия, на изменение всех физических и природных законов.

Мюнстерский коммунизм был режимом чрезвычайной ситуации — неустойчивый, временный, не предназначенный для воспроизводства. Это была воспитательная диктатура последних времен: пища в общественных едальнях выдавалась всем желающим без расчета оставшихся запасов или ближайшего урожая. В этой радикальной сегрегации не было добровольности. Конечно, большинство жителей города, распропагандированные анабаптистскими проповедями, сочувствовали этой версии христианства, однако, никто не спрашивал, готовы ли люди снять замки со своих дверей и впускать в дом любого нуждающегося, как хозяина, нравятся ли женщинам гаремы и легко ли гражданам обходиться совсем без денежных единиц. Коммунизм вводился сверху.

Похожим образом пытались отделиться от католической власти и королевской Европы гуситы и табориты. У них вообще была классическая коммунистическая схема: сначала появляется проповедник и теоретик (ректор университета Ян Гус), идеи овладевают массами, потом, когда проповедника казнили, возмущенные последователи создают партизанские отряды и начинают народную войну. Из этих самых масс выдвигается харизматичный революционный лидер (Ян Жижка), который отделяет «своих» от всего мира и против этого греховного мира объявляет священную войну. После героической смерти лидера все разваливается, восстанавливаются прежние отношения, врагам удается экспансия извне. В гуситском Таборе Папу считали антихристом, над «дьявольской» властью всех королей смеялись, а всякое «свое» имущество, чтобы остаться в городе, (или войти в него) гусит должен был сначала признать общим.

Одноглазый экстремист Жижка любил наглядные доказательства того, что именно такой порядок угоден Богу.

Когда крестоносцы, ведомые королем Сигизмундом, подступили вплотную к гуситским землям у реки Сазавы, Жижка предложил опытным путем выяснить, на чьей стороне господь. Он вывел на лед своих легко одетых мужиков с вилами и косами, а крестоносцы в латах со своей стороны проломали лед и пошли на дно. «Посмотрите на них, их тянут вниз их смертные грехи. Никогда не победить им вас, свободных духом и вернувшихся в рай!» — кричал Жижка своим людям в восторге. По другой версии, правда, еще накануне на вражеской стороне гуситы вморозили глубоко в лед цепи и веревки, и когда крестоносцы оказались там, эти цепи потащили на себя, ломая лед и топя противника, специальные колесные машины на конной тяге, которые были спрятаны в зарослях на берегу. То есть «воля господа», как в театре, изображалась с помощью созданных гуситским разумом машин. Если дело обстояло так, то гуситское руководство еще ближе к коммунистическим проектам будущего, чем принято считать: расчет на технологический перевес и пропагандистское шоу, цепляющее религиозные ожидания широких масс. Согласно гуситскому учению, «Мессия», который придет в последние времена, чтобы спасти праведных и судить грешных, это вовсе не конкретное лицо в образе человека, но целая революционная армия «вернувшихся в рай», массовое движение с никем не ограниченными полномочиями. «Мессия» на глазах превратился в «миссию».

Это ошибка всех будущих принудительных и уравнилельных коммунистических проектов: всех научить жить правильно с завтрашнего дня, а кто откажется, заставить жить так же правильно, «как было у нас в коммуне». Очень многие «выпрямители человеческой природы», готовые без колебаний умирать сами и убивать других ради своей идеи, получили опыт «правильной жизни», то есть видели ее своими глазами в общинах, тайных обществах, кружках учеников и монастырях, объявленных «еретическими» и «подрывными». Элементарная логика подсказывала им, что правильные отношения, которые были основой в закрытых от мира добровольных сегрегациях,

легко распространить на все общество, для этого достаточно нескольких репрессивных усилий против упорствующих. Но именно этот шаг оказывался невыполнимо сложным, и все разваливалось в который раз. Отказавшись от добровольности, коммунистическая утопия проигрывала, оставаясь утопией и достоянием микроколлективов.

Похожим образом Ленин пытался перестроить сельское хозяйство на основе коммун, что было очень быстро свернуто уже к 1923-му году, то есть к началу нэпа, как неэффективное и преждевременное решение. Дело не в «преждевременности», конечно, а в том, что никаких коммун нельзя создать сверху, декретом и штыком. Это противоестественно.

Так появилось два коммунизма. Относительно реальный, растущий снизу, коммунизм добровольных и небольших сегрегаций, локальных сообществ. И постоянно срывающийся, требующий репрессий и фарисейского приятия желаемого за действительное коммунизм массовых движений и больших обществ. Эта двойственность видна уже в самом применении латинского слова *communio*. В Средние века оно означало единство в причастии и вечной жизни всех верующих, общую сакральную трапезу, превращающую общину в коллективное тело Христа. И уже тогда это единство и «общее тело» трактовалось двояко. С одной стороны, можно считать, что вся Церковь, все крещеные люди становятся единым организмом с общей судьбой в момент причастия. В такой оптике скрыт авторитарный массовый коммунизм «революций сверху». С другой стороны, можно считать, что таинство причастия объединяет в единое тело только эту конкретную общину собравшихся в этой церкви и живущих вокруг нее людей, хорошо знающих друг друга и всегда готовых друг другу во всем помочь. В таком понимании кроется будущий пафос небольших братских общин и их «эксперименты снизу». «Коммунио» это община конкретной церкви или вся церковь как единая община?

16/ Либерталия

Капитан Миссьон был французским подданным. Вдали от родных берегов в XVII веке он совершил важный революционный шаг на пути просвещения и самоуправления — новый шаг от религиозных самосегрегаций к светским. Дефо писал о нем, как об интереснейшем из пиратов. Миссьон не просто мечтал о мире без больших городов, экономики неравенства, без полной зависимости человека от государства, но и попытался создать нечто подобное в своей Либерталии на Мадагаскаре. Будучи французским капитаном, он успешно сражался с англичанами (то есть участвовал в дележе колоний двух сверхдержав) в южных морях, но в какой-то момент вышел из-под контроля и объявил обобществление всех денег (их сложили в один сундук), одежды и оружия на отдельно взятом корабле. Чтобы получить нечто из общего фонда, теперь нужно было убедить в своей правоте казначея, на должность которого избрали самого несговорчивого моряка. Общее собрание команды объявило войну всем нациям и государствам, закрывшим для Миссьона свои порты. Изначально это была движущаяся в морском пространстве добровольная сегрегация. Захватив голландское судно «Неоштадт», люди Миссьона освободили там несколько десятков рабов и переодели их в дорогую одежду их господ. Вскоре у Миссьона было уже несколько кораблей и около трехсот сторонников. Такому числу людей необходима постоянная база, и на роль «пиратского рая» избрали Мадагаскар.

Будучи явным харизматиком (светского, не религиозного типа) Миссьон тем не менее попытался свести к минимуму свою личную власть с помощью своеобразной «власти пиратских советов». Разделил все мужское население Либерталии на десятки, каждая десятка голосовала внутри себя и избирала лидера, отправляемого в случае надобности «вовне», на общее собрание. Предполагалось, что все локальные, важные для этой десятки решения она примет сама, а общий съезд будет нужен

лишь изредка для рассмотрения вопросов, касающихся всех граждан Либерталии. Однако первое общее собрание «десятников» длилось более недели, потому что потребовалось сформулировать общие правила жизни для учреждаемой на краю света республики. Себе Миссьон оставил лишь должность командующего флотом, то есть он планировал и организовывал все операции по нападению и обороне. Чтобы радикально отличаться от обычных грабителей, республика избрала белый флаг с надписью «Свобода».

«Никакая власть не вправе отнимать у человека жизнь уже хотя бы потому, что не она ее вручила человеку» — перво-наперво была отменена смертная казнь, впрочем, в том редчайшем случае если двое не могут договориться и голоса их десятки делятся поровну, все решает дуэль. Выбирается холодное оружие, с его помощью легче выяснить, кто достойнее. «Там, где нельзя выяснить, кто прав, остается оставить с нами того, кто более достоин». И вообще «гибнуть человеку приличествует только в бою». Вместе с рабством и смертной казнью отменили и все остальное формальное право — «нельзя применять одинаковую мерку к неодинаковым людям». Власть твоей вооруженной десятки абсолютна и выше нее может быть только решение общего собрания. Обнулились все имущественные долги — давая что-то другому, ты не имеешь права ничего требовать взамен, потому что вся собственность находится в распоряжении республики, а ты лишь ее временный «распорядитель». Конечно же, в поселке, создаваемом на мадагаскарском берегу, остро встала проблема женщин, и Либерталия проявила редкий по тем временам интернационализм: бывшие рабы, освобожденные Миссьоном с разных кораблей, моряки и солдаты решили брать себе жен из аборигенок. За девушек платили мальгашам полагающийся выкуп и вообще старались поддерживать с местными дружеские отношения.

Вслед за женами-туземками, отменой всех прежних законов и объединением собственности, в сознании жителей Либерталии

поплыла и антропологическая граница. Они стали все чаще задумываться: а кто, собственно, есть человек, и только ли человек может обладать в республике правами? Полусерьезно Миссьон предложил собранию использовать местных лемурув, учитывая их ловкость и проворство, при штурме и грабеже вражеских кораблей. Особым аргументом было то, что лемуры внешне напоминают людей, но зато не отличают своего от чужого, то есть лишены развращающей алчности, а их дикое состояние всего лишь следствие жизни в лесу, и при определенном просвещении они вполне способны подняться до уровня, сопоставимого с человеческим. Но вскоре выяснилось, что лемуры не только не отличают своего от чужого, но и в схватке не способны отличить своих от чужих, так что военной пользы от них никакой, один хаос. Расширение колонии решили пока ограничить туземками, а лемурув, так и не ставших частью республики, оставили в покое.

Вместе с некоторым числом женщин в Либерталии само собой возникло и примитивное сельское хозяйство (рисоводство), с аборигенами наладился обоюдовыгодный обмен. В перспективе Миссьон надеялся убавить число пиратских нападений на суда за счет развития земледелия, ремесел и постепенного возникновения здесь нового, локального еврамальгашского социума, который совместит в себе естественность и простосердечие мальгашей с революционным гражданским пафосом европейцев. Однако пиратско-коммунистическая вольница продержалась на острове всего несколько лет и закончилась вооруженным конфликтом с молодым поколением неженатых аборигенов, разгневанных постоянным оттоком в Либерталию своих женщин. Чтобы не устраивать полномасштабной войны, капитан бросил поселок, который сожгли дотла мальгаша, «вернувшие женщин», и Либерталия вновь стала автономией нескольких кораблей в поисках нового берега. Вскоре Миссьон погиб в одном из морских столкновений, и лишенная своего харизматика республика распалась и исчезла.

17/ Либерталия как утопия

В опыте Либерталии проявился важнейший момент: община прекрасно существует, воспроизводится, сохраняет внутреннюю справедливость и творчески развивается при внешнем подкармливании, при условии, что ее подпитывают извне. В случае Миссьона это был постоянный приток собственности с «освобожденных» кораблей. Но вполне можно себе представить небольшую «творческую общину» как эксперимент неких богатых чудаков, которые латают дыры в бюджете добровольной сегрегации, не вмешиваясь в ее жизнь или имея с нее какую-то свою эксцентричную выгоду: Реалити-шоу? Коммуна талантливых дизайнеров, художников, музыкантов или программистов? Община учителей, дающих уникальное образование? Если более половины расходов сегрегации взято на себя кем-то извне, в таком «экономически разгруженном» виде она вполне может быть продуктивной художественной, научной или педагогической лабораторией. Особенно если люди для такой сегрегации подбирались с опытом и талантом. В таком случае община существует как экстравагантная форма аристократии — очень творчески, благородно, интересно, инновативно, а если нужно, то и не без героизма, но за чужой, конечно, счет.

Выход из этого парадокса многие писатели-фантасты середины XX века видели в тотальной автоматизации. Там, где всю нетворческую и неприятную работу выполняют роботы и другие устройства, вполне возможны небольшие и автономные космические поселения-корабли или локальные общины на отдельных планетах. Возникает новый мир «господ без рабов», а точнее господ с электронными и не требующими никаких прав рабами. Однако, как всегда, вмешался классовый аргумент: повсеместная автоматизация и рационализация производств пошла путем, нужным меньшинству собственников, чтобы сохранить саму выгодную им экономическую систему неравенства и жизни одних за счет других. Автоматизация,

которая могла сократить рабочий день, удешевить базовые для жизни товары до полной бесплатности, а в перспективе всех сделать «господами», только усилила безработицу и увеличила расходы среднего обывателя. «Господа с рабами» не захотели признавать «господами без рабов» всех, сохранив иерархию капиталистических привилегий как единственную безвариантную реальность, альтернативы которой они не могут себе вообразить.

Но вернемся к Миссьону. Конечно, он пытался практически проверить радикальный масонский миф о богочеловеках, в которых превращаются человеки обычные, стоит только избавить их от несправедливой и обманывающей власти, решить проблему минимального обеспечения, дать в руки оружие, а паруса надуть ветром.

Для Берроуза, воспевшего Либерталию в «Призрачном шансе», она была не просто экологической утопией (близость к природе), утопией самоуправления (прямая демократия) и интернационализма (равенство с аборигенами). На другом — не социальном, а антропологическом — уровне ему хотелось видеть в Миссьоне и его сподвижниках альтернативного человека: не столь рационального и меркантильного, более чувственного (важнее приключение, чем собственность, внутренний опыт ценнее внешних достижений и должностей), одновременно мага, поэта, визионера, экспериментатора и вооруженного гражданина. Все последующие в Европе революции, начиная с французской, Берроуз воспринимал как сниженный и обреченный вариант Либерталии: слишком много людей, слишком много власти одного над другим, слишком враждебное окружение, провоцирующее милитаризм и полицейщину, слишком рациональное и однозначное знание.

Берроуз грезил множеством таких вооруженных добровольных сегрегаций по всему миру. Он видел в этом отвергнутом людьми проекте шанс «перезагрузить» цивилизацию после экологической или другой катастрофы или после атомной войны. Эти надежды высмеивает Тим Бёртон в последней сцене «Марс атакует», где юный симпатичный лузер, случайно

спасший землю от пришельцев, говорит в микрофон: «Пришло время все восстанавливать, но вот о чем я подумал, быть может, нам не стоит жить в домах, как раньше, гораздо круче жить в вигвамах». Дело тут в том, что город из вигвамов в принципе невозможен, такая жизнь реализуема только в небольших самостоятельных поселениях. По мнению теоретиков неонархизма Хакима Бея и Джона Зерзана, для которых также очень важен опыт пиратской республики, Либерталию погубила именно оседлость, автономная зона должна быть движущейся и временной, это скорее корабль, чем остров, — мечты о переходе к аграрному коммунизму, прикрепленность к месту, создание классических семей противопоказаны таким проектам.

Когда я закрываю глаза, то вижу перед собой крупного лемура в изумрудных сумерках непроходимого леса. Венок из орхидей сполз с его уха несколько набок. Наблюдает из лесной темноты, как на пристани капитан Миссьон устраивает дележ добра, присвоенного в море, между гражданами своей республики, которые в основном не жнут и не сеют, только часто рискуют, бросая крючья на чужую палубу и прыгая на веревках с ножами в зубах в объятья королевских подданных.

Лемур сидит в украденном у девушек венке из орхидей. Побоялись отнять, он для них — воплощение черта. Оседлал ржавевший португальский шлем с решетчатым скрипучим забралом, вонявший тут, под деревьями. Пристань: довольные добычей люди, стоя в воде по пояс или качаясь на плотках и лодках, хохочут и трясут мешками над головой. Они купаются в закатном золоте, которое есть только отражение солнца в морской воде.

Лемур не умеет смеяться, даже улыбнуться для него — мука. Ручками поднимает железный орех, внутри которого сохнет череп, и трясет своей погремушкой в зеленой ночи — она никогда не кончается в джунглях. Получается звук. Очень похоже на смех.

18/ Другой коммунизм в США

Вторая половина XIX века — бум создания всевозможных экспериментальных общин и коммун по всему миру. Причиной тому первая волна разочарований в капитализме, с одной стороны, и в больших общенациональных революциях — с другой. В США, например, во время войны Севера и Юга множество людей, живших в земледельческих коммунах, были уверены, что в результате этой войны падет южное рабство и не устоит северная «власть доллара», и в основу нового американского общества ляжет именно сеть как религиозных, так и светских добровольных сегрегаций. Об этом писала общая газета всех добровольных сегрегаций США «Свободный коммунист».

Активнейшими создателями тогдашних религиозных коммун в Америке были шейкеры. Объединив собственность, они «размыкали» и семью, мешающую соблюдению общих интересов коллектива, то есть полностью отказывались от сексуальной жизни. Вместо секса у шейкеров были экстатические танцы с пением библейских псалмов и публичные разговоры «пророков» с духами. «Пророком» на их собраниях становился каждый сектант. У шейкеров вскоре появились более рациональные последователи — «библейские коммунисты» и их вождь Джон Нойез, интеллигент, мечтавший радикально изменить человека. Многочисленная коммуна Нойеза продержалась, кстати, дольше всех — более тридцати лет, за счет того, что отказа от секса в ней не было, но все состояли в «свободном браке» со всеми, постоянно меняя партнеров и не привязываясь друг к другу. Режим непрерывной смены партнеров контролировали наиболее авторитетные и старшие в коммуне помощники Нойеза.

Библейские коммунисты мечтали и пробовали объединить все добровольные сегрегации в США, вне зависимости от их идеологической принадлежности, в единую социальную и экономическую сеть. Этому весьма мешал обычно скромный возраст большинства таких коммун, он очень редко превышал 10

лет, чаще всего 3–5 лет. Конечно, в этом новом американском движении участвовали и светские коммуны, с 1825 года существовала «Новая гармония» Оуэна, позже появились знаменитые Икария, Коммуния и множество их последователей.

Коммуны Оуэна и его последователей («Новая гармония» и ее клоны) стали обнажением сразу всех проблем: общинные хозяйства разорялись, коммунары ссорились, трудовой конкуренции между ними не было, и потому внутренняя эффективность любых действий падала. Физического труда все чурались, предпочитая музицирование, правильное воспитание детей и сочинение стихов, содержащих в себе всю ценность и благородство их альтернативного опыта. Это был хрупкий и мучительный коммунизм господ, добровольно отказавшихся от слуг, но не умеющих без слуг обойтись.

19/ Американские коммуны XX века

19.1/ Кен Кизи

При всей наивности, спорности и даже гротескности этого американского опыта отметим, что подобные виды добровольных сегрегаций с завидным упрямством создаются гражданами США до сих пор. Правда, теперь в них пытаются обойтись без «экстремистских перегибов» прошлого. С одной стороны, существует гораздо более строгая и правая традиция «милиционеров», то есть американских белых националистов, которые, «не признавая масонской власти в США», фактически отделяются от государства, обособившись на закрытых фермах, где воспитывают своих детей в библейском духе, упражняются в стрельбе из оружия и живут натуральным хозяйством. Естественно, никакого обобществления имущества и экспериментов со свободной любовью там не практикуется. Это классические «деревни прошлого» или «фермы прошлого» (нередко создаваемые на новых местах незнакомыми до этого людьми), блюдущие свою чистоту, своего рода исторические

реконструкции никогда, кстати, не существовавшего идеала «пионерских поселений», вычитанного из книг (и высмотренного из фильмов) задним числом.

С другой стороны, существует более левая линия аграрно-ремесленных коммун хиппи, экологов и анархистов, начиная с фермы Кена Кизи, на которой он когда-то жил, «отделившись от США» вместе со своими друзьями «Веселыми проказниками». Формально эта ферма принадлежала лично ему. Реально там практиковался абсолютный «богемный коммунизм художников, охотников и возделывателей марихуаны».

Кизи был настоящим харизматиком, сочетавшим в себе черты решительного спортивного ковбоя и психоделического гуру. По воспоминаниям «проказников», он умел все «координировать», оставаясь в тени, как будто просто «выясняя» общую волю своей общины. «Проказники» поселились в паре миль от городка Ла-Хонда, купив там землю и большой дом в сосновом лесу. Оленина, приправленная «кислотой», была любимым здесь блюдом. Все члены общины брали себе индейские имена. Их целью было абсолютно единое сознание, когда все чувствуют всех, будто у них общая коллективная нервная система. Новым членам общины рекомендовали отказ от курения и чтения про себя, так как эти действия не приносят пользы групповому сознанию. Требовалась постоянная «синхронизация» всей группы, чтобы достичь состояния всеобщей телепатии и полного «психоделического коммунизма» для тех, кто принят в общину.

По пятницам все по кругу участвовали в мозговом штурме какой-то одной темы, случая, события, исторического персонажа или героя комиксов, предложенного Кизи. Штурм длился до тех пор, пока в группе не возникало «единое переживание» обсуждаемой темы. В прочие дни любимой игрой «проказников» была «власть»: на полчаса каждый из участвующих мог по жребию становиться абсолютным властителем общины, он мог отдавать другим любые распоряжения и приказы и как угодно перераспределять общую здесь собственность. Гораздо более

знамениты, конечно, их провокационные выезды на разрисованном автобусе по просторам США. Встав на колеса, эта автономия катилась по стране, из общины в общину и от университета к университету, распространяя вокруг психоделическую революцию, оставляя за собой шлейф живой легенды и запах марихуаны. Все это длилось вплоть до ареста Кизи и заключения его под стражу («хранение наркотиков и сопротивление полиции») и отчасти описано в «Электропрохладительном кислотном тесте» Тома Вульфа. А вот как фиксировал в стихах Ален Гинзберг свое посещение общины «проказников»:

Немеркнувшая желтая люстра

В огромном деревянном доме.

В три утра по радио истощный «Роллинг Стоунз»,

Рэй Чарльз и «Битлз».

Джо Джексон подпрыгивает,

И двадцать молодых тел танцуют в одной комнате.

Небольшой косяк в ванной и девушки в обтягивающем красном.

Смуглый мускулистый пацан часами не устает танцевать.

Пивные банки рассеяны вокруг дома.

Кукла удушенника сторожит дом над ручьем,

Болтаясь на ветке.

Дети видят сны в двухэтажной кровати.

И четыре полицейские тачки за пестрыми воротами

Ищут чего-то красными фарами в кронах.

19.2/ Тим Лири и Касталия

Особым случаем психоделической коммуны 1960-х в США была «Касталия» гарвардского профессора Тима Лири рядом с городком Миллбрук. Если сравнивать «Касталию» с «Проказниками» Кизи, то это был гораздо более интеллектуальный вариант. В ЛСД-коммуны Лири принимали на постоянное жительство только тех, кто был хорошо знаком с

ведической, даосской и буддистской традициями, историей гностических ересей, авангардного искусства, психоанализа, символистской поэзии и, конечно же, литературой социальных утопий. В «Касталии» всем очень нравился общий физический труд в «священной роще», строительство новых бунгало и сараев вокруг главного «дворца», они даже выпекали собственный хлеб из собственноручно выращенной пшеницы, но, конечно же, коммуна жила за счет гонораров ее участников за их публикации и лекции. Общий бюджет пополнялся и за счет аудио-кино-музыкальных шоу, устраиваемых коммуной Лири на выездах или здесь же для всех, желающих прикоснуться к «психоделической революции» и «выйти из-под общественного наркоза».

В «Касталии» постоянно проживало около тридцати человек, примерно столько же гостей и множество собак. Лири называл это «зачаточным племенем», из которого по всему миру покатится огромная психоделическая волна, «штабом мировой революции сознания». Это одновременно был спонтанный театр, зоопарк (обезьяны, змеи, попугаи) с мягкими условиями для животных, групповая терапия, ЛСД-коммуна, лекторий, редакция «Психоделического журнала» и институт по изучению неизвестных ранее способностей мозга. «Все знания находятся внутри, нужно только подобрать к ним химические ключи» — учил гуру. Сегодня они наверняка бы стали рейтинговым и скандальным реалити-шоу в Интернете или на «альтернативном» TV. Всех вдохновлял лозунг Лири: «Включись — настройся — выпади». Что надо было понимать примерно так: разбуди свое внутреннее «я», научись жить в мире альтернативных истин и взаимосвязей и попрощайся, наконец, с рациональной, технической и буржуазной цивилизацией. Само собой, все это (особенно «выпади») гораздо удобнее делать не в одиночку, а в группе таких же энтузиастов. Кастальцы ощущали, как готовят внутри и вовне себя новую революционную мутацию человека: расширители восприятия + древняя эзотерика и новая психоделическая контркультура + множество равноправных свободных общин и бесконечное разнообразие — вот что такое

будущее. Нужно было перевести на новый, понятный бунтующей молодежи язык «Египетскую книгу мертвых», «Тибетскую книгу перемен» и «Божественную комедию» Данте. Составить «карты новых путей развития» нашего мозга и соединить «внешнюю науку» Запада с «внутренней наукой» Востока. Вначале в коммуне Лири жребий (а точнее, гадание по «Книге перемен») решал, кому с кем сегодня спать в одной постели, но это создавало лишний дискомфорт и хаос в отношениях, и от такого экстремистского перегиба вскоре решили отказаться.

Каждый уикенд в «Касталии» устраивали для любопытных «экспериментальные выходные». Двухдневный «психоделический трип» стоил гостям 60 баксов с носа. В первый вечер соблюдался запрет на любое общение. Все приехавшие переодевались в одинаковую просторную одежду, чтобы оставить за воротами «Касталии» свой социальный статус. Все слушали только голос гуру, идущий из скрытых за коврами динамиков. Ночью все смотрели срежессированное Лири визуальное шоу на стенах-экранах, цель которого — «распад и смерть вашего эго ради просветления и встречи с вашими предыдущими воплощениями». На следующий день слушали лекции по истории запретов и установок обыденного сознания и устройству человеческого мозга, а также медитировали и играли в ролевые игры в «священной роще» и зоопарке.

При всех попытках сделать «Касталию» одинаково важной для всех, роль харизматика, которому это нужно больше, чем остальным, конечно же, сохранялась, и всякий раз, ненадолго отлучившись в Индию для общения с брахманами, Лири обнаруживал по возвращении сильнейшее одичание, беспорядок и множество случайных людей, прибившихся к коммуне и ничем ей не помогающих. Первый раз Лири был арестован прямо там, сразу после принятия закона о запрете ЛСД. Это и стало концом «Касталии», просуществовавшей с 1964 по 1968 год. Некоторое время Лири пытался купить в Калифорнии землю и основать на ней новое «психоделическое государство», которое вышло бы из состава США, но не нашел на этот проект достаточно денег. Он

пробовал избираться в губернаторы Калифорнии (конкурируя с Рональдом Рейганом) под лозунгом «Идем вместе!», подхваченным Джоном Ленноном в его знаменитой песне. После еще нескольких подряд обвинений он был заключен под стражу и получил тюремный срок, но в возрасте 49-ти лет бежал из тюрьмы (перелез через стену по кабелю) с помощью своих поклонников из крайне левых студенческих организаций. Оказавшись в подполье, он, как и многие нонконформисты конца 1960-х переживал предельную политизацию своих взглядов. «Невидимый свет Будды — это выстрел, невидимая пуля, летящая из винтовки революционера, которая ликвидирует всех полицейских свиней», — учил «психоделический профессор», перейдя на нелегальное положение. Эмигрировав в Северную Африку с помощью «Черных пантер», Лири, несколько переоценивая степень своего влияния на молодежь, призывал новое поколение американцев к немедленной, и уже не духовной, революции, главной движущей силой которой ему представлялись активистские группы чернокожих, движение «йиппи» Джери Рубина, «уайзермены», бунтующие студенты и разрозненные группы «новых левых».

Важнейшие причины неудач общин Кизи и Лири, помимо обычных трудностей, стоящих перед добровольными сегрегациями, это преследования властей, для которых «борьба с наркотиками» стала идеальным прикрытием для подавления всех форм социального инобытия в 1960-х.

20/ Другой коммунизм в российской империи

В России это делали прежде всего народники и толстовцы, соблазненные мечтой о естественной жизни и свободном духовном поиске в духе идей Льва Николаевича, понимавшего Христа по-протестантски, то есть прежде всего как земного человека и морального учителя жизни, без его связи с потусторонним и без упования на загробное воздаяние. С 1871 года студенты-народники создавали в городах «бытовые

общежития», где практиковалась максимальная общность имуществ, круговая критика каждого всеми, взаимное обучение (один день в неделю каждый учил остальных тому, что знал сам) и «расширение семейных отношений до границ всей группы». Первая такая группа возникла в Охте под руководством харизматика Чайковского, вдохновленного идеями Фурье, Оуэна и кооперативов Веры Павловны из романа Чернышевского «Что делать?». Позже этот городской опыт не раз повторяли петрашевцы и народники, съезжаясь вместе, но быстро приходили к выводу, что это слишком неустойчиво, временно и зависит от окружения. Настоящего размаха нет. Их тянуло прочь из города.

Начиная с 1870 года толстовцы создали в России несколько общин «интеллектуальных землепашцев». Для народников-землеольцев сельскохозяйственная деятельность была проверкой неревOLUTIONционного пути изменения общества. Полицейских очень смущало, что в земледелие уходят люди, которым «образование открыло пути к другой деятельности». Это настороженное отношение тем более усиливалось из-за того, что в таких земледельческих общинах нередко временно скрывались русские террористы и распространители провокационных прокламаций. Все эти общины повторили судьбу своих ближайших американских аналогов: потеря харизматика означала возврат к более «нормальным» частнособственническим отношениям и фактический распад прежнего коллектива. Либо крах наступал их еще раньше. Учитывая непрактичность и идеализм общинников, трудно совместимые с регулярной хозяйственной деятельностью, их ожидал быстрый экономический провал. Еды им едва-едва хватало, чтобы прокормить самих себя. Это начинало всех раздражать, и труд уже более не воспринимался как добровольное «опрошение» и самотерапия в натуральном хозяйстве. Были, правда, и существенные отличия от американских аналогов: нередко после краха изначального «микрокоммунистического» проекта и потери лидера американская община быстро превращалась в

преуспевающую капиталистическую агрофирму со сверхприбылями и армией жестко эксплуатируемых наемных работников. В России подобного не происходило, видимо, в силу слабого развития капитализма в деревне.

Не желая отступить и считая, что все дело только во враждебном окружении, два энтузиаста таких коммун, народники-идеалисты Чайковский и Мошков, потерпев первое поражение, отправились в Канзас, к Вильяму Фрею, чтобы повторить свой опыт там. Фрей был прибалтийским офицером, который увлекался идеями Фурье и Герцена и эмигрировал в США, чтобы построить там с друзьями свой идеальный микрокоммунизм. Его проект продержался относительно долго, с 1872-го по 1877-й, но все же община русских эмигрантов на американской земле распалась из-за внутренних ссор и ревности, хотя нашим соотечественникам даже удалось наладить контакт с местными общинами «богочеловеков» — мистических коммунистов, отрицавших насильственную революцию. Параллельно в США в то же самое время появлялись и чисто светские, не связанные с сектами аграрные коммуны фурьеристов, пытавшиеся создавать «фаланстеры», то есть воплотить в жизнь планы своего духовного учителя. Но Фурье строил свои сложные и интересные утопии отнюдь не вокруг духовного аскетизма (толстовского, революционного или протестантского типа), но вокруг идеи максимально реализуемого человеческого удовольствия. Фурьеристские общины взрывала изнутри программа «свободной любви» — попытки упразднить семью ссорили всех между собой, чрезвычайно запутывали отношения общинников и разрушали их коллективы. Один из разочаровавшихся во всем этом народников-общинников так и написал: «Человек настолько перепутан, что не способен к настоящей жизни».

Что касается Чайковского, который все это начал в России и пытался продолжать в Америке, то о столь уникальном человеке стоит сказать особо. Из его первого «бытового общежития» вышла целая плеяда лидеров народников, просветителей,

террористов и идеологов, как легального, так и нелегального марксизма. Петр Кропоткин считал Чайковского своим первым и самым важным политическим учителем. После распада «русской общины» в США Чайковский некоторое время жил в секте шейкеров, но отказ от секса и библейский экстаз, «доставляющий космические чувства», вскоре ему там надоел, и, окончательно разочаровавшись в коммунах как способе изменить мир, Чайковский стал одним из создателей подпольной партии эсеров, активно участвовал в первой русской революции, за что и сидел в тюрьме. Во время второй революции он не смог ни о чем договориться с большевиками, был приговорен ими к смертной казни, но умер в лондонской эмиграции в 1926-м году.

Итак,

— потеря харизматика по-прежнему приводила к развалу;

— ревность оказывалась сильнее деклараций о свободе отношений и сталкивала людей лбами;

— экономический проигрыш душил аграрную общину;

— в случае экономического успеха (американский вариант) община, включившись в рынок, быстро приходила к «нормализации», то есть к восстановлению тех самых классовых отношений, ради отказа от которых она изначально создавалась.

Во всей этой истории чрезвычайно важна вот такая оппозиция. С одной стороны — Толстой, народники и аскетичные сектанты-моралисты. Их пафос — это ограничение себя в удовольствии, уподобление первым христианам и т. п. А с другой стороны — обратный, конкурирующий принцип Фурье: удовольствие, развитие и изучение собственной чувственности и максимальное удовлетворение самых тонких и изощренных желаний. Борьба этих двух принципов, двух несовместимых форм удовольствия — от пользования, обладания или от отказа от обладания, от самодисциплины — часто разрушали всё в утопических коммунах. Это противоречие уходит очень глубоко в историю, что видно на примере народных сект. Всегда были секты, вроде скопцов, пытавшиеся трансформировать человека в безгрешного ангела и искупить его грехи с помощью крайних

физических и моральных самоограничений. Но с ними всегда конкурировали другие секты вроде хлыстов, которые подталкивали человека как раз к радикальной реализации своих самых «аморальных» и осуждаемых обществом желаний, к развитию новой чувственности и к настоящей сексуальной революции, скрытой от глаз общества. Самыми интересными сектантскими проектами становились, конечно, те, в которых два эти трудно совместимых принципа соединялись в голове харизматического наставника каким-нибудь экстравагантнейшим образом.

Была и другая взрывоопасная оппозиция — стремление к мистическому очищению и преобразению себя и попытки абсолютно рациональных, одинаково полезных для всех отношений в небольшой группе. Судя по тому, как свободно переходили люди из религиозных общин в светские, и, наоборот, очень часто под научно-рациональной риторикой скрывались мистические ожидания, а под религиозными манифестами прятались прагматичные социальные проекты. Все это оказалось трудно совместимым и взрывало одну общину за другой.

Так или иначе вторая половина XIX века — это время повсеместного социального творчества и полунанучных попыток переизобретения человеком самого себя. Если в США все это многообразие коммун переварил и «нормализовал» американский капитализм, то в СССР их окончательно упразднил авторитарный коммунизм. Некоторые большевистские лидеры сопротивлялись этому «выравниванию» до последнего. Так, например, сподвижник Ленина Бонч-Бруевич предлагал «включить, не ломая», на правах самостоятельных колхозов, в новую советскую экономику не только толстовские общины, но и все общины «стихийных коммунистических народных сект»: молокан, хлыстов, неплательщиков — без вмешательств в их внутреннюю автономию. Но в победившей сталинской модели социализма никому из них места, конечно же, не нашлось. Социализм везде организовывался сверху по единому типовому образцу.

21/ Главная проблема

Новые светские общины подавали себя как нечто более рациональное, справедливое и эффективное, нежели традиционные хозяйства прошлого или новые капиталистические проекты, а потому главной экономической проблемой внутри этих общин признавалась именно потеря стимула к труду. Культ справедливости и общей пользы, отказ от частного становились существенным ограничением на пути любой инициативы. Зачем делать лучше, чем вчера, и вообще делать что-то новое, зачем старательно работать, если лично я с этого ничего не имею? Ответы очевидны: потому что так справедливее, это нужно для блага всех общинников, совершив нечто полезное или просто добросовестно поработав, ты станешь духовно богаче, и вообще — это чисто теоретически интересно, что же у нас у всех в итоге получится? Но такие ответы могут стать реальным мотивом поведения только в группе с очень высокой сознательностью всех участников при интеллектуальном развитии значительно выше среднего. Только в таком случае частная собственность и материальный стимул для труда не нужны, достаточно понимания нужности этого труда и морального поощрения общинников.

Для всех же остальных, не настолько морально развитых, отсутствие рыночной конкуренции или жесткой патриархальной власти дает бесконечные возможности для халявы, уклонения, имитации труда, паразитирования на окружающих. Будем честны, для большинства людей и в XIX веке, и сейчас состояние «добровольного микрокоммунизма» не дает никакого стимула для внутреннего или внешнего развития. В итоге натуральное хозяйство становится невозможным, поскольку эффективность падает, пока не окажется ниже необходимого для выживания уровня. К тому же большинству людей свойственно заблуждение, что они работали больше других, но этого никто не оценил, а «кто-то» рядом, как всегда, ничего не делал. Это накапливает недовольство.

Возможных выходов тут несколько.

1. Сезонность большинства. Существует устойчивое неизменное «ядро» высокосознательных общинников, постоянно живущих в добровольной сегрегации. Все остальные приезжают пожить и поработать на несколько месяцев; если понравится, могут делать это несколько раз, но с перерывами, для них община — временное социальное инобытие, и стиль их жизни таков: за несколькими месяцами рыночного соревнования в городе следуют несколько месяцев добровольного микрокоммунизма и коллективных медитаций. В такой ситуации энтузиазм неофитов не остывает, потому что они тут временно, и для них это экзотика, приключение, а включенность «ядра» не теряется, потому что это высокосознательные люди. От них требуется, конечно, внимательный отбор «сезонных» людей.

2. Возможна подобная градация и без сезонности. Например, несколько кругов «разной включенности», то есть разная степень обобществления для разных людей. Те, кто уже чувствует такую необходимость, отказываются от личного поощрения и бескорыстно работают на общину. Это меньшинство является и центром, и моральным авторитетом для остальных: ты уже можешь ничего не ждать в награду за труд, настолько ты важен для общины, а она важна для тебя, в каком-то смысле все здесь стало «твоим», и само это состояние является главной наградой. Переход в это состояние добровольный, никто не торопит. Для тех, кто к этому пока не готов, то есть для большинства участников, сохраняются (пока им это необходимо) материальные стимулы и поощрения за хорошо сделанную работу и оценка общиной самой этой работы по принципу «кто больше сделал и оказался полезнее». Получается обратная перспектива обычного социального успеха: те, кто только пробует жить в общине, получают за труд больше других, те, кто уже стал частью общины, получают значительно меньше, а те, кто находится в самом центре и несет максимальную ответственность, работают бесплатно. Успех в таком сообществе

— это движение от оплаты (не обязательно денежной) труда к полному альтруизму.

3. Можно предположить также, что натуральное хозяйство и самообеспечение в принципе не могут быть прогрессивными. Тогда община должна быть построена по другой схеме: все делают нечто важное для рынка и города и существуют за счет полученных денег. Так, например, Джон Нойез, лидер общины «библейских коммунистов», придумал и научил своих товарищей, как делать хитроумные охотничьи ловушки и капканы для зверей, что оказалось весьма прибыльным делом в американской глубинке. Возможно, именно этот спрос на ловушки Нойеза, а отнюдь не только «свободный брак всех со всеми» обеспечил необычно долгое существование его общины. Но и в такой схеме возникает множество вопросов, на которые общине придется отвечать: какую прибыль должен приносить всем каждый участник, чтобы оставаться в коллективе, кто уполномочен распоряжаться общим бюджетом, и т. п.

22/ Задающие тексты

22.1/ Утопическая литература

Какими текстами задавались светские коммуны нового времени, ведь тексты сакральные им как руководство больше не подходили? Конечно, это жанр утопии — Кампанелла, Мор, «Изокамерон» Казановы, Чернышевский, Богданов, социальная фантастика XX века. Утопия в своих первоначальных описаниях — это очень часто именно сегрегация, она не «везде в будущем», а где-то очень далеко от нас и существует параллельно с нами, в конкретном, но трудно достигаемом месте — на далеком «острове» (Мор), внутри полый земли (Казанова), в параллельном мире, который является в снах Вере Павловне, на далеком Марсе, где успешно построен коммунизм (Богданов). Утопия должна оставаться трудно достигаемой, но параллельно существующей где-то прямо сейчас, чтобы подчеркнуть ее реальность.

Конечно, многие утописты мечтали основать «утопию для всех», но даже они часто предлагали попробовать сначала в добровольной сегрегации создать лабораторную и примерную модель, набросок общего будущего. Жанр утопии оказывался планом, чертежом для такой модели. Утописты подчас всю жизнь балансировали между проектом локальной добровольной сегрегации и требованием полной революционной переделки всего общества.

Богданов отмечает, что в языке коммунистических марсиан нет мужского и женского рода, потому что всякая разница между мужским и женским в утопическом обществе игнорируется. Там нет и семьи, а не только государства. У Казановы та же идея дана более радикально: все жители полой земли — андрогины, они двуполы и никогда не испытывают голода, потому что у каждого из них есть женская грудь, и они всегда готовы накормить друг друга молоком. Двуполость обеспечивает им физиологическое единство, они не просто «большая семья», но почти один организм, хоть и условно разделенный. Удивительно сходный момент у Богданова: коммунистические марсиане, чтобы омолаживать и оздоравливать друг друга, постоянно меняются кровью, переливая ее друг другу, то есть общность воплощена также в чисто физиологической метафоре общего тела и общей крови. Сознание утописта нащупывает что-то, что разобщает людей на более глубоком уровне, чем частная собственность. Частная собственность оказывается следствием разделения на мужское и женское, которое должно быть снято в утопии, и вообще неравенство и конкуренция коренятся в разделении людей на отдельные тела, которое тоже должно быть снято.

Основной закон на коммунистическом Марсе Богданова таков: давать другим больше, чем берешь у них. Очевидно, что этот утопический принцип есть нечто обратное самосохранению. Именно эта сторона утопической логики позволяла позже Шафаревичу и другим правым антикоммунистам утверждать, что коммунистический проект направлен против жизни как таковой: тот, кто берет у других меньше, чем дает им, неизбежно исчезает.

На это (в правой оптике) способен только бог как неисчерпаемый источник безвозмездной благодати, и устраивать общество, пусть даже и локальное, вокруг таких этических принципов значит обрекать человека на вымирание, деградацию либо фарисейскую ложь и двоемыслие.

Обратный жанр, антиутопия, исходит из противоположных установок: смысл нашей истории нам неизвестен и не может быть известен, разделение между людьми — половое, телесное, экономическое, культурное — нельзя снять. И только благодаря этим разделениям история и продолжается, ибо у каждого есть своя особая, а не одна данная на всех судьба. Одинаково невозможно как вернуться к безгрешному состоянию Адама в раю (цель правых, старинных и мистических утопий), так и создать на базе человека нечто более совершенное (цель прогрессивных атеистических утопий). Антиутопия — это всегда пафос частной жизни, противопоставленный служению общим принципа, мелодраматический детонатор, взрывающий машину общего дела.

В США 1960-х многие создатели «битнических общин» вдохновлялись научной (и не очень) фантастикой, в частности романом Роберта Хайнлайна «Чужак в чужой стране» (1961). В этой книге люди, познакомившиеся через своего учителя с альтернативным (не земным, а марсианским) сознанием, становятся «больше, чем людьми», создают на земле собственную общину — «гнездо». Они полностью чувствуют друг друга на любом расстоянии, обладают альтернативной истиной, прежняя цивилизация им не подходит, и с их «гнезда» начинается глобальная поколенческая революция, до неузнаваемости меняющая человечество. Человеческий вид делает следующий эволюционный шаг.

Детально описывал утопический мир и один из идеологов стиля модерн, основатель «движения искусств и ремесел» Уильям Моррис, но его проекты («Вести ниоткуда») несколько скромнее и реалистичнее. В них нет ни общего тела, ни стирания полов, и даже коллективность собственности распространяется

только на самые важные вещи — землю, дома, важнейшие из машин. Наблюдая британский промышленный бум и замечая его минусы, Моррис предлагал свою версию постиндустриального социализма небольших общин и мечтал об упразднении больших и вредных для человека городов как таковых. В его проекте будущего все живут небольшими ремесленными поселками, творческими артелями, мастерскими, утопающими в зелени и никак не подчиненными друг другу. В таком поселке все друг друга знают, и управляется он прямой демократией. Количество потребления уступило там качеству, то есть у всех настолько развит вкус, что им требуются только самые прекрасные вещи. Рынок остался в прошлом, и потому качество этих вещей максимально, никто не заинтересован в их постоянной ломке и смене. Мода и невротическая заикленность на «новизне» никому не известны, наоборот, ценится всё старинное, с исторической аурой или умело стилизованное под старину. Наука позволяет людям удовлетворить основные материальные потребности, и потому у них остается много времени на творчество и свободные искусства на лоне природы. Машины существуют в очень ограниченном количестве, но вовсе не затем, чтобы постоянно увеличивать производство, а только для того, чтобы создавать первичные болванки, полувещи, которые люди с удовольствием «доводят» своими умелыми руками, никуда не торопясь и вкладывая в ремесло душу. Централизованное государство упразднено за ненужностью, традиционная семья тоже осталась в прошлом. Население в таком мире не растет, и даже несколько сократится, потому что жители этих небольших поселков очень серьезно относятся к воспитанию и развитию своих детей и не хотят иметь больше одного-двух. Каждый дом там является продуманным от начала до конца произведением искусства и т. п.

Уильям Моррис даже создал несколько подробнейших (вплоть до описания гобеленов, клумб и витражей) проектов таких «идеальных домов», чтобы, построив их, использовать как наглядное доказательство преимуществ своего «социализма

естественных общин». Однако он не нашел никого, кто бы профинансировал этот прекрасный мир даже на уровне одного отдельно взятого дома. В реальной жизни утопизм Морриса ограничился должностью редактора в анархо-социалистическом журнале «Коммуноил» и созданием, вместе с художником Россетти, кооператива «новых ремесленников» — дизайнеров эксклюзивных домашних вещей. В несколько упрощенной, бюджетной форме Моррис реализовал лишь один «дом-произведение» для собственной семьи, но до последнего дня надеялся, что однажды спонсоры найдутся и что вообще переход к «общинному социализму» произойдет без насилия и революций, как только всем людям, включая богачей, станут очевидны преимущества этого проекта цивилизации над грязным, жадным и уродующим человека британским капитализмом. Полусознательно копируя внешний вид, прическу, бороду и вообще манеру Карла Маркса, Моррис хотел стать вдохновителем и стратегом другой, ненасильственной, эстетской и мелкообщинной линии в мировом социалистическом движении. Это выразилось даже в его утопических текстах: описанной социальной гармонии угрожают изнутри лишь сторонники «строгой науки», опьяненные идеей разгоняющегося и всеобщего прогресса.

Его наивная вера напоминает жившего чуть раньше Шарля Фурье, так и не нашедшего денег ни на один свой «фаланстер». Впрочем, о текстах Фурье, вдохновлявших столь многих общинников столь долгое время, стоит сказать отдельно.

22.2/ Фурье

Земледельческо-промышленная фаланга по замыслу Фурье должна производить субъективность, а не стирать ее на благо коллектива. Но даже он пытался в своих текстах максимально рационализировать этот процесс, задать заранее, создать трафарет, карту нового мира, с помощью «математики страсти». Звезды, числа, имена стихий, элементов и чувств должны были

подсказать ему правильную формулу человеческого счастья, реализованного в отдельных фаланстерах с населением в 1500–2000 человек.

Радикальная новизна утопической оптики Фурье заключается в том, что воображенные им общины существуют прежде всего для удовольствия отдельной личности: удовольствие в центре всего, оно и есть новое божество утопии. Фаланстер Фурье — это правильно собранная из людей машина для максимального наслаждения каждого из этих людей, равно как и каждый человек сам является машиной для удовлетворения всех своих чувств. Реализация утопии дает человеку не известные ему ранее виды наслаждения жизнью, собой и окружающими. Первое же поколение учеников Фурье, публикуя и комментируя труды учителя, и при его жизни и после смерти старалось дозировать и убавлять «безумную» и слишком «страстную» сторону его проекта. В его утопии нет ни капли апокалипсичности или аскетизма жертв «во имя коллектива», или «во имя будущего», или «во имя высшего исторического принципа», нет ни грана вождизма. Фурье, напротив, разоблачал сторонников Сен-Симона и Оуэна как скрытых претендентов на руководство массами, как священников нового социалистического культа. Фаланстер не нуждается в вождях и гарантирует немедленное и непрерывное счастье, только в этом и состоит «служение принципу», заложенному в человеческой истории. Именно из-за этой новаторской идеи и через сто с лишним лет текстами Фурье так восхищались и увлекались и Маркузе с «новыми левыми», и сюрреалисты с Бретоном, и современные неоанархисты.

Фаланга — спасительный возврат к предначертанной людям миссии. «Страсти идут от бога, обязанности — от людей», — объяснял Фурье общий принцип своей этики. Он выбирал страсти и бога, а не «цивилизацию» с ее унылыми и оскорбительными обязанностями.

Каждый в фаланстере получает по полезности и таланту из общего бюджета, но сфера бесплатного, общедоступного столь

широка, что деньги превращаются в чистый фетиш, в самодостаточный знак, а драгоценности — в игрушки и диковины. В драгоценностях можно купаться, как поступают дети в игровом зале. Благородные металлы и камни, «презираемые философами», важны сами по себе и не имеют рыночной стоимости. Это ценности, которые счастливо утратили конкретную цену. Торговля во всех видах была отвратительна Фурье, и потому его «культ богатств» не имеет никакого отношения к капиталу, это чистое психологическое наслаждение изящными вещами, а не их обменными возможностями. Наоборот, по-настоящему роскошными вещи делает их исключенность из рынка, только тогда они дают нам чистое удовольствие, как у трехлетних детей, тянущих к себе все, что утоляет их сенсорный голод, и тут же забывающих свои диковины ради новых. Фурье удалось точно высчитать, какому проценту людей понадобится именно такая форма удовольствия (18 обществ комбинированного Порядка) — обладание богатствами.

Если бы «цивилизованный» (это крайне негативный эпитет у Фурье) человек мог увидеть составленное из фаланстеров гармоническое человечество будущего, он наверняка потерял бы разум или умер от шока. Поэтому Фурье оговаривается, что дает лишь частичное описание, которое должно сделать людей безразличными к развлечениям цивилизации и нетерпимыми к ее горестным трудам.

Придумывая неологизмы и рискованные сравнения, Фурье описывает гармонию фаланстеров: там нет досуга и свободного времени, но есть множество вариантов того, чем заняться и какой вид кайфа предпочесть. Деятельность меняется каждые два часа.

Большинство утопий — исключаящие системы и в этом зародыш их репрессивности. Утописты пытаются обнаружить в нашей природе дурные свойства и вообразить механизмы их искоренения, недопущения, блокировки. Фурье пытается «включить» в фалангу всех, найти всем такое место, где страсть каждого удовлетворялась бы на пользу коллектива, какой бы

странной она ни была: цветочники, любители навоза или чесания пяток, фиксированные, то есть постоянно верные своим удовольствиям, и дрейфующие, то есть ежедневно скользящие от одного удовольствия к другому, — все найдут себя в новой социальной гармонии, все окажутся нужны друг другу в общественном симбиозе.

Человеческое удовольствие будет постоянно узакониваться и находить новые способы проявления в фаланстере. Все, что отвергнуто или дискредитировано цивилизацией и ее моралью, станет топливом этой машины счастья. Целостная и абсолютно развитая душа человека, по подсчетам Фурье (помогли астрологические наблюдения), имеет 1640 качеств, составляющих бесконечные комбинации наших ежедневных стремлений. Эта полностью реализованная душа андрогина — по 820 качеств от женской и столько же от мужской души. Ее достижение и есть цель каждого в Фаланстере. Она и есть максимальный результат работы всей этой социальной машины. Ради этого финального экстаза полного раскрытия всех свойств и стоит каждые два часа менять удовольствие (то есть деятельность), спать не более 4,5 часов и 150 лет жить в фаланстере.

Буржуазные читатели Фурье часто неверно понимали его цели как завуалированную мечту сделать всех аристократами на пиру-балу-карнавале. Тогда фаланстер — это такой идеальный отель с бесконечными видами анимации, пир Тримальхиона, оргия эстетов и сатурналия, в которой стерты границы между хозяином и слугой. Конечно, это не так. В отеле и на пиру не производят, не организуют, не изобретают и даже в самом творческом варианте «досуга» просто имитируют всё это. В любом случае там отдыхают и отвлекаются от более требовательной, рациональной и утомительной жизни. В фаланстере же все существование переплавлено в счастливую деятельность, это попытка изобрести другую рациональность, освобожденную от искажающего влияния рынка, попытка заново повенчать чудесное с разумным. Почему такой мир не останется

без еды, горячей воды и фруктов? Почему в нем не случится перенаселения? Почему он не погибнет от эпидемии? Потому что, отвечает Фурье, именно такой мир изначально «задан» неким божеством, в качестве цели для человечества, такой мир — социальная гармония фаланстеров и максимальная реализация душ — записан в самой человеческой природе.

Вся история людей есть приближение к этому идеалу, и гармония только и ждет, чтобы люди начали-таки ее реализовывать в первых автономных общинах. Фурье ведет вера в объективную, математически вычислимую и поэтически обнаружимую заданность нового порядка, в котором, в отличие от рыночного капитализма, не будет ничего стихийного и разрушительного. Иррациональный порядок классового общества, не давая нашим страстям полного выхода, делает нашу жизнь стихийной. Фаланстеры с их оранжереями, паровыми котлами и парадами достижений окажутся фантастически эффективными и не узнают экономических или социальных проблем именно потому, что максимально соответствуют природе и космической задаче человека, рожденного для счастья и экстаза. Предсказуемость и план социальной гармонии исключают скуку и однообразие так же, как исключают они антиобщественную стихийность. Фурье сравнивает гармоническую жизнь с дыней на пиру: мы никогда не знаем точно и заранее, какая она внутри на вкус, пока не попробуем, мы всегда заинтригованы этим, и все же мы знаем, что это именно дыня, нам известны ее общие свойства и возможные варианты ее вкуса.

Фурье особо подчеркивает новую сексуальную рациональность фаланстеров. «Ангельская» пара, регулярно избираемая большинством, как самая красивая и совершенная, пускает в свою постель всех, кто этого захочет, в благодарность за признание своего статуса. В наказание за грех, совершенный против общества, «сферическая иерархия» назначает число раз и число людей, с которыми провинившийся должен заняться любовью, чтобы лучше почувствовать свое единство с другими

гражданами гармонии и исправиться. Исходит эта «иерархия» не из какого-то абстрактного права, но из имеющихся у всех научных таблиц, учитывающих положение звезд, направление ветров, календарное число, возраст человека, цвет его глаз и т. п.

Вдохновленные такими примерами, богатые, страдающие от своего богатства, и бедные, страдающие от своей бедности, бросают прежнюю жизнь и устраивают фаланстеры всюду, с мировой столицей гармонии в Константинополе. Прекраснее места, чем Константинополь, Фурье, видимо, не мог себе представить, тем более что он ассоциировался у него с «османскими удовольствиями» — многоженством, терпимым отношением к бисексуальности, тропическими фруктами, сладостями и украшениями базаров, экстазом и стихами дервишей. Морскую воду фаланстерцы превращают в лимонад, используя энергию полярных сияний. Ледяные шапки на полюсах исчезают, потому что они не нужны людям и Север расцветает садами невиданных плодов, изобретенных садовниками-гурманами. Вся орошенная Африка выращивает сахарный тростник. Скучный хлеб выйдет из моды и уступит свою роль базовой пищи засахаренным фруктам. Везде и всем будут наливать сладкий компот — жизнь станет прекрасным кондитерским приключением, а мир превратится в огромное пирожное. Если мерить количеством счастья, каждый год в фаланстере приравнивается к столетию современной Фурье обыденной жизни. Новая наука неизбежно создаст «третий пол», сочетающий в себе все качества двух прежних в неискаженном и освобожденном виде. Эти новые андрогины великанского роста, сменившие прежних мужчин и женщин, призваны к тому, чтобы силой своих знаний передвигать небесные тела, наводя гармонический порядок в космосе. До этого момента космос выглядел как неиспользованная языковая система, тогда как должен он выглядеть как совершенная поэма. Новые андрогины — мифические героини древних культур, но помещенные на этот раз не к истоку времен, а данные как обещание в ближайшем будущем.

Все эти смелые мечты сделали Фурье радикально новым теоретиком добровольных сегрегаций с приматом творческих удовольствий и развитием чувств за пределами устаревшей морали и прежней бескрылой логики. Он бесконечно вычерчивал чертежи, расписания, подробно растолковывал, чем надуть океаны, чтобы они в будущем благоухали. Он ждал тех, кто готов профинансировать первый такой опыт. Если правоту Фурье не признавали, он просто начинал сомневаться в уме тех, от кого ждал признания.

22.3/ Порнокапитализм де Сада

Фурье освободил культ удовольствия от его связи с властью и классовой доминацией. Он сделал в своей утопии удовольствие политически революционным, а не радикально-реакционным, как в крамольной утопии своего явного предшественника де Сада. Возможно, именно де Сад научил Фурье этому редкому для тех лет подходу: утопия реализуется для чьего-то максимального удовольствия, а не для чего-то еще. В «120 днях Содома» и других сочинениях де Сад описывает вымышленные монастыри, серали и аббатства либертенов, в которых эти утопические господа отказываются от прежней морали и условностей прежнего языка для сохранения и даже максимального ужесточения неравенства, ради новых, очищенных от предрассудков форм обладания человеком.

Прозе де Сада свойственна радикальная светскость, в смысле антиклерикализм, или даже клерикализм, вывернутый наизнанку, — исповедь, месса и причастие пародируются в сексуальных ритуалах, перверсивных шоу. Религиозному ритуалу противопоставляется рациональный ритуал, посвященный только удовлетворению доминаторов, без маскирующей метафизики. Де Сад нагромождает, явно преувеличивая, развратные деяния пап, кардиналов и священников, делая из жрецов обманного и потому мерзкого ритуала жрецов честного и рационального ритуала чистой доминации либертенов.

Очевидно, что де Сада раздражала невозможность полностью обладать рабом или слугой, и он пишет утопию абсолютных обладателей, власть которых ничем и никем не амортизирована и в этом смысле свободна и порочна. Это сообщество не зверей, ограниченных генетически заданными потребностями, но свободных доминаторов, нередко несущих другим смерть в процессе перманентной реализации своей власти.

Легче всего, конечно, объяснить весь этот «садизм» слишком близким расположением и даже наложением центров боли и удовольствия в мозгу автора. С социальной же точки зрения, весь пафос де Сада — это невозможность реализации новых горизонтов удовольствия в прежней системе, но и невозможность представить себе принципиально иную систему с принципиально иной экономикой желаний. Де Сад утрирует и доводит в воображаемых сегрегациях до стерильной крайности «эту систему», ту, которая последовательно побеждала в течение всей его жизни. Он — свидетель французской революции, разделившей его жизнь пополам. Его молодость прошла в мире, где новый класс имел все, кроме окончательной, закрепленной власти, ходил в прежних, не удобных ему юридических и моральных одеждах, а зрелость и старость де Сада происходили при глобальном перевороте отношений и окончательном утверждении буржуазии у власти. Во время революции он обращался именно к этому классу с одним из самых утопических своих текстов («Последнее усилие, которое сделает вас настоящими республиканцами»), к новому историческому игроку, именно как к либертенам, доминаторам, которым не понадобятся лишние ритуалы прошлого и его лживая мораль.

Будучи радикальным атеистом, де Сад надеялся, что власть нового класса обойдется без прежних религиозных и патерналистских иллюзий, чувствовал остро их ложь и неуместность и предлагал убрать их как мешающий наслаждению амортизатор. Смысл власти и доминирования — удовольствие, а вовсе не долг перед отсутствующим богом,

вымышленной нацией, бессильными избирателями, слепой толпой. Таковую «власть как наслаждение» может дать только капитал. Либертены — это новые буржуа, возникающие внутри прежней сословной системы, именно они смогут обойтись без оскорбительных для рационального и аналитического ума иллюзий прошлого. Де Сад переоценил радикальность буржуазии. Хоть и «нет такого преступления, на которое не пошли бы капиталисты ради 300 процентов прибыли», им не меньше требуются для самооправдания массовые душеспасительные иллюзии, чем требовались они дворянам прежних эпох. Правда, иллюзии эти другого рода, не вытесняющие (как прежде) страсть и экстаз на воображаемые небеса, к святым и ангелам, но пускающие эмоции в новое русло, выгодное продавцам товаров, оживляющее рынок и умножающее капитал. В этом смысле утопия де Сада есть утопия чистого и честного экстаза потребления. Потребления одними людьми других. Это утопия эксплуатации, которая не нуждается в том, чтобы называть себя как-то иначе. Радикальность сообщения де Сада в том, что использование низших отнюдь не печальная необходимость, но главное наслаждение доминаторов в режиме неравенства, которое не нуждается в оправданиях и маскировке.

Либертены роскошно питаются и не выносят повторений ни на столе, ни в постели. Они следят и за тем, что едят их жертвы, чтобы оставаться достаточно упитанными и соблазнительными для своих господ. Либертеном становятся после 35 лет, приобретая жесткий, злобный вид и «пылающий взгляд». Жертвы, в отличие от хозяев, в этих описаниях почти не имеют внешности, они функциональны. Либертеном невозможно стать без денег, но есть ли у него титул или нет, неважно. Деньги — главное доказательство их порочности и прав на реализацию этой порочности. Чаще всего либертены принадлежат к финансистам, откупщикам или высоким должностным и духовным лицам, превратившим свое положение в выгодный бизнес.

Как строится их идеальная сегрегация, закрытая от остального, «испорченного моралью» общества? Во главе

несколько (это никогда не монархия!) крупных либертенов, вокруг них — рангом ниже — помощники и ассистенты и, наконец, подданные (постоянные и временные), происходящие, как правило, из низших слоев общества, а иногда и просто привозные рабы. Между собой эти разные классы не имеют никаких отношений вне ритуалов, обслуживающих желания господ. Всё, чем они заняты, — производство удовольствия своих хозяев и никаких оправданий этот сложный многосоставный конвейер не ищет. Утопист де Сад занят максимальной рационализацией поз, способов, участников, доходящих до расчленений и каннибализма, ведь это никогда не случается спонтанно, по-зверски, но всегда делается по продуманному плану. По сути, это бизнес-план, мечта о максимальной эффективности подданных: использованы должны быть все телесные возможности участников. В мире буржуазной конкуренции между доминаторами нет никакой солидарности. Либертены любезны, но иногда они убивают и друг друга, например, в случае, если один из них идет замаливать свои грехи в церковь.

Господин говорит гордо и богохульно, а его живой объект для исполнения желаний молчит.

Либертенам можно говорить, их подданным — нет, ведь они — доставляющие удовольствие (при правильном использовании) вещи, ресурсы и источники чувственной прибыли. О чем обычно говорит либертен? Это антимифологические, в самом широком смысле слова, речи, разоблачительное иконоборчество в духе просветителей.

Де Сад написал утопию того, что уже есть, но пока замаскировано из ложного уважения к моральным фетишам прошлого. Малое закрытое общество либертенов — это идеальный (и потому невозможный) капитализм, без всяких «но» и «при условии», в котором жертвы никогда не бунтуют, они, эти пассивные объектные люди-инструменты, даже не боятся. «Мы не боимся тебя, потому что не можем тебя постичь», — говорит жертва либертену. Перед нами идеальные, возможные лишь в

утопическом тексте эксплуатируемые. Для этой утопии важна изначальная регламентация: кого и какая ждет судьба в этом бескомпромиссном производстве наслаждения элит, кто и какую форму удовольствия доставляет — обозначено заранее цветной лентой на одежде подданных. По цвету розданных лент можно заранее видеть, кто из них выживет, а кто — нет.

Рост такой власти и «чувственной эффективности» невозможен без механизации производства удовольствия. Де Сад выдумывает машины для порки, изнасилования, вызывания безумного смеха, жесткие фиксаторы и подвижные фаллоимитаторы. Да и статус используемых людей близок к манекенам и надувным куклам. Если бы надувные куклы могли беспрекословно их обслуживать, то, подсчитав всё в столбик, буржуа однажды ночью надели бы противогазы и повернули бы кран, пускающий газ в города. Мы не понадобились бы им в роли потребителей, потому что у них отныне было бы достаточно исполнителей их желаний, и они превратились бы в чистых богов, никак не связанных «обратной связью» (через потребление товара) со своими исполнительными «созданиями».

В своей утопии Сад формулирует основы капитализма: не воздавать тому, кто вам дарит (право буржуа), дарить тому, кто вам не воздаст (судьба работников). «Если вы богаты, вам следует заплатить, но если вы бедны, вас следует обокрасть»,

— говорит либертен своей партнерше, перед тем, как заняться с ней анальным сексом. Капитализм

— это и есть система, в которой воруют у бедных и платят богатым. Дестабилизатором и врагом капитализма является тот, кто поступает ровно наоборот.

Французская революция имела ощутимо левацкий привкус. И все же привкус этот был обычным для великих революций забеганием вперед, чтобы с неизбежно большой кровью откатиться назад. Революция, при всей ее левацкой составляющей, стала абсолютно буржуазной по своим результатам, она исполнила волю буржуазии и принесла ей выгоду. Послереволуционная власть упрятала в тюрьму того, кто

видел новый доминирующий класс без иллюзий, — вот что сделало де Сада по-настоящему непристойным. Левацкая же составляющая революции осталась в прозе маркиза утопией «реформатора Заме», устроившего на далеком южном острове свой бесклассовый рай. Но недостижимость этого рая и для героев, и для читателей, и для автора всячески подчеркивается.

Интересно, что и до революции де Сад сидел в тюрьме, но за аморальное поведение: он относил себя к либертенам и слишком жестко, не по-христиански обращался с проститутками и служанками. Его обвиняли в дискредитации своей родовой семьи. Избыточность и забегание вперед всех настоящих революций выпустили его из тюрьмы как критика и жертву. Второй раз его посадили уже после революции, и впервые именно за «непристойные тексты». В камере ему даже запретили писать, а позже и вовсе заключили в сумасшедший дом. Власть буржуа к разочарованию де Сада маскировалась старыми ритуалами и так и не стала утопически полной. «Смелость основывает республики, а благие нравы их сохраняют», — напоминали ему обвинители. Был ли де Сад врагом победившего класса, были ли его утопии «издевательским памфлетом», как он сам время от времени утверждал? Только в той мере, в какой «отвратительный» и «пугающий» рентгеновский снимок является врагом просвечиваемого и издевательским шаржем. Непристойные сочинения де Сада стали именно таким «неправдоподобным» снимком побеждающих социальных отношений, изображенных в форме закрытых садистских утопий, сегрегаций окончательного обладания. Капитализм без иллюзий, как «Общество друзей преступления», оказался невозможен и невыносим ни для низов, ни для верхов, ложь — его неизвлекаемая и важнейшая деталь. Жрецы новой буржуазной религии — светской морали — потеснили прежних жрецов, но и прежние никуда не делись и быстро нашли себя в рыночной действительности. Весь порнотеатр Сада — обнаружение (с помощью избыточных, гротескных и утопических фантазий) и разоблачение утверждавшихся вокруг него классовых

отношений, которым он сказал неприлично громкое «да!». Иногда такое разрушительное утопическое «да!», сказанное системе, сообщает нам гораздо больше о ее скрываемой сущности, нежели множество протестных и критических слов.

Нечто подобное сегодня можно найти в изощренной порносатанинской прозе Дмитрия Волчека («Кодекс Гибели», «Девяносто три!»), но уже не как проект, а как чистую, ни к чему не зовущую бесплотную фантазию об абсолютной власти над чьим-то (или своим) телом, как о предельном удовольствии.

Есть, конечно, и другое объяснение «садистских фантазий»: не в силах изменить систему доминации, в которую человек включен с детства, ему остается лишь изображать ее, снять напряжение в садистском ритуале или ролевой игре. Так достигается временное, спектакулярное, неполное избавление от чужой власти через ее добровольное театральное воспроизводство. Но рассмотрение такой трактовки увело бы нас слишком далеко в психоанализ, фрейдомарксизм и обсуждение функции суперэго в производстве классового неравенства.

23/ Аббатство в Чефалу

«Это будет образец общества нового типа, задача которого помочь каждому достичь своей цели. Поэтому мы и должны отказаться от всех этих диких и заранее готовых для нас правил поведения, на которых держится прежняя цивилизация», — записал Алистер Кроули в своем плане создания идеального Аббатства восточных тамплиеров.

Мечтая избавиться от героиновой зависимости (с помощью других наркотиков), разочарованный в британском обществе, проклинавшем его в прессе, гадая по «И цзин» и заглядывая в атлас, Кроули выбрал место для своего Аббатства и снял недорогую виллу, то есть большой крестьянский дом без газа, электричества и канализации на отшибе горной деревни.

Аббатство просуществовало ровно три года на Сицилии в Чефалу (что означает «голова»). Это очень интриговало

основателя, напоминая ему о древнем гностическом символе — ацефал, держащий свою отрубленную голову в руках, ниже сердца, в которое переместился теперь его разум. Такое перемещение делает посвященного настоящим магом с космической интуицией и волшебной властью над «слепыми вещами и слепыми людьми». В Чефалу также находились руины храма Дианы, которому более трех тысяч лет, в свою очередь надстроенные над более древним неолитическим святилищем неизвестной богини. Матриархальные культы привлекали Кроули: женщина — это медиум, способный входить в контакт с духами, которых не может ни при каких обстоятельствах услышать мужчина. Сам Кроули всегда тяготел к древнему типу пары лидеров «Симон Маг и Елена»: мужчина-пророк и его «Алая дама» (медиум), доставляющая бесценные сведения из невидимых миров тонких бессмертных сущностей, для которых наш мир слишком груб и тяжел. Разница была только в том, что таких «алых дам» у Кроули в Аббатстве было как минимум три.

Эта первая община телемитов, безусловно, стала предтечей многих нью-эйджевых коммун будущего и одной из самых интересных затей «контркультуры 20-х годов». Кроули с учениками занимался там спиритизмом, гностическими мессами, пробуждением «душевной юности» и пытался стать равным древним богам. Для ритуала окончательного «пробуждения рубиновой пентаграммы» необходимо вызывание и изгнание демонов с помощью правильного дыхания и жестов. Подчинять духов следует с помощью Древа жизни и каббалистического креста — фаллоса. Вызывать духов помогают правильные взмахи руками вперед и назад и верные призывания их имен на сакральных языках как в прямом, так и в обратном порядке.

В Чефалу исповедовали мистический анархизм — высвободить в каждом поработенную семьей и обществом гениальность. Гостей Кроули встречал у порога своего Аббатства словами: «Здесь ваша слабость станет силой, а заурядность — благородством». Кроме самого Кроули в Чефалу жили сначала две, а после три его «алые дамы», несколько их детей, несколько

верных учеников и постоянные гости из «Ордена восточных тамплиеров», европейской богемы или заинтригованная знать из Палермо.

Многих гостей нередко смущало поначалу, что в Аббатстве не было столовых приборов и все «по-восточному» ели руками. Но и еда была скромнее некуда: вино, грубый хлеб, козий сыр (коза была своя и участвовала в сексуальных тамплиерских обрядах), кофе, фрукты, виноград и изобретенный Кроули коктейль «Кубла Хан» с примесью опиума. Аббатство часто балансировало на грани голода, который, впрочем, тоже считался тут терапией духа и особым опытом. Местные набожные крестьяне отказались прислуживать телемитам, да и денег, чтобы заплатить им, почти не было. Общим бюджетом Аббатства были в основном деньги самого Кроули и редкие пожертвования сторонних поклонников. Иногда Чефалу изображают как попытку осуществления мечты де Сада о либертене, практикующем абсолютную ментальную, экономическую и сексуальную власть над своими «людьми», но это, конечно, далеко от истины. Магистр был требователен только во время ритуалов и духовных упражнений, а основную часть дня обитатели Чефалу имели полную свободу для творчества, земных удовольствий или пляжного безделья.

Все в Аббатстве носили ритуальную, придуманную Кроули одежду — свободные балахоны с капюшонами, алой изнанкой, широкими рукавами и золотыми поясами. Утро начиналось с удара в гонг, повторения мантры «свободная любовь и есть закон» и обряда поклонения египетскому солнечному началу Ра, который повторялся до полуночи еще четырежды. Этот обряд уподоблял Кроули фараону, а остальных — царственной семье Египта, «двигавшей солнце по небу».

Новый адепт, попав в Чефалу, проводил более десяти дней в полном молчании вдали от общего дома, на скалах, записывая карандашом в блокнот свои мысли, которые потом Кроули читал всем вслух. Выдержав это, он получал от магистра новое, магическое имя и больше не имел права пользоваться прежним,

мирским. Всем запрещалось употреблять личные местоимения первого лица, заменяя их словом «некто». За нарушение этого запрета адепт наносил себе особым лезвием ритуальный порез. Говорить о себе «я» мог только магистр, потому что магия открыла в нем подлинно бессмертное, а не обусловленное воспитанием и обществом «я». Всем остальным до этого состояния было еще очень далеко. По совету Кроули все жители Аббатства вели подробные «открытые дневники» — каждый мог в любой момент потребовать для чтения дневник другого адепта. Фактически это был блог.

Три года существования Аббатства — самый плодотворный период в жизни магистра. Он написал множество текстов и сценариев ритуалов, вел переписку с адептами телемизма по всему миру, рисовал, занимался альпинизмом. Воспитывал тут троих детей (от двух разных «жриц») и даже разрешал им присутствовать при обрядах сексуальной магии. Кроули расписал стены виллы изнутри «непристойными» фресками порноокультурного содержания. Это был секс магических существ, богов и жрецов забытых религий, людей разных рас и животных. Телемиты считали, что в такой обстановке ни у кого в доме не будет возникать «нездорового» и «викторианского» интереса к сексу как к запретному плоду, и он будет восприниматься как «таинство, в котором все дозволено и которое пора освободить от христианских оков». Сексуальная магия пробуждает внутри людей божества с бесконечной памятью. Иногда в этих церемониях участвовал козел, купленный на ближайшем деревенском рынке, — его приносили в жертву, взрезав ему горло в тот момент, когда он оплодотворял жрицу. Две первоначальные «алые дамы» магистра — Лия и Нинетт — постоянно ссорились из-за того, кто из них лучше подходит на роль медиума и главной жены Зверя. От той и от другой у него были дети, которые жили здесь же, в общине. Вскоре туда прибыла и третья претендентка на роль «алой дамы» — модная актриса немого кино Джейн Вульф. Ссор стало еще больше, несмотря на то что Джейн согласилась готовить еду на всю

общину. Самая младшая из дочерей Кроули здесь умерла, но рождались новые дети. Жизнь, верил Кроули, — это непредсказуемый ритуал с постоянно меняющимися участниками и никому не известным, а точнее, невыразимым земными словами, результатом.

Отец Кроули был уважаемым протестантским проповедником, мечтавшим научить людей скромной и духовной жизни по образцу первых христиан. То, чем занимался Кроули в Чефалу, было инверсией христианской деятельности его отца. Как известно, поповщина окончательно заканчивается в бесовщине. В центральной церемониальной комнате виллы магистр устроил шестигранный каббалистический алтарь в центре голубой пентаграммы, начерченной на полу.

В написанном как раз в это время коммерческом романе Кроули «Дневник наркомана» изображено, кроме многого прочего, идеальное сообщество людей, освобождающих друг друга от любых зависимостей, в том числе и от наркотической, с помощью спасительного учения — своеобразной групповой терапии и ритуалов, пробуждающих бога, подавленного в человеке. Автор или «открыватель» ритуалов — «король Ламус». Под этим именем Кроули вывел в романе самого себя. Эта явная реклама Аббатства в Чефалу позволяет понять тот идеал, которым Кроули хотел бы видеть свою общину, весьма далекий от получившейся реальности.

Аббатство закончилось из-за скверного происшествия с кошкой. Кроули поймал ее под столом и, чтобы проверить, не враждебный ли это дух в кошачьем обличье, начал задавать «бестии» вопросы на языке Атлантиды. Он говорил и пел на этом известном только высшим посвященным наречии, держа лазутчика за шкуру в воздухе. Кошка, услышав вопрос, на который духу нельзя не ответить, взбесилась и впиалась всеми когтями в руку магистра. Удостоверившись, что перед ним враг оборотень в кошачьей шкуре, Кроули отдал кошку своему верному ученику, сказав (уже на обычном языке): «Принеси жертву». Позже недоброжелатели, разочаровавшиеся в

телемизме, предполагали, что эта фраза относилась уже не к кошке, но к самому ученику, они подозревали, что Кроули договорился именно с кошкой о человеческой жертве и сознательно отдал духам одного из своих лучших адептов. Ученик усыпил лазутчицу с помощью эфира, и вечером ей под пение стихов Кроули перерезали горло в церемониальной комнате. Однако зверь, несмотря на практически отрезанную голову, вдруг ожил и стал метаться по комнате, заливая всех своей кровью. Это убедило уже всех присутствующих в том, что в плен к ним попало не просто млекопитающее. Все тот же ученик, полагающий себя в этой истории палачом, а не жертвой, поймал кошку и повторил обряд ее принесения в жертву («освобождения») с самого начала. Потом Кроули собрал кровь демона в чашу и приказал ученику выпить это в качестве поощрения за верно совершенный обряд. Ученик утверждал, что вместе с кровью животного в него перешла и сила прокравшегося в Аббатство демона. С этого момента он очень изменился, начал бредить, проявились все признаки сильнейшего инфекционного заражения, и через несколько дней «принесший жертву» умер. Кроули в белой одежде и со знаком Атлантиды на лбу устроил собственный «тамплиерский» ритуал его похорон недалеко от местной церкви, перепугав окрестных монахов. Все это быстро попало в газеты, возмутило католических начальников в Ватикане и лично Муссолини, и все телемиты были срочно высланы из Чефалу.

Через сорок лет скандальный режиссер Кеннет Энгер нашел эту заброшенную виллу и провел на ней некоторые «реставрационные работы»: смыл более позднюю побелку, открыв часть «непристойных фресок» и восстановив место для алтаря и пол в церемониальном зале. С этого момента вилла в Чефалу стала магнитом для неравнодушных к мистике рок-музыкантов. Среди них стало ритуалом записывать «шум волн» в Чефалу и использовать этот звук в своих альбомах. О том, что это за волны, знали только посвященные фанаты групп. Слоняясь по скалам и молча записывая голос прибоа, мечтатели поколения

рок-н-ролла повторяли опыт «молчавших неофитов», то есть надеялись примкнуть к этой экстравагантной добровольной сегрегации хотя бы символически и постфактум.

24/ Альтернативная педагогика

24.1/ Ребенок коммуны

В общинах, где растет «второе поколение», то есть группа детей, и установился позитивный климат долговременного сообщества, возникает уникальный шанс для всевозможных педагогических опытов «другого обучения», будь то вальдорфская или монтессорская педагогика, антропософия, школа Иллича или какая-то собственная, не известная за пределами общины система. Альтернативная педагогика претендует обычно на больший гуманизм и раскрытие творческих возможностей личности, нежели педагогика традиционная, готовящая «успешного гражданина» большого общества. «Нетипичные» методики воспитания часто применяются взрослыми в самосегрегациях, чтобы вырастить «других» детей, свободных от тех деформаций сознания, которые сделали жизнь взрослых в «большом обществе» затруднительной, но, с другой стороны, свободных также и от многих условностей и неписаных правил самого этого «большого общества», слишком конкурентного и равнодушного к отдельному человеку.

После бума всевозможных коммун в 1960–1970-х годах американские социологи исследовали судьбу детей, раннее детство которых прошло в тех коммунах, где упор делался на педагогику. Несмотря на опасение, что «дети коммун» не смогут найти себя в большом мире, обычно они оказывались как раз более устойчивыми к стрессу (реже впадали в депрессию), более физически развитыми и здоровыми, нередко более глубоко образованными, умелыми, контактными, ответственными и с гораздо лучшей памятью, нежели их среднестатистический ровесник из большого города. Имеются в виду, напомним, дети

устойчивых и спокойных долговременных коммун, а не временных «партизанских баз» радикалов. Вопреки стереотипам, такие дети гораздо реже попадали в наркотическую или алкогольную зависимость и сохраняли на всю жизнь то внутреннее равновесие и спокойную рассудительность, которые воспитала в них община в первые годы их жизни. В целом они были менее ревнивы и привязчивы. Наиболее частая претензия окружающих к ним — «слабое место» детей коммун, переселившихся в город, — им не хватает навыка, опыта (да и желания) самоподачи и конкуренции. У них могут быть «нетипично заниженные цели», то есть порой при всем их богатом внутреннем мире и знаниях их вполне устраивает простейшая работа, если она представляется им осмысленной и полезной и оставляет достаточно свободного времени для общения с близкими. Они с трудом понимают, что такое карьерный успех и подъем по иерархической лестнице. Они не любят приобретать новые вещи, равнодушны к моде и вообще «слабые потребители», а слишком напряженная массовая культура: кино, журналы, агрессивные компьютерные игры — нередко их раздражает и отталкивает. Триллер не их жанр, но и мелодрама их не очень увлекает, скорее они предпочтут научно-популярное чтение и видео. Жена одного из «детей коммун» сетовала на то, что ее мужу абсолютно все равно, сколько именно денег он получает и в какую сторону меняется его зарплата. Если «дети коммун» занимаются творчеством, то в нем часто «не хватает» того индивидуального невроза и тех мучительно навязчивых состояний, которые необходимы для создания по-настоящему «вставляющего» и «цепляющего» публику, то есть провоцирующего массовую истерию искусства. Типичный «ребенок коммуны» скорее освоит какой-нибудь сложный в исполнении древний промысел, будет гордиться качеством получившихся вещей и большинство этих вещей подарит понравившимся людям, нежели станет заниматься абстрактной живописью, авангардными коллажами или заумными инсталляциями. Эта особенность подчеркивалась

исследователями потому, что многие основатели коммуны, вырастившей этих детей, часто занимались именно авангардным и провокационным искусством. В целом у «детей коммун» снижено стремление к лидерству и выпячивание своей неповторимой индивидуальности, их скорее удовлетворит роль полезных помощников в важном для них деле.

Обобщенный портрет «ребенка коммуны» — самодостаточный и очень устойчивый человек с низкими карьерными амбициями, вряд ли подходящими для «роста» в офисе, салоне или шоу-бизнесе. Он скорее выберет коллективное творчество и больше любит петь хором, даже если у него редкий голос. Для городской компании он бывает скучноват, не склонен к веселому «угару» и наивен в своих слишком прямых и не всегда уместных вопросах вроде: а зачем это делать? какую проблему это решает? и т. п.

24.2/ Стругацкие

Важная связь между современными добровольными сегрегациями и альтернативной педагогикой остро ощущалась советскими социальными фантастами братьями Стругацкими. В «Отягощенных злом», написанных в конце 1980-х, они моделируют крайне двусмысленную, как этически, так и политически, проблему: в некоем городе живет гениальный педагог-новатор, автор альтернативной системы воспитания и обучения, которого знает вся страна. В своем «лицее» этот педагог выращивает молодых интеллектуалов. У педагога есть сын, который, по логике, должен бы стать «лучшим произведением» отца, но он уходит из общества, отказываясь от всех его условностей, и создает на природе за городом собственную добровольную сегрегацию — «флору», больше всего напоминающую массовую коммуну хиппи, в которой сын альтернативного педагога играет роль харизматика и гуру. Ушедшие во «флору» не желают жить в иерархическом обществе и не признают над собой его законов. Постепенно выясняется

несовместимость их общины с иерархично организованным и живущим по плану ближайшим городом. Педагог-отец тщетно пытается предотвратить силовую операцию против «флоры», созданной сыном.

Можно сказать, что эта фантастическая повесть посвящена печальной обреченности добровольных сегрегаций и их неуместности в большой истории нашей цивилизации. Эта обреченность выводится Стругацкими из того убеждения, что самосегрегации не имеют отношения к общему будущему, их «альтернативность» не есть ни лаборатория, ни полигон, ни остров для новых человеческих отношений, а всего лишь некое никуда не ведущее, бесплодное ответвление, которое неизбежно будет отсечено ради интересов основного «ствола». Важно, что в одной из линий повествования фантасты обращаются к гностическим образам и апокрифам, подчеркивая типологическую общность между нынешними обособляющимися субкультурами и древними ересями позднеантичных сект.

В своем более раннем (конец 1960-х) романе «Гадкие лебеди» братья Стругацкие были гораздо оптимистичнее в этом вопросе. В слегка завуалированном виде они повторяли идеи и разделяли надежды западных «новых левых», в частности Эриха Фромма. Человеческий вид генетически мутирует, с самыми передовыми интеллектуалами происходят необратимые изменения, и эти «прокаженные» обособляются в специальные «лепрозории», своеобразные монастыри сверхлюдей со сверхинтеллектом. Они находятся там добровольно (хотя и под надзором спецслужб и военных) и сводят свои контакты с внешним обществом к минимуму. Исключение «мутанты» делают только для детей, став для них абсолютными авторитетами — альтернативными педагогами и альтернативными родителями. В итоге дети бросают свои семьи и дружно переселяются в загадочный «лепрозорий», в котором готовится будущее, неизвестное обычным (устаревшим) людям. С этого исхода детей в городе начинается череда неких апокалипсических событий, в результате которых все взрослые в

ужасе покидают город, прежняя цивилизация полностью упраздняется и вместо нее должна возникнуть новая, основанная детьми, оставшимися без взрослых. Интересно, что сами мутанты, основавшие свою сегрегацию как полигон глобальной революции детей против отцов, в новом обществе отсутствуют. Они не были «гостями из будущего», им тоже в этом будущем места нет, и они его даже не ищут. Их роль — это именно роль моста, временного явления, организаторов великого скачка и великого отказа, драматичного перехода от одной цивилизации к другой.

Для Стругацких времен «Гадких лебедей» добровольные сегрегации, созданные альтернативными педагогами-интеллектуалами, — некие временные явления, внутри которых возникает исторически иное будущее, штабы мировой антикапиталистической и антиавторитарной революции поколений. Для Стругацких времен «Отягощенных злом» амбициозные самосегрегации неформалов не имеют к нашему общему будущему никакого отношения и остаются зияющим знаком вопроса, на который никому никогда не придется отвечать.

24.3/ Китеж

«Китеж» появился в начале 1990-х в Калужской области как коллектив совместно живущих и работающих педагогов-новаторов + родителей, пожелавших приехать туда и взять на воспитание приемных детей, + самих детей. В общем владении коллектива находятся дома (хотя каждая «семья», конечно, живет тут отдельно), церковь, общее поле, гаражи, лесопилка, общий учебный центр. Практические задачи «Китежа» — реабилитация (социализация) и подготовка к успешному существованию в большом обществе так называемых «трудных», детдомовских и т. п. детей и подростков. Важно дать им опыт семейного общения, который они могли бы использовать в будущем,

образование, профессию и вообще подготовить к «нормальной» жизни.

Возможно, успех и жизнеспособность «Китежа» связаны с тем, что в некотором смысле это «сегрегация наоборот»: совместно живущая группа людей, которые вовсе не собираются уходить от правил и сценариев «надоевшей» им и «репрессивной» цивилизации, но, напротив, усиленно готовят юных граждан к полноценной и творческой жизни внутри этой самой цивилизации. «Китеж» дает детям не бунтарский опыт «жизни не по правилам», но открывает им ценность и смысл самих этих правил, которые могут оказаться вовсе не такими чуждыми и неудобными, как может показаться на первый взгляд. Коллективные ролевые игры — одна из форм «переживания» культурного и исторического материала, способ «присвоения» себе истории общества, в котором предстоит жить. Внутри «Китежа», кроме общего пространства и времени, вполне сохраняется и частная жизнь. Если после некоторого пробного периода тебя принимают в «Китеже», ты можешь брать на воспитание «трудных» (оставшихся без родителей) подростков, и заниматься их (а они — твоим) обучением и формированием личности. Успехи достигнуты серьезные. Сегодня воспитанники «Китежа» часто учатся в лучших вузах страны. Экономический источник существования — гранды, пожертвования, материальная помощь друзей проекта.

Интересно, что у истоков «Китежа» стояли советские неофициальные педагоги-энтузиасты из так называемого «коммунарского движения». Начиная с конца 1960-х «коммунарские педагоги», относившиеся довольно критично к советской системе, но не к советской идеологии, ставили перед собой задачу «перезагрузить» социализм (изжить инерцию сталинизма), воспитав как можно больше детей в новом, неофициальном, творческом и ответственном духе. После краха советского социализма большинство педагогов-коммунаров эволюционировали в сторону православия и экологических идей.

Несмотря на то что «китежане» заняты «нормализацией» и «социализацией» подростков, для калужского проекта важно само понятие «Китежа» как образа возможности «иного общества», глубоко утопленного внутри нас, скрытого как нереализованный вариант и невидимый, упускаемый шанс внутри существующего общества.

Более радикальная и ортодоксальная «ветвь коммунарства», открывшая научные формулы счастья и справедливости, основала собственную аграрно-духовную общину под Харьковом, нынешние порядки в которой сильно напоминают революционную Кампучию Пол Пота в миниатюре. Все свободное пространство завешено мотивирующими лозунгами, полный контроль «теоретиков», достигших более высокой степени сознательности, над речью, распорядком дня, питанием и сексуальной жизнью простых «практиков», 15-часовой рабочий день и принудительное ведение «открытых» дневников, которые называются «внешняя совесть».

25/ Субкультура и подполье

Добровольно выбранная, а не «положенная по рождению» субкультура — это всегда возможность самосегрегации. От мысли «мы другие, не такие, как большинство» до мысли «почему бы нам не жить вместе, компактно, держа безопасную дистанцию со всеми остальными, не похожими на нас» — всего один шаг. Если вы создаете субкультуру, вы создаете возможность, почву и среду для вероятной добровольной сегрегации группы энтузиастов.

Это интересно проявилось в 1960-х в движении «чернокожих» за свои права. Изначально это движение разбудили и вдохновляли лидеры вроде Мартина Лютера Kinga, и пафос их был таков: мы хотим смешаться с белыми, учиться в их школах, ходить в их рестораны, ездить в их автобусах, разделить в полной мере их историю, иметь равный с ними доступ к современности и общее будущее. То есть весь смысл

был в том, чтобы покинуть территорию навязанной сегрегации и стать частью большого общества, полноправными гражданами американской нации. Но вскоре ситуация изменилась.

Уже Малькольм Х поставил под сомнение необходимость смешиваться с белым большинством и разделять его культуру. Ислам стал для него основой новой идентичности «людей без исторического прошлого», и эта идентичность заявлялась как гораздо более перспективная, конкурирующая с белой (христианской и буржуазной в своей основе) идентичностью «бывших рабовладельцев». «Черные пантеры», пришедшие на смену прежнему «движению за равноправие» времен Кинга, были в восторге от идеи «не смешиваться», подчеркивать свою «негритянскость», сделать ее модной и привлекательной, а гетто объявить самыми крутыми местами в США и всячески раскручивать этот образ «негритянской крутизны, не доступной белым мальчикам из колледжей». Прежние социальные отношения в новом мифе пережили инверсию, вывернулись наизнанку: да, ваши предки виновны в том, что загнали наших предков в гетто, но уже ничего не изменишь, и мы не хотим из гетто выходить, наоборот, вы будете ходить сюда, чтобы завидовать и подражать нам. Основой конкурирующей идентичности «пантер» стал партизанский коммунизм третьего мира и идеи председателя Мао. Одно время они даже разрабатывали свою версию «американского языка», альтернативную «языку белых медиа», многие слова там употреблялись и писались иначе с учетом непримиримого антагонизма между «белым буржуазным большинством» и «черным пролетариатом». Этот черный языковой футуризм и другие эксперименты интересно смотрелись в их газетах, оформленных очень крутым по тем временам художником и дизайнером Эмори Дугласом, хорошо знавшим не только, что такое жизнь в гетто, но и что такое дадаистский коллаж или поп-арт.

Теперь, если белый студент левых взглядов приходил на их собрания и спрашивал: «Чем мы можем помочь вашему

движению?»), ему отвечали: «Пойди домой, возьми пистолет отца и вышиби мозги своей семье, а потом и самому себе!», а битнические поэты, следуя за Лероем Джонсом, переходили в ислам, брали себе новые имена и объявляли себя «белыми неграми». Эта идея — быть примером для белых, считать себя круче и выше, имела успех: сначала в моду вошли прически «афро» в духе группы «Бони М», явно копировавшей внешний имидж «пантер», потом стал популярен рэп, как политический в духе «Паблик энеми», так и «гангстерский». А еще позже возник и «белый рэп», то есть культура, в которой белые заискивающе подражали черным. «Мы не такие, как вы, и мы не хотим быть такими, как вы, наоборот, вы захотите походить на нас» — это сработало. Вынужденная сегрегация выглядела теперь как добровольная. Гетто объявлялось «местом для крутых».

Интеллектуальную ответственность за этот успешный проект отчасти несут Жан-Поль Сартр и его ученик Франц Фанон. Именно они разработали и распространили в тогдашней гуманитарной среде концепцию «негритюда», цель которой превратить все минусы сегрегации в плюсы, сделать слабость силой и в конечном счете превратить вынужденность и позорность сегрегации в нечто добровольное, привлекательное, более прогрессивное для окружающих. «У наследников рабов нет национальной памяти, на которую они могли бы сослаться?» — спрашивал Сартр, — великолепно, это значит, что они свободны от инерции прошлого и могут сконструировать свою новую современную «негритянскость», как и из чего захотят. Их не разделят этнические барьеры, они все «чернокожие без прошлого». Их обвиняют в дикости и варварстве? Они превратят это в экзистенциальный героизм ближайшей революции! Им недостает культуры? Они создадут новую, так и не узнав старой, неисправимой.

Похожими на американских «черных пантер» хотели быть и европейские «городские партизаны» из ультралевых групп 1970-х годов. Это другой пример перехода субкультуры (в данном случае внепарламентских левых) в самосегрегацию

вооруженного подполья. Трагический и рискованный вариант добровольной сегрегации: все живут на конспиративных квартирах, которые, правда, приходится регулярно менять, связи с обществом сведены к минимуму и являются тотальной маскировочной ложью, «легендой». Фактически подполье существует за счет «среды поддерживающих», кто бы они ни были, от заигрывающей с революцией богемы и ненавидящих капитализм миллионеров вроде Фельтринелли до агентов иностранных разведок.

Первый опыт по-настоящему совместного и по-настоящему отдельного «группового бытия» члены немецкой RAF пережили в ливанских горах у палестинских беженцев, где, напялив камуфляж, береты и палестинские платки, покрасив черным, «под арабов», волосы и брови, немецкие боевики месяцами тренировались в стрельбе из всех видов оружия. Жили коммуной в одном доме. Из личных вещей только одежда в тумбочке и автомат — у каждого над кроватью. Потом палестинцы мягко попросили немецких друзей вернуться домой: во-первых, не умеют экономить патроны, во-вторых, «развращают наших детей»: RAF устроили на крыше нудистский пляж, а в лагере тренировалось немало местных подростков, будущих «живых бомб». Им такое зрелище не полагалось.

Психологи много занимались «образующим RAF типажом»: склонные к пижонству мальчишки, воспитанные без отцов, и начитанные девочки с глубоким комплексом несостоявшихся монахинь и миссионерок идеально дополняли друг друга в нелегальной группе, для которой любимым способом общения с «большим обществом» стало насилие. «В генетической войне нет нейтральных», — любили они цитировать Тима Лири, воспринимая себя, пусть и метафорически, как популяцию нового вида, идущего на смену «рыночным питекантропам». Все, кто боялся и соблюдал закон, были для людей нового вида всего лишь устройствами, биологическими приставками к финансовым потокам, падающим по ступеням властных иерархий, двуногими машинами воспроизводства рыночных отношений. «Другие

правила дорожного движения» — озаглавил свой текст адвокат Хорст Малер, ставший одним из харизматиков подполья. Другим и «новым» людям требовались другие и новые правила. Малер вообще любил «машинные» метафоры. В снятой им конспиративной квартире у окон и дверей весь день работали магнитофоны, выдававшие на лестницу и на улицу стук пишущих машинок. Изображался офис. Собирались зажигательные бомбы. Они взяли себе новые имена. Политическая журналистка Ульрика Майнхоф находила эти имена в «Моби Дике», очень важном для идентичности всей группы романе. Эти имена были для внутреннего общения, кроме них были фальшивые документы с ложными именами для общения с внешним миром. Были ведь и третьи имена, совсем забытые, которыми их когда-то назвали родители. Один из тогдашних партизан вспоминает:

«Ты становишься городским партизаном, перекрасив волосы, живешь в незнакомой квартире под чужой фамилией, изучаешь план операции, готовишь себе и другим еду. На водосточной трубе, на почте, в банке — твое фото, тебя разыскивают, ты угроза для Системы. Вместе со своей подружкой ты следишь по ночам за полицейскими машинами с антеннами, в свою очередь выслеживающими тебя. Иногда появляется Ульрика, ее не узнать из-за пепельного парика, платка, темных очков и джинсов в обтяжку. “Обожаю зиму, — говорит она, — рано темнеет, и даже днем ты почти неузнаваем”».

Главным противоречием RAF, «Красных бригад» и подобных им групп было то, что, все более замыкаясь, удаляясь от общества, самосегрегируясь в своей конспиративной субкультуре, они продолжали твердить об «интересах трудящихся», называть себя «вооруженным представительством народа» и вообще верить, что они политический авангард некоего большого массового движения, которое вот-вот — и опрокинет капитализм по всему миру.

Впрочем, известны и другие, не столь рискованные и драматические, случаи переходов аналогичных субкультур в добровольные сегрегации.

26/ Контркультурные коммуны городов

26.1/ Фриц Тойфель и "Коммуна-1"

Богемно-политические коммуны, возникавшие по всей Европе с конца 1960-х, были очень недолговременны. Как долговременные они, впрочем, никем и не планировались. Зато они были очень интенсивны как уникальный опыт других отношений и экспериментов по реализации репрессированных семьей и обществом сторон личности. Многим небезынтесным людям они обеспечили полезные «стартовые впечатления» и вообще задали дальнейшую траекторию жизни немалому числу «мечтателей шестидесятых». Идеология этих коммун чем-то напоминала позднейшую теорию «фанки-бизнеса», согласно которой нет никакой нужды создавать многолетние компании с большим штатом сотрудников, это гарантирует массу лишних проблем и расходов, достаточно организовывать небольшие творческие группы для решения конкретных задач, их легко упразднить и в новом виде собирать опять под новую задачу. У «новых левых» были те же идеи: добровольная сегрегация в конкретной форме сохраняется столько, сколько нужно участникам, из нее всегда можно выйти, чтобы вернуться в большое общество, перейти в другую общину или создать свою собственную.

Фриц Тойфель отрепетированно блевал на стол следователя во время допроса и слушал потом свой приговор в суде, встав на голову, иначе ему не было понятно обвинение. В общей сложности он провел 8 лет в тюрьме. Почти все в своей тогдашней жизни Тойфель успевал сделать «одним из первых». Он и его товарищи по коммуне, сводя с ума полицию, брали ответственность за случайные пожары в супермаркетах и

рассылали по редакциям кудряво написанные предупреждения о несуществующих бомбах. Готовились забрасывать пакетами с бисквитом вице-президента США и других империалистических политиков и вообще быстро заслужили титул «главных шутов внепарламентской оппозиции» в Германии. Чем запомнилась «Коммуна-1», возникшая первоначально на Штуттгарте-плац? Тортометание + разбрасывание провокационных листовок из гроба (гроб с Тойфелем внутри вносили в какое-нибудь приличное и не слишком охраняемое собрание) + групповой секс во время служб в церквях. Крайне авангардная политическая клоунада, самовыражение и экстравагантность за пределами допустимого и «совместимого» с буржуазной нормой. Такое поведение транслировалось вовне, когда коммунары совершали свои вылазки «в общество», на чуждую им «территорию системы». «Акции свяжут нас крепче», — говорил Тойфель. В среде левых и сейчас принято спорить, кем считать этих «активистов нерасчленного бытия»: политическими художниками? Художественными политиками? Революционным театром? Они стали для западных левых чем-то вроде «кружка» (бытового общежития) Чайковского для русских народников и эсеров. «Коммуна-1» и ее аналоги — уже давно легенда, школа и уникальный опыт, обсуждать и вспоминать который есть правило хорошего тона для многих интеллектуалов и художников, включая тех, кто никогда там не был или вообще родился намного позже.

Кроме Тойфеля «Коммуну-1» организовали Райнер Лонгханс и Дитер Кунцельман. Внутри коммуны было несколько больше предсказуемости и порядка, чем транслировалось вовне: дискуссии, политические доклады, круговая критика, игры в свободные ассоциации или в вопросы, на которые нельзя не отвечать, насколько бы «интимными» они не были, и, конечно же, групповой секс, который так притягивал и интриговал прессу. На первый план выходило взаимное воспитание на пути отказа от эгоизма, туалеты без дверей, все всегда в общем пространстве на виду у всех, доступ всех ко всем и всему во всех смыслах.

Степень и формы «максимального обобществления» вызывали частые споры, особенно со стороны девушек.

Изначальное ядро коммуны — десяток немецких левых интеллектуалов плюс столько же менее известных девушек — «группиз». Тогда у крайне левых теоретиков были свои «группиз», как у рок-музыкантов, но поменьше числом. Приветствовалась и буквализация слова «коммунио» как «общего тела» или фантастической мечты о преодолении частных границ своей телесной приватности. Одной из целей группы было «максимальное обобществление»: все владеют всем и ко всему имеют доступ, в некотором смысле владеют друг другом. На территории коммуны каждый обладает остальными. Велись неомарксистские дискуссии на темы: с чего ты взял, что твое тело — «твое»? Кто такой «ты» и кем/ когда «ты» сформирован? Что такое «твое»? Иллюзия, согласно которой тело «твое» и ты можешь им распоряжаться, объявлялась некритичным переносом на себя частнособственнических представлений, на которые опираются капиталистические отношения. В «Коммуне-1» хорошо знали авторов, которые позволяют камня на камне не оставить от той индивидуалистической «субъектности», на которой держится так называемый «человек» с его «правами», собственностью и притязаниями. Эта иллюзия, во-первых, отрицалась школой Маркса: «человек» продиктован классовым положением и ролью в развитии производственных отношений. Во-вторых, она отрицалась психоаналитической школой: «человека» ведет бессознательное, и он, как правило, не знает и не хочет знать правды о себе, своем происхождении, внутреннем устройстве и своих мотивах. В-третьих, эта «главная иллюзия капитализма» отрицалась структурной лингвистикой: «человек» лишь реализует те комбинаторные возможности, которые изначально заданы в системе языка. В-четвертых, иллюзия «цельной человеческой личности» отрицалась феминистской школой: «человек» задан как биологическими склонностями, так и с детства навязываемой «гендерной ролью» в сценарии поведения, рекомендуемого семьей, школой, прессой и боссом.

На фоне всей этой критики (точнее, самокритики) «отдельного человека» отказ в сексе товарищу по коммуне осуждался и переставал быть «личным делом». Девушки или юноши из «недотрог» быстро становились нежелательными, уходили сами или изгонялись общим голосованием. Однако число молодых людей обоего пола, желавших пожить в коммуне, всегда было намного больше тех, кто покидал ее. Для многих это был интересный эксперимент — взрывная смесь крайнего анархизма с крайним тоталитаризмом: хэппининги, нападения на полицейских, групповая психотерапия, документальный театр, медитация, «круговое обучение» и полное обладание друг другом.

Сначала «Коммуна-1» размещалась по пустующим квартирам знакомых. Одно время они жили у Гюнтера Грасса, например, потом перебрались на заброшенную фабрику. Фактически левая немецкая интеллигенция кормила этот передвижной цирк, делегировав ему самые экстравагантные и скандальные формы протеста и сопротивления. Другим источником средств была «разводка буржуазной прессы». Активисты «Коммуны-1» любили сдавать за деньги желтой прессе эксклюзивный материал и интервью о новых своих акциях, оргиях и вообще бесчинствах и безумствах. Чаще всего сведения эти были выдуманые или весьма преувеличенные, но зато полученные журналистами «из первых рук». Коммуне довольно легко удавалось манипулировать своим медиапортретом, извлекая сразу финансовую и символическую выгоду. Они не стеснялись давать платные интервью, с удовольствием вкладывали в общий бюджет гонорары некоторых богемных звезд, для которых было ни с чем не сравнимым приключением пожить пару-тройку дней в условиях «абсолютного коммунизма», когда тебя принимает и включает в себя большая семья — она же арт-сообщество, она же политическая активистская группа и еще что-то, не имеющее названия в обыденном языке. Даже если ты провел там всего

несколько дней, это, как правило, отбрасывало отблеск на всю жизнь.

Более серьезные левые из троцкистских и маоистских кружков критиковали «общину Тойфеля» как «непроизводящую». «Мы производим революцию», — бесхитростно отвечал Тойфель, когда его спрашивали, какая от коммуны польза остальному человечеству.

«Коммуна-1» продержалась полтора года. Столько же обычно существовали и ее ближайшие аналоги, организованные энтузиастами, соблазненными первоначальным примером. В Западной Германии это была «Коммуна Виланда» и «Коммуна-2», в которой было больше психоанализа и политики, нежели секса и молодежной контркультуры. Тогда подобные «острова социального инобытия» появлялись по всей Западной Европе, и многие из них стали инкубаторами «городских партизан» (RAF и других левацких групп вооруженного подполья). Это называлось «перейти на следующий уровень свободы и борьбы». Стандартный сценарий: молодой человек уходит из семьи в коммуны (обычно при этом остается в прошлом учеба и работа), там переживает опыт «свободной от капитализма» жизни и антиавторитарного творчества, из коммунаров переходит в состояние «герильерос», то есть нелегального боевика, объявившего войну Системе и мечтающего превратить весь мир в подобие своей коммуны. Впрочем, после опыта коммуны можно было, конечно, стать и художником, актером, политическим журналистом или экологическим активистом, но такие сценарии всё чаще воспринимались в самих коммунах как «половинчатые». Это длилось вплоть до разгрома вооруженного подполья европейских левых на рубеже 1970–1980-х.

Тойфель не унимался и после смерти. Торжественно похороненная урна с его прахом была выкопана ночью и переехала совсем на другое кладбище, а точнее на могилу к другому лидеру крайне левых — Руди Дучке.

Годар в «Китайке» показал более мягкий французский вариант — парижскую коммуны маоистов в 1967 году, но и там

мы видим нечто очень похожее: театральные экспромты в духе Брехта, террор (покушение на советского писателя Шолохова), философские споры о Сартре и «Анти-Дюринге», самоубийство впавшего в отчаяние активиста и неклассические лекции по истории кино.

26.2/ Мазафакерс

С середины 1960-х сначала в Хэйт-Эшбери, а потом и по всем США появилось множество нестабильных микрокоммун хиппи, основными источниками существования которых была продажа психоделических газет и наркотиков на улице, бисероплетение для ближайших сувенирных магазинов и постоянный уличный «джэм». Однако и у них был свой радикальный, крайний вариант — вооруженные хиппи, верившие в «вооруженную любовь» и называвшие себя «уличная банда интеллектуалов». Как это ни парадоксально звучит, но про хиппи говорили, что у них появилась своя «маленькая армия», призванная охранять пацифистский психоделический эдем.

«Вы думаете, мы хотим чего-то кем-то когда-то утраченного? Нет! Мы возьмем себе то, чего у нас никогда не было. И чего не было, скорее всего, еще ни у кого», — заявляли «мазафакеры» в одном из своих воззваний.

Они придерживались радикальной версии «теории малых групп», которая утверждает, что будущее (гражданское) общество будет разделено на тысячи небольших коллективов по интересам. Каждый из нас включится сразу в несколько таких групп, и эта полная демократия фактически заменит нынешнюю государственную власть и расходы на нее. Согласно этой теории, число и активность малых групп — главный показатель развития любого общества.

В устах «мазафакерс» это звучало короче и круче: «Новые племена изменяют всё!» Окончательно они прославились, устроив массовую драку на концерте левацкой группы MC5 и сделав этот концерт бесплатным. Их бесила сама идея продажи билетов на

революционные мероприятия. Они поддерживали негритянские бунты и срывали суды над лидерами «черных пантер», появляясь будто из-под земли в черных масках. Несколько раз они превращали студенческие и учительские забастовки в настоящие боевые столкновения с полицией, чем вызывали гнев и обвинения в провокаторстве со стороны более умеренных и конструктивных лидеров профсоюзных протестов. Впрочем, слово «провокатор» они считали главным комплиментом в свой адрес: «Восстание есть мера всех вещей!» Однажды они даже переименовали Wall Street в War Street, сменив уличные вывески. Кроме прочего, поддержали выстрел в Энди Уорхолла шизофеминистки Валери Соланс, одно время близкой к ним. «Когда все мужчины будут уничтожены, вы будете уничтожены последними», — обещала «мазафакерам» основательница «Общества по избавлению от мужчин». Собственно, у них она и раздобыла пистолет, чтобы стрелять в основоположника поп-арта.

В хиппистском районе Сан-Франциско Хэйт-Эшбери их знали как группу, которая добивалась (часто успешно) перехода «магазинов для хиппи» (на самом деле для любопытных туристов) в коллективную собственность всех «волосатых», которые пожелают в нее вложиться. Выглядели «мазафакерс» тоже как хиппи, ну, может быть, не столь расслабленно, и считали себя «новым племенем». Часть из них даже называли себя «новыми индейцами», вернувшись в жизнь белых как неотомщенные призраки американской колонизации. Жили большой семьей, полусознательно подражая уже объявленной тогда вне закона «семье Чарли Мэнсона». Это подражание доходило до смешного: их харизматический лидер Бен Мореа был таким же шуплым, низкорослым, бородатым, волосатым, непредсказуемым и задиристым, как Мэнсон. Очевидно, что Мореа и его «отряд» в какой-то момент решили стать «семьей Мэнсона для левых» или «семьей Мэнсона без паранойи». Ядро «мазафакерс» состояло из 15 человек. Они совместно жили в Хэйт-Эшбери, продавали любопытным туристам

психоделические газеты и «расширители сознания», не брезговали воровством у «цивилов», попрошайничеством, музицировали на улицах и проповедовали молодежную революцию. Если становилось совсем туго, «отоваривались» в дружественном «Бесплатном магазине», устроенном хиппи. Магазин был действительно бесплатным. Каждый вечер со всего Сан-Франциско сюда свозили залежавшуюся на рынках еду, списанную из «нормальных» магазинов одежду, в общем, всё, что при капитализме дешевле выбросить или раздать, чем хранить на складе. Туда же работники «магазина» приносили всё, что им удалось выпросить или украсть у торговцев, весь день странствуя по городу и проповедуя «мир и любовь». Надо ли говорить, что никаких денег сотрудники «бесплатного магазина» за труд не получали, пользуясь своими бесплатными товарами на равных правах с остальными жителями Хэйт.

И все же главным своим занятием «мазафакерс» называли городскую партизанскую войну — массовые (и не очень) беспорядки. По мнению большой прессы, они исповедовали «иждивенческий и экстремистский хиппи-коммунизм». Стратегическая цель — создание сети аналогичных «новых племен», «разветвленной грибницы коммун», на территории которых была бы «выключена власть США». Для этого требовалась максимальная политизация хиппи по всей стране.

Конечно, внутри коммуны «мазафакеров» декларировалось полное анархистское самоуправление. Но на деле была очень высока роль и авторитет их «безбашенного» лидера Бена Мореа, к которому вся группа относилась с явным обожанием. Интересно, что вторым лидером группы, тенью и правой рукой Мореа был Ошо Нойман — приемный сын и воспитанник популярнейшего тогда социального философа фрейдомарксиста Герберта Маркузе, тоже верившего в молодежную революцию и «новые сообщества добровольных аутсайдеров». По всей Америке и всему миру возникали коммуны как базы артистического экстремизма, и многим это представлялось планетарной мутацией человечества.

Кончилась история «мазафакерс» тем, что их лидеры и несколько самых верных приверженцев переселились в лес — опять же подражая «семье Мэнсона» (тот, правда, жил в пустыне), подальше от городов, чтобы стать там настоящими партизанами и «новыми индейцами». Около двух лет они жили на заброшенной ферме нелегальной охотой и натуральным хозяйством. Тут-то и проявилась вся неспособность городских богемных бунтарей к регулярному физическому труду. Последней каплей для их полуголодной и порядком одичавшей общины стала гангрена одного из участников и отсутствие нормальной медицинской помощи. Мазафакеры поняли, насколько они всё же «городские индейцы», и вернулись к цивилизации. Некоторые из них, впрочем, позже примкнули к гораздо более мирному, рациональному и аграрному колхозу хиппи «Hog Farm».

27/ Нью-Эйдж

Ожидание будущего в духе нью-эйдж отдаленно напоминает восприятие истории апокалипсическими общинами, но совсем без драматизма: вместо апокалипсиса ожидается скорее радикальное преобразование материи и сознания — астрологическая эра Водолея, которая сменит эру Рыб и до неузнаваемости изменит человека и его жизнь, а заодно и всю природу. Религиозная доминация одной конфессии останется в прошлом, иерархические институты будут отныне не нужны. Место духовной иерархии жрецов и священников займет сеть равноправных групп энтузиастов-визионеров, все люди станут равноправными чародеями, и даже в мире животных и растений, вместо прежней дарвинистской «борьбы за существование», расцветет сад взаимопользных цветов, зверей и насекомых, и воцарится бесконечный и благородный симбиоз.

План, конечно, ненаучный, но чисто по-человечески понятный: «тебя там встретит огнегривый лев...», «и возляжет лев возле ягненка...» и все такое. Начать активисты нью-эйджа

предлагают с добровольного сокращения потребления и развития своих духовных способностей с помощью медитаций в приятных местах и трансовых вечеринок на пляжах Гоа. Чисто исторически движение нью-эйдж — продолжение мистической ветви хиппи и «психонавтов» 1970-х годов.

В чем общий пафос проповедей нью-эйдж? Какое противоречие предлагается решить?

Человек идет к самообожествлению двумя путями. Можно делать это с помощью технического прогресса, гиперэксплуатации природы и друг друга, сделать мир сверхизобильным, но гонка все равно продолжится, всегда найдется, кому и чему завидовать. В конце концов, сама эта гонка и стимулирует технический прогресс и трагически искажает наше общение как с материальным, так и с духовным космосом. Такой путь представляется энтузиастам нью-эйдж устаревшим и истощенным. Предлагается отказаться от большинства современных потребностей как от ложных приманок эгоизма ради совсем других экспериментов в области человеческих отношений: воспитания детей, исследования своего внутреннего космоса и контакта с духами, стихиями и энергиями бесконечной вселенной.

В будущем — «под знаком Водолея» — вырисовывается буддистский идеал, в котором все люди уже стали бодхисатвами, то есть могут достичь нирваны, но добровольно откладывают это, пока живая и «неживая» природа еще недостаточно просветлены и не превратились в «мудрый свет невесомого и всемогущего сознания Будды».

Базовая для нью-эйдж идея бодхисатв, или в чуть более светской и не столь восточной версии, «великих посвященных», — что это, как ни мечта об обществе равновластных людей, которым нечего делить и которые упоенно и мудро преображают действительность, заняв в ней место богов? Такие люди опознают друг друга по одним им известным паролям, словам и знакам, они подлинная духовная элита этого мира, но элита, которая поднимает всех желающих до своего

уровня. Для захватывающей и сказочной литературы нью-эйдж чрезвычайно важен образ добровольной сегрегации мудрецов и посвященных, своеобразной Шамбалы, не имеющей конкретного адреса, скрытой до поры самосегрегации, которая и будет моделью будущего преображенного человечества. Желая походить на посвященных бодхисатв, энтузиасты нью-эйдж создают не только субкультурные группы, но и самые настоящие общины, живущие по своим правилам.

Вот несколько самых известных и часто посещаемых «духовными туристами» поселения сегодняшней Европы.

Финдхорн в Шотландии. Эта община началась в 1960-х. Ее основала девушка-медиум, получавшая советы от духов природы, душ растений и беззвучных голосов минеральных кристаллов. Растения, с которыми основательница беседовала подолгу, отвечали ей, какую музыку они предпочитают, с кем желательно быть в соседстве, какое поведение людей им больше нравится и т. п. Муж основательницы все это тщательно записывал и истолковывал. Таким образом, они составляли пару (он — мужчина-проповедник и она — женщина-медиум), аналогичную древнему сценарию «Симон Маг и Елена». Все это общение с духами не вышло бы, наверное, за рамки очень узкой группы прихиппованной богемы, если бы действительно не баснословные урожаи и экзотические цветы, буйно разросшиеся на первом в Финдхорне огороде. Однако после смерти основательницы основной доход выросшая община (более ста человек) получает все же не с огородов, а от всевозможных нью-эйдж-семинаров, которые здесь круглогодично проводятся для гостей: медитация, юнгианские архетипы, холотропное дыхание по Грофу, лечение кристаллами и общение с ними, синтез древних магических практик, толкование эзотерических символов и т. п. Жизнь обычного общинника в Финдхорне — это работа в поле, медитация, ролевые игры на исторические и мифологические сюжеты, концерты на старинных инструментах и общение с гостями, ищущими здесь просветления. Настоящим сакральным объектом общей памяти, особым местом и почти что

святыней является первоначальный вагончик, в котором жила основательница общины: побывать в нем считается большой удачей.

Немецкий Цег (Zegg) рядом с Бельцигом. Этот поселок неформалов всех мастей, живущих в расписных, надувных, разборных и экспериментально сконструированных самими общинниками домиках, известен больше как летний лагерь, в который съезжаются до двухсот гостей. Зимой остается микрогруппа — постоянное ядро, не более полусотни человек, которые планируют будущую летнюю работу. Состав весьма разношерстный: от крайне политизированных анархоэкологов, налаживающих тут свой микросоциализм и проводящих семинары по глобальному потеплению, до рейверов, йогов и шаманов-примитивистов, пытающихся реализовать полный отказ от достижений «репрессивной» индустриальной цивилизации, и мистических феминисток, уверенных, что в более духовном будущем женщины займут ведущую роль «контактерок со стихиями», и др.

«Белый лотос» — большой буддистский кооператив в Австрии. Помимо буддистского самосовершенствования, все жители занимаются выращиванием клубники на продажу и собирают в своей мастерской уникальную фототехнику, обучиться премудростям производства которой можно только здесь, внутри этого кооператива. Как и во всех вышеназванных общинах нью-эйдж, личная собственность и пространство не запрещены, хотя все по-настоящему «важное для воспроизводства общины» находится в собственности коллектива. Однако если у кого-то в «Лотосе» накапливается вызывающе много собственности и вообще атрибутов потребления, собрание может настоятельно рекомендовать ему оставить весь этот мешающий балласт «за пределами общины» и не смущать своих буддистских товарищей-аскетов.

Даманур под Турином — это целый веер небольших коммун разных мировоззренческих оттенков и степени

радикальности. Коммуны никак не подчинены друг другу, хотя и координируют свою деятельность, чтобы не мешать соседям.

В целом в Дамануре живет более пятисот человек, существует своя, параллельная «системной» экономика и даже введены собственные «внутренние деньги» для удобства взаимных расчетов между разными общинами. Изначально проект задумывался как некая «выставка достижений» всех возможных форм социального инобытия, где каждый найдет себе подходящий вариант альтернативной жизни и добровольной сегрегации.

28/ Ауровиль

Одна из самых известных в мире попыток большой добровольной сегрегации была осуществлена в Индии, недалеко от Мадраса и Пандичери, в 1968 году. Ауровиль задумывался последователями поэта, интеллектуала, духовного учителя и утописта Шри Ауробиндо как мост между культурой ведической традиции (индуизм и буддизм) и западной европейской эзотерикой, но со временем превратился в центр международного «духовного туризма». По своей структуре проект создавался как антиавторитарный социализм и прообраз будущего, преобразованного «духовной революцией», человечества «господ без рабов». Харизматиком и главным организатором была «духовная наследница» Ауробиндо Мирра Альфанса, которую иногда (доброжелатели) сравнивают с основательницей общины Фридрихсдорф или (недоброжелатели) с гораздо более властной женщиной-матриархом из фильма «Пляж». Так или иначе все в Ауровиле почтительно называли Мирру «матерью», советовались с ней по любым практическим и духовным вопросам, и авторитет ее был абсолютен. На момент официального создания Ауровиля она уже не первый год руководила первоначальным ашрамом, своеобразным «монастырем йогинов», в котором и был разработан проект Ауровиля как «возможная утопия».

Ауровиль начался с озеленения пустынной местности под сады и огороды, организации бесплатной больницы для местных жителей-тамилы, совместного строительства жилья, лодок и устройства всевозможных мастерских. Общим настроением этого периода: «если ты умеешь делать что-то, нужное людям, возьми себе нескольких учеников и открой мастерскую, а если пока не умеешь — стань учеником». Согласно первоначальному плану «трансцендентального социализма», все, произведенное в мастерских и садах, принадлежит Ауровиллю как общности. Денежные отношения внутри каждой общины сводились к минимуму, однако отменить их полностью не удалось, хотя бы потому, что изначально слишком много людей было занято в разных мастерских, а значит, сохранялась необходимость эквивалентного обмена и взаимных расчетов между ними. Пяти часов обязательного труда вполне хватало для скромного благосостояния тогдашних ауровильцев. Остальное время они тратили на творчество, праздники, духовные практики и собрания. Поощрялись переходы из одной мастерской в другую, тем более что все мастерские и их продукция принадлежали на начальном этапе Ауровиллю как целому, а не отдельным коллективам. Получилась агломерация нескольких живущих рядом общин-мастерских, члены которых пытались мыслить интересами Ауровиля, а не только своей узкой группы. В таком крупном поселении с населением около тысячи человек и при столь большом и разнообразном хозяйстве анархистский консенсус был, конечно, невозможен, и формой принятия важных решений в Ауровиле стала прямая, а иногда и представительная, демократия, то есть признавалось некоторое ограничение меньшинства в интересах большинства. Особенно много споров это «ограничение» вызывало, когда приходилось перераспределять доходы от более прибыльных мастерских и групп к менее успешным, чтобы избежать явного неравенства уровня жизни. Ауровилем руководил, составлял общий план работ и распределял доходы «по справедливости», а не «по эффективности» единый выборный орган. Конкретными

направлениями работы: медицина, обучение, питание, продажа товаров вовне, прием новых членов — занимались отдельные выборные комитеты. Очень важно было, принимая новых людей, давать время на притирку, чтобы их удерживала в Ауровиле не просто любовь к Востоку и общению с неординарными личностями, но и высокая степень сознательности, позволяющая мыслить интересами всего проекта, а не только личными или узкой группы близких знакомых. Одной из первых проблем стало желание некоторых из основателей и ветеранов Ауровиля, уставших от восточной экзотики и жизни в третьем мире, уехать в 1970-х годах, получив свою, первоначально вложенную кооператорами в проект долю капитала. Не всегда просто складывались и отношения с местными тамилами. Тамилы отказывались смотреть на ауровильцев как на равных и предпочитали привычно служить им, как белым господам-сахибам, то есть все тем же колонизаторам. Если все же удавалось убедить кого-то в том, что эти белые не господа, а равные им, тамилы часто переставали уважать поселенцев и начинали откровенно паразитировать на их общине, приворовывать и пользоваться всем, не давая ничего взамен.

После смерти основательницы Ауровиля и прихода второй волны энтузиастов в середине 1970-х годов началась предсказуемая «нормализация». Потеря харизматика и особенно накопление недостатка подтвердили марксистскую теорию о том, что частная собственность неизбежно развивается там, где есть, что делить, а общий доход становится существенно выше минимума, необходимого для аскетичной и духовной жизни мечтателей-бессребреников. Как и в случае со многими израильскими кибуцами, нанимающими приезжих на работу, Ауровиль во многом стал существовать за счет грубой работы аборигенов-тамиллов, которым нужно было продавать кому-то свой дешевый труд. Самые успешные мастерские решили оставлять основную часть прибыли у себя, сохранив лишь небольшой общий фонд для взаимовыручки. Сейчас Ауровиль — это прежде всего центр нью-эйджового туризма, состоящий из

нескольких автономных фирм с чуть более высоким уровнем кооперации, чем в обычной рыночной корпорации, владеющей курортом и организующей экзотический туризм. Заплатив, тут можно пожить во вполне комфортных, хоть и не роскошных условиях, медитировать под руководством наставника, пройти несколько психотренингов, сходить на пару лекций по восточной философии и психотехнике и поработать немного на общем экологически безупречном огороде, а также попробовать себя в роли резчика по камню, танцора индийских танцев или ткача. Чтобы стать полноправным гражданином Ауровиля и остаться здесь надолго, потребуется внести серьезный денежный пай. При всем этом, по мнению большинства людей, побывавших там, Ауровиль остается одним из самых приятных и интересных мест на земле.

Можно сказать, что этот проект менялся, по мере того как гасла в людях очень популярная в 1960-х надежда на скорую «трансцендентальную революцию» и повсеместное изменение человечества с помощью появляющихся везде общин, сочетавших добровольный социализм с духовным и мистическим поиском. Ауровиль не стал столицей этого нового человечества или лабораторией процесса обособления людей от капитализма, авторитарной власти и слишком рациональной культуры, потому что сам процесс истории пошел совсем в другую сторону. «Мятежные 1960-е» оказались переагрузкой, а не концом капитализма, они открыли новые рынки и новые способы извлечения прибыли из человеческих эмоций и надежд. «Мировая революция миллионов равноправных общин» постепенно забывалась, уступив место «духовному туризму» как отдыху от слишком требовательной и потребительской жизни мегаполисов.

Часть четвертая
НАСТОЯЩЕЕ

29/ Уточненное определение

Многим там скучно. Для таких существует обычная жизнь: большие или малые города или традиционные деревни. Мы пишем здесь о людях, которых не нужно централизованно и ежедневно развлекать, чтобы они, не дай бог, не стали опасны для себя и окружающих.

Если считать монастыри всех традиционных конфессий, а не только экспериментальные сообщества, в настоящий момент на нашей планете в добровольных сегрегациях живут вряд ли больше двух миллионов человек (цифры очень разнятся). Если же всевозможные устойчивые доиндустриальные секты, амиши и мормоны, буддистские и христианские монастыри не в счет, считаем только светские проекты нового времени, тогда цифра будет не больше 200–300 тысяч. В любом случае, учитывая «сменяемость населения», жизнь в той или иной самосегрегации стала важным временным опытом для миллионов современных людей по всему миру.

Чтобы лучше понять явление, следует рассмотреть его в развитии, уточнить и расширить само определение. Добровольная сегрегация — это не только уже готовое место, но и сам процесс обособления группы людей от общества. О многих коллективах можно сказать, что с ними сейчас «происходит добровольная сегрегация», то есть они стремятся к обособлению, не ищут статуса и успеха по правилам, принятым в большом обществе, и при благоприятных условиях могли и желали бы обособиться окончательно по одному из названных выше сценариев. Обычно этих людей объединяет некая общая деятельность и близость мировоззрения, общность целей, альтернативных общепринятым. Очень часто незаконченная добровольная сегрегация выглядит как общая работа над неким коллективным проектом, плотное общение, выработка собственного — альтернативного — языка и собственной — альтернативной — истории. В такой оптике совместное проживание становится финальным и окончательным условием

оформления «добровольной сегрегации», но сам ее процесс начинается намного раньше, как групповой эксперимент по созданию другой экономики, другой морали, другой культуры и другого языка.

30/ Нидеркауфунген

Когда хотят продемонстрировать жизнеспособность и долговременность анархистской добровольной сегрегации, обычно называют Нидеркауфунген, существующий с 1986 года под Касселем. Там живет от 60 до 100 человек, и никогда не жило больше. От основателей-ветеранов в общине сейчас осталась треть. Это довольно радикальная либертарная община, радикализм которой состоит прежде всего в строгом следовании принципам самоуправления. Любой член коммуны может наложить вето на общее решение, пока его не переубедят. Все решения принимаются еженедельным общим собранием, то есть это настоящий анархизм, а не демократия с подавлением меньшинства. Никаких выборных органов власти нет. Такой «непрактичный» режим подчеркивает уважение к каждому коммунару и его ценность для общей жизни, ведь целью общины является свободная реализация каждого человека, а все остальное — средство. Никакого запрета на традиционную семью, конечно, нет, но объективно так сложилось, что большинство коммунаров живут «открытыми группами» человек по пять-шесть. Дети сами могут выбирать себе «родителей» с того момента, как научились говорить. Если кому-то нужны деньги или вещи, каждый получает их по потребностям, а не по труду из общего фонда. Если верить коммунарам, у них не возникает противоречий между частным интересом и общим, и коллективная касса не пустеет. Объем работы и потребления каждого определяется свободной договоренностью между всеми. Расходы выше «необсуждаемого уровня» рассматриваются на общем собрании. Понятие фиксированной «оплаты труда» отсутствует. Коммунар получает «по потребностям», если остальные не против таких его

«потребностей». Если человек, принимаемый в коммуну, вкладывает в нее какой-то капитал, с ним очень подробно и детально оговаривают, что и сколько он сможет взять с собой при возможном выходе. Коммунары построили несколько очень разных мастерских (особо подчеркивается экологичность этих производств), плюс биоогород, гараж, либертарную школу для любого возраста, в которой каждый ученик может быть учителем. Если коммуне нужны инвестиции для общего дела и все с этим согласны, их берут из неприкосновенного запаса, который решено не тратить на потребление. В этой плотной «группе участия» паразитов не возникает — каждый воспитывает остальных в духе свободного микрокоммунизма. Для детей коммуны организован свой детский сад. Вопреки нарушению множества экономических «правил» и «законов», вот уже 25 лет коммуна не разоряется, наоборот, заметен очень медленный, но рост ее благосостояния, плюс качественное и творческое образование для ее детей. Если коммуне для нового дела нужны специалисты, детей или взрослых отправляют в город для переквалификации.

Внешне Нидеркауфунген производит впечатление чистенького крестьянского хозяйства с красиво расписанными стенами домиков, высоким уровнем культуры коммунаров, половина дня которых полностью свободна от труда (рекомендованная собранием норма добровольной работы пять часов). Впрочем, свое свободное время большинство коммунаров предпочитает тратить, помогая тем, кто сейчас работает, или просто меняя свою деятельность. На две трети коммуна обеспечивает себя питанием сама. Все остальное закупается в городе. Коммунары продают свою продукцию на ближайшем рынке, у них сложились нормальные отношения с местным населением. Очень распространено в Нидеркауфунгене вегетарианство, но оно не является обязательным требованием. Принципиально не используются товары из третьего мира, где до сих пор существует рабский труд. Наверное, главная тайна успешного существования этого образцового «Цветочного

города» заключается в том, что практически все его участники — дипломированные немецкие интеллигенты левых взглядов, отказавшиеся «работать на систему», заниматься научной деятельностью, «амортизировать издержки капитализма» и т. п. Отсюда вся сознательность общинников и отсутствие паразитизма.

Новый человек принимается в коммуну общим собранием, учитывается, есть ли для него сейчас жилье, чем именно он будет заниматься. И вообще прием происходит далеко не сразу. Требуется сначала неделю пожить в гостевой части, потом, если желание не исчезло, пройти трехмесячный испытательный срок, работая и общаясь со всеми на равных, найти себе за это время трех-четыре поручителя, которые рекомендуют тебя собранию. Если на этом собрании никто не будет против тебя, не наложит вето на общее решение или не предложит продлить испытательный срок, ты становишься полноправным участником коммуны. Главной социальной проблемой Нидеркауфунгена является невозвращение в коммуну детей. Людям, выросшим в условиях анархистского микрокоммунизма, нравятся большие города. Многие из «детей коммуны» воспринимают город как новые возможности для себя и переезжают туда, как только появляется такая возможность. Поэтому приток новых людей осуществляется по-прежнему за счет взрослых, разочарованных в капитализме, хорошо образованных людей, не боящихся физического труда.

31/ Сквоты

31.1/ Рампарт

Европейские сквоты, порожденные волной автономистского анархизма 1980-х — это дальнейшее развитие контркультурных городских коммун. Захватывается пустующий дом — обычно у хозяина нет денег на ремонт, и выселенный дом ветшает посреди перенаселенного пространства, демонстрируя собой явное

доказательство античеловечности капиталистического города, — и в нем налаживается сквоттерами самоуправление и альтернативная капитализму коллективная жизнь. В Дании и Чехии, например, некоторые сквоты разместились в брошенных замках, за сохранностью которых присматривают анархисты, что придает этим «автономным зонам» дополнительную экзотику. Социологи часто относят сквоты к непроектируемым сообществам, хотя сами сквоттеры обычно не согласны с этим, напоминая, что на территории «освобожденного» ими городского пространства практикуется творческий неотчужденный труд (музыканты, художники, альтернативные медиа) + социальная и просветительская деятельность. Если сквоттерам удастся договориться с местной властью о «временно законном», то есть неопределенно долгом, пребывании в занятом здании, обычно сквот легализуют как созданный энтузиастами «социальный центр», в котором проходят регулярные кинопоказы, дискуссии, лекции, спектакли, концерты и просто встречи с интересными людьми. Вот как это, например, выглядит в современном Лондоне.

Один из источников антиглобалистского беспокойства — сквот РампАРТ, недалеко от Тауэра, в спокойном бангладешском районе.

После дневных акций, концертов и других своих дел масса народу стягивается в здание, где всех ждет бесплатный вегетарианский ужин. Откуда он берется? Несколько активисток обходят в конце дня ближайшие рынки и собирают у нежадных индусов всё, не проданное за день.

За ужином следует видео на большом экране. Хроника вчерашних акций, пропагандистский фильм «Четвертая мировая война», один раз показывали даже «Бойцовский клуб» Финчера. В специальной видеоконнате этажом выше крутят архив борьбы и всякую смешную антирекламу круглосуточным нон-стопом. Там валяются на матрасах и занимаются, чем хотят.

После хлеба и зрелищ начинается угар, нередко до утра. Угар разный. От панковских сейшнов в духе «Клэш» и

задумчивого британского КСП до вечеринок секс-меньшинств, где танцующие на столах девочки балуются с плетками.

Запоминается «дада-феминистское шоу»: утрированная блондинка в ошейнике и с ножницами наскакивает на зрителей, угрожая отрезать им яйца. Некто в жутковатом гриме, эпилептически танцуя, читает «Манифест дада». Потом следуют «женские истории»: у одной женщины не было счастья, потому что не было тела, другую не принимали всерьез, потому что ее звали Карл Маркс, третьей, чтобы обратить на себя внимание, пришлось снести яйцо. В финале четыре Саддама Хусейна (диктатор, исламист, партизан, заключенный) устраивают концерт, в перерывах споря, кто же из них настоящий.

К утру культурная программа выливается в коллективную вакханалию с волынками, электрогитарами, барабанами, психоделическим трансом и хороводами под «Бандьеру россу». Особенно интересно танцуют самые убежденные анархисты: неподвижно стоя у стен, делают локтем небольшой угол, скрючивая и распрямляя только один указательный палец. Смысл этого жеста таков: когда настанет свобода, тогда и попляшем, а пока что все на свете происходит лишь «отчасти».

Потом все расходятся спать или делают это здесь же, на втором этаже.

Новый день начинается с «веганского» завтрака, за которым делятся на группы по интересам и расходятся по дневным акциям.

Надо всем этим на третьем этаже РампАРТа непрерывно вещает подрывное радио: вход только для знающих дверной код, но его достаточно просто спросить. Звонки в прямой эфир, анонсы акций, интервью рок-звезд, музыка.

Только что в сквоте закончилась неделя солидарности с Латинской Америкой, поэтому все спят под лозунгом «Румба революшн!» во всю стену. В коридоре сквозняк шелестит политически раскрашенными картами далекого континента. Все демонстративно щелкают зажигалками «Сделано в Венесуэле». Искру, правда, они дают через раз. Но это вопрос принципа, а

вдруг именно от этой искры возгорится пламя новой революции? Более давний культурный слой на стенах сквота: фото медитирующих, дерущихся, спаривающихся людей с дредами, конскими хвостами и вообще без волос, диковинные буддистские скульптуры из цветных тряпок и вееров на лестницах, каббалистические рожи, составленные из еврейских цифр и букв на дверях. В любом углу действующий компьютер с Интернетом. Удобно выкладывать на свой сайт новости и фото, не вылезая из спальни.

Всех выходящих из РампАРТа на улицу по утрам фотографирует для архива вежливая полиция. «Если кто не хочет сниматься, он может выйти через окно и задний двор», — любезно предлагает человек, отвечающий тут за вписку. Особо артистичный сквоттер заваливается перед полицией на капот авто, убедительно изображая эпилепсию. Видавший еще и не такое, блюстителю спрашивает припадочного: «Вы уверены, что это ваша машина?» Вежливость власти, впрочем, как всегда воспитанная, а отнюдь не врожденная. Новое слово в дрессировке копов — текстмоб. Это когда кого-то где-то винтят или выселяют, свидетель посылает SMS сразу на тысячи адресов, и место действия обрастает заинтересованными гражданами.

Более напряженная ситуация в соседнем сквоте, где постоянно живут две сотни человек. Их собираются выселять. Дом с самодельной вывеской «Жизнь, несмотря на капитализм!» обставлен полицейскими фургонами. Внутри бегают общие дети в платьях викторианских ведьм и гуляют собаки. Всем раздают стикеры «Кока-кола вне закона!» (на этот раз компания провинилась поддержкой карателей в Колумбии) и «Следующая мировая война будет войной за воду!». Со стен улыбаются советские плакаты с МакКлоуном вместо Сталина. На стойке бара выставлены для поддержания боевого духа отрубленные человеческие руки в банках с формалином. Маленькая республика готовится к штурму.

31.2/ Христиания

Христиания в Копенгагене — не просто сквот, это целый район в датской столице, дома и склады в котором не имеют номеров и опознаются почтальонами по граффити. Эти биофильские фрески порой с загадочными для неместного обывателя, а иногда и политическими знаками на большинстве заборов и стен. Сорок лет назад датские анархисты и битники в своих газетах призвали начать «конфискацию имущества и территории у военных» с дальнейшей целью «полного упразднения армии и других атрибутов классового империалистического государства». В реальности за этим воинственным манифестом скрывался всего лишь план захвата нескольких пустующих в столице армейских казарм и складов, которые давным-давно никто не охранял. Власти города не стали этому препятствовать, мудро рассудив, что, учитывая тогдашний рост «неформалов» и стихийных бунтарей, удобнее будет наблюдать все их чудачества в каком-нибудь одном месте, а не по всему городу. Перманентной проблемой сразу же стала «легализация всех видов удовольствия», которую объявили новые жители бывших казарм, то есть свободное распространение там наркотиков. Несколько полицейских операций «наркoкoнтрoля» привели к тому, что людей в форме с надписью «POLITI» немедленно встречали в Христиании местные в точно такой же форме с надписью «IDIOTI» и всячески мешали их работе. Кроме того, пушеры, продающие «запрещенный товар» на центральной улице Христиании («Пушер-стрит»), в знак протеста против репрессий, пару раз объявляли забастовки, то есть раздавали всем желающим гашиш и экстази бесплатно, чтобы не было никакой «торговли дурью». Эта «дестабилизация города» понравилась властям еще меньше, чем торговля, и увеличила туристическую популярность Христиании как экзотического места во много раз. В настоящий момент в Христиании запрещены три вещи: оружие, тяжелые наркотики и автомобили — все ездят на велосипедах. Кто так

решил? Христиания не считает себя частью Дании и управляется общим собранием, которое занято в основном улаживанием разногласий с городом. На собрании присутствуют и голосуют представители всех микрокоммун района, число которых постоянно колеблется от полусотни до ста.

Такая микрокоммуна и является ячейкой местного общества: она принимает новых граждан, и ей по решению собрания выделяется жилье. Часть строений в Христиании до сих пор так и пустует, но население «автономного района» часто предпочитает строить новые маленькие домики по своему вкусу, вместо того чтобы жить в огромных неуютных складах и казармах. На общее собрание может прийти и выступить любой, никем не уполномоченный, «гражданин Христиании», если считает свою проблему «не решаемой на низовом уровне», то есть внутри своей коммуны. Впрочем, эти собрания — самая неинтересная часть местной жизни,людно на них не бывает, и заканчиваются они быстро. Приблизительное население Христиании — около тысячи человек. Самый частый размер «базовой коммуны» — 30–40 человек. Все коммуны платят в общий бюджет «десятину», из которой рассчитываются с Копенгагеном за электричество и оплачивают общие для всех нужды. Например, когда требуется поработать не на свою «большую семью», а на благо всего «свободного города Христиании», гражданин получает из общего бюджета деньги, причем оплата труда почасовая, а не по результату сделанного. Источник дохода коммун, помимо продажи гашиша, экстази и «неформальных» сувениров на главной улице, — работа нескольких музыкальных студий, клубов, галерей, театров, вход в которые для граждан Христиании бесплатный, но для туриста будет стоить некоторых денег. Впрочем, тут все зависит от разговорчивости туриста и его внешнего вида.

Кроме «неоднозначности» с наркотиками, Христиания, к которой за сорок лет все вроде бы привыкли, остается для государства политической проблемой. Именно отсюда стартуют многие экстремистские демонстрации антикапиталистов, именно

здесь часто скрываются разыскиваемые полицией радикалы и именно границы Христиании чаще других попадают в новостную хронику ночных баррикадных боев с полицией. Конечно, прежние надежды левых радикалов на то, что с подобных Христиании «автономий» начнется планетарная и (почти) ненасильственная коммунистическая революция по всему свету, сейчас мало кто разделяет, но центр внепарламентской оппозиции, антибуржуазного беспокойства и активности все равно находится здесь. В последнее время власть избрала «нерепрессивный» путь «нормализации» этого района. Городские юристы не признают того факта, что вся недвижимость и земля в Христиании общая (микрокоммуны являются лишь временными арендаторами пространства), а частная собственность на такие вещи при «анархосоциализме» невозможна: «можно иметь собственную зажигалку, но нельзя иметь собственный дом». Представители властей Копенгагена пробуют договариваться и подписывать договоры на землю и здания с отдельными харизматиками — лидерами коммун, объявляя их законными собственниками конкретных строений, чтобы впоследствии у них можно было эту собственность выкупить и «вернуть городу Копенгагену». Капитализм пытается, сначала хотя бы формально, вернуть свои права и отношения на анархистскую территорию сквоттеров.

В Христиании верят, что их защитит Русалочка из сказки Андерсена, точнее ее статуя, сидящая на камне. А еще точнее, несколько ее отпиленных голов, хранящихся в тайниках здешних «коммун». Отпиливать Русалочке голову раз в несколько лет во время массовых беспорядков стало ритуалом и делом чести для особо пассионарных местных жителей. Русалочка (и Андерсен вообще) воплощает для сквоттеров все, что не нравится им в буржуазной культуре и обывательской психологии. Фарисейская сентиментальность и мечтательность, примиряющие нас с абсурдной моделью общества и властью меньшинства, противоестественность нежизнеспособного гибрида, химерические упования, мазохистская жертвенность и согласие с

высшей властью, неэквивалентный обмен, пассивная роль женщины и много чего еще... Большинство жителей Христиании далеко не христиане, так что отпиленные бронзовые головы этой милой героини, которые тайно хранятся у них, — нонконформистские обереги, защищающие Христианию от оккупации. Их показывают только самым надежным и проверенным жителям. Здесь вообще особое отношение к скульптуре: на центральной площади райончика вас встречает антиамериканская «статуя свободы» в нимбе из ракет-лучей, сжимающая в руке наручники и кандалы.

31.3/ Сквот по-стамбульски

В современном Стамбуле полно выселенных пустующих домов, но захватывать их под сквоты никому не приходит в голову, ибо это вызвало бы слишком быструю и решительную реакцию местных полицейских. Сквот по-стамбульски — это вовсе никакой и не сквот, а совместно снятый группой единомышленников дом. Тотем сквота в районе Таксим — пустой аквариум в центре главной комнаты, в которой по ночам все смотрят кино. Аквариум окружен бутылками с разнообразным алкоголем. Это традиция: каждый приезжающий в сквот из своей страны привозит местный алкоголь и сквоттеры его пробуют и обсуждают, задавая новоприбывшему краеведческие вопросы. лумусульманской стране такое поведение воспринимается как оппозиционное обычаем. Хотя и здесь пьют меньше, чем курят. Что курить — выращивают в садике на крыше.

На дне пустого аквариума мраморные камушки, гладкие, как монеты, грот для рыб и пластмассовый джазист с саксофоном. На все вопросы гостей и новичков о рыбах, турецкие сквоттеры отвечают: «Все рыбы в Босфоре».

Это правда, и ее легко проверить. Рыбы сплываются на свет прибрежных ресторанов и просто фонарей, и их можно рассматривать. Аквариум в центре стола остается пуст, и это

наполняет всех надежным ощущением свободы, за которую не нужно выплачивать высокую цену. Тотемом сквота могла бы быть птичья клетка, но клетка означала бы то же самое и в любом другом городе — в Москве или Берлине. В Стамбуле, где ветер с Мраморного моря сменяется ветром с Черного, а в конце любой улицы видны корабли, аквариум — гораздо точнее. Организаторы сквота местные программисты и врачи — довольно престижные для Турции профессии, и потому сквот считается «богатым». Степень обобществления вещей и денег каждый определяет сам, дело добровольное, и потому эта степень очень высокая. Показателем внутреннего уровня доверия может быть, например, то, что никто никогда не убирает свои деньги, и они открыто лежат, где их оставили — на столах, коврах, стопках книг или подоконниках. Во-первых, все справедливо уверены, что их никто не возьмет, а во-вторых, если вдруг такое редчайшее событие случится, это не вызовет протеста, потому что кому-то из сквоттеров они оказались вдруг нужнее, чем тому, кто их оставил на виду. Кроме организаторов, в таксимском сквоте постоянно тусуются гости со всего света, местные левые активисты и университетская богема.

Живой тотем второго, более аскетичного и радикального сквота в особняке района Саматия — белая болонка, у которой нет конкретного хозяина и которая живет и кормится сразу на всех этажах особняка. Здесь живут режиссер, писатель и несколько музыкантов, их доходы гораздо скромнее, чем в таксимском сквоте, и потому, наверное, вся собственность в их доме объявлена необсуждаемо общей. Здесь не стесняются слушать «Дорз» и «ЭйСи/ ДиСи». На закате длинноволосые — для Турции это до сих пор редкость — обитатели саматийского сквота с воодушевлением смотрят на видео, как какие-то японские энтузиасты хором исполняют «Smoke on the water» на народных самурайских инструментах, барабанах и смычках. Эта редкая версия песни стала гимном общины и заглушает азан, влетающий в открытые окна. Потом все жарят на решетке общую курицу во двореке с пальмой, вишней и цветущим гранатом, не

забывая подкармливать местных кошек и наблюдая за их дракой из-за куриных костей, обсуждают биологическую и социальную сторону конкуренции и взаимопомощи, ссылаясь на Кропоткина. Общая болонка, демонстрируя врожденный шовинизм, бешено лает на кошек и, кидаясь ко всем по очереди, страстно протестует против того, чтобы им доставалось мясо, ведь кошки не обитатели сквота и не члены братства, на что обитатели сквота напоминают болонке о необходимости поддерживать приятельские отношения с местным населением. Местное население, судя по одобрительным и шутливым выкрикам с ближайших балконов, к сквоттерам относится прекрасно и воспринимает их как некий современный аналог дервишей, чудаков и вообще бесплатное реалити-шоу, за которым можно следить каждый день. Про свою тотемную болонку сквоттеры говорят: «Единственная турецкая девушка, которая готова с нами жить».

Действительно, для большинства турецких девушек, даже очень университетских и богемных, сквоттерский образ жизни неприемлем, а весь этот японский дым над водой их отпугивает. Такая проблема решается за счет множества девушек приезжих, которые останавливаются в обоих сквотах, списавшись с их обитателями по Интернету и пользуясь этим местом как бесплатным хостелом.

32/ Кибуцы

С иврита это слово переводится как «община».

В 1980-х годах, когда кибуцы Израиля переживали свои лучшие дни, в 250 общинах проживало в общей сложности 120 тысяч человек. С тех пор и число общин, и число жителей в них несколько (но не фатально) уменьшилось. Какие принципы были положены в основу этих еврейских поселений, первые из которых появились в Палестине около ста лет назад? Общее имущество («нет больше ни частной собственности, ни частной жизни») + всеобщее вооружение + отмена права наследования +

отмена (внутри общины) всех товарно-денежных отношений + отказ от наемного труда + работа всех для общины + раннее отселение детей от родителей.

Кибуцы оказались незаменимы в условиях военных действий. Они легко превращались в укрепленные и обороняемые «до последнего человека» крепости. Они накормили Израиль на стадии возникновения этого государства, поскольку никогда не рассчитывали на натуральное хозяйство и самообеспечение и всегда поставляли результат общинного труда на рынок. До сих пор 4 % населения Израиля, живущего в кибуцах, производит почти половину (более 40 %) всей сельхозпродукции. И это притом, что не все кибуцы аграрные, есть и рыбацкие, есть кибуцы — мебельные фабрики и т. п. Согласно изначальной философии кибуцев социальное в человеке должно стать сильнее частного, если этому способствуют условия, воспитание и круговая поддержка. Поэтому в кибуце нет более дорогого и более дешевого труда: община старается выплачивать каждому по потребностям, исходя из общих возможностей. Результат труда и удовлетворение потребностей никак не связаны. Но равенство не должно означать усреднения, и твой «личный счет» в общине зависит и от того, сколько лет ты прожил здесь, и от твоего возраста, и от числа твоих детей, и т. д. «Личный счет» — это не заработная плата в рыночном ее понимании, но столько денег, сколько община считает нужным и возможным тебе выделить, оценивая тебя по самым разным признакам, но не по пресловутой «эффективности».

Там, где тебя все знают, никому не нужно «статусное потребление», которое сообщало бы окружающим о том, кто ты и как к тебе относиться. И потому все вещи там используются функционально, пока не испортятся, а не пока утратят «модность» и будут заменены другими, более статусными, на рынке.

В кибуцах считали, что политическая демократия неизбежно превращается в спектакль и манипуляцию без

демократии экономической, то есть без реального равенства имущественных возможностей, а не только абстрактных «прав». Средний размер общины — 200 человек. Все решения принимает еженедельное общее собрание и постоянно сменяемые его представители — координаторы разных сфер деятельности общины. У всех должен быть опыт участия во власти и право побыть таким «временно назначенным» начальником. Не должно возникать профессиональных управленцев и постоянных начальников, то есть бюрократии как отдельного слоя со своими интересами, — «все знают, как устроен кибуц и как принимаются решения». Некоторые общинники не ходят на еженедельные собрания и не участвуют в самоуправлении, находя себе более интересные дела, это их право отказаться от власти, доверившись более активным общинникам.

Израиль замышлялся в кибуцах как общество взаимопомощи, а не конкуренции. В первые годы его официального существования предполагалось объединить все общины в единую «коммуна коммун», чтобы исключить рыночные конкурентные отношения не только внутри общин, но и вовне. Однако этот план не удался — успешные общины быстро отказались тянуть менее успешные и помогать им, и «коммуна коммун» распалась, лишней раз подтвердив, что помогать, делясь последним со своим соседом, — это совсем не то же самое, что помощь незнакомому тебе «далекому другу». Кибуцы быстро вернулись к идее автономных и самостоятельных сегрегаций. В 1950–1960-х годах многие кибуцы пережили расколы по вопросу о степени и формах обобществления, общину взрывали споры о том, какую модель предпочесть: троцкизм, маоизм, анархо-синдикализм, «частичный» социализм или «равенство библейских пророков»? Доходило до насильственных столкновений и деления одной общины на несколько. Сейчас кибуцы делятся на общинные (классические — их все меньше) и смешанные, где обобществление не такое строгое и полное, — их все больше. Разнятся отдельные общины и по стилю, и по идеологии: марксистские, милитаристские, пацифистские,

ортодоксально-религиозные, фольклорные. Частная собственность на Святую землю и возможность ее продажи по-прежнему считаются в Израиле социальным и религиозным преступлением, и в кибуцах видят в этой идее «корневую основу» еврейского государства. В целом можно сказать, что большинство кибуцев прошли путь от микрокоммунизма к микросоциализму, то есть к возврату отдельных элементов частной жизни и «разумного неравенства». Дети стали ночевать (при желании) в домах родителей, тогда как в классическом кибуце они образовывали «коммуны внутри коммуны» и жили отдельно, чтобы ослабить вредящую общине семейственность. «Третье поколение», выросшее в кибуцах, как и остальная израильская молодежь, воспринимает свои общины более критично, чем их родители, и, даже сохраняя верность сельскому труду, все чаще выбирает «мошавы» — фермерские кооперативы, в которых нет никакого социализма. Если в ранней модели жизни общинника предполагалась ежедневная смена деятельности, чтобы сделать его «универсальной личностью», сейчас в большинстве общин возникла не только специализация труда отдельных людей, но и специализация самих общин. Одни кибуцы занимаются только финиками, другие — только апельсинами, третьи — только рыбой и т.п. Теперь можно просто жить в современном кибуце и вносить оговоренную сумму в его бюджет, зарабатывая деньги за пределами общины, если никто из других общинников не выступает против этого. Внутри кибуца, конечно, остается бесплатным лечение, обучение детей, высшее образование в городах за счет общины и все коммунально-ремонтные службы. Всех по-прежнему кормит бесплатная столовая, но все большее число людей предпочитают обедать дома с семьей. Становление Израиля в его романтический (и почти «социалистический») период было бы невозможно без кибуцев, но впоследствии рыночные принципы постепенно начали подтачивать общины извне. Чтобы убавить себестоимость своих продуктов и не быть вытесненными с рынка, большинство кибуцев начали нанимать временных

сезонных работников, не имеющих, конечно, никаких привилегий, то есть кибуц регулярно превращается в коллективного эксплуататора. Нанимается туда молодежь, для которой это временное приключение, туристы, новоприбывшие репатрианты. Для того чтобы получать сопоставимую с кибуцниками оплату труда, голосовать на собрании и пользоваться всеми общинными льготами, нужно прожить и проработать в общине минимум два года, но последнее слово все равно остается за общим собранием.

Этот тип еврейской общины постоянно подчеркивает свою отдельность, ставит защитный фильтр между собой и остальным миром. Жители кибуцев очень часто считают именно себя подлинными израильянами, хранителями еврейских традиций праведной жизни и сутью всего израильского проекта. В целом мутации кибуцев связаны с несбывшимися надеждами левых сионистов на мировой социализм, временными, переходными формами к которому кибуцы себя как раз и видели.

Принято шутить, что высокомерие кибуцников — это их психологическая компенсация за отсутствие собственности. В некотором смысле они евреи, которые даже в собственном возрожденном государстве сочли полезным придерживаться древней идеи гетто. В средневековой Праге времен рабби Лёва и Голема сама возможность евреев жить в гетто, не смешиваясь с христианским большинством и имея собственную администрацию, считалась привилегией, дарованной королем. То же самое можно сказать о гетто Балат в Стамбуле или острове Джудекка в Венеции, где еврейские купцы жили на привилегированном и отдельном положении, пока решением дожа их принудительно не переселили на другой остров, в «совсем другое» гетто. Даже вне зависимости от того, были ли конкретные гетто добровольной, желательной сегрегацией или принудительной, вынужденной, учитывая своеобразие еврейской истории, очевидно, что представители этого народа очень склонны к идее повышения качества человеческих отношений в своем кругу совместно живущих за счет ослабления и редукции

отношений с обществом, окружающим этот «свой круг». Социалистические надежды XX века наложились тут на формировавшуюся веками ментальность.

33/ «Фаланстер» Куприянова

Мягкой формой «неполной» или «происходящей прямо сейчас» добровольной сегрегации можно считать самоуправляемый кооператив при условии, что он является для участников не только местом работы, но и субкультурой, определяющей их идентичность, местом, в котором они проводят большую часть своего времени и где реализуют свои творческие амбиции, не обращая за этим к «большим структурам большого общества». На черном знамени трудовой коммуны книжников из московского «Фаланстера» изображен Фурье, Бакунин, Маркс, Махно и В. И. Ленин, удачно загримированный под «рабочего Иванова». Но в разговоре главный харизматик этого уникального (для России) эксперимента Борис Куприянов называет личные и немного иные идеологические ориентиры: Сорель, Ги Дебор, Тони Негри.

Внутри первоначальной группы энтузиастов быстро выделяется «ядро» — люди, которые много времени проводят внутри проекта и вместе: складывается язык, собственная мифология и история, аура, отношения, подобные семейным. Самые сильные эмоции, самые важные мысли и самые полезные контакты люди получают там, на собственной сконструированной под и для себя территории, а не где-то еще. Это одинаково далеко как от традиционной «работы» или «учебы», так и от традиционного «отдыха». Уже стала знаменитой объясняющая успех и жизнеспособность «Фаланстера» фраза Куприянова: «Чтобы сделать классный книжный магазин, в нем нужно жить!»

Началось все с того, что Куприянов, знавший все о книгах на пять лет вперед и назад, сказал историческую фразу: «Мы создадим магазин-коммуну!» Что и было сделано. Коммунары

сломали лишние стены, выкрасили потолок в морковный «конструктивистский» цвет и начали раздавать рекламные флаеры с порнозвездой, спрашивающей: «Умеешь читать?» Слоган, кстати, тут же позаимствован («Для тех, кто умеет читать!») соседним буржуазным книжным магазином здесь же, на Пушкинской. Поэтому вскоре в «Фаланстере» придумали другой лозунг: «Обмен денег на книги!»

В «Фаланстере» изначально не было должностей, зарплат и начальников: каждый коммунары получал свой процент прибыли, исходя из отработанных трудодней, и являлся совладельцем. Все решения принимались консенсусом, а если согласия не получалось, меньшинство не должно было подчиняться большинству. Эта творческая анархия исправно работала и быстро добилась первых успехов и известности, составив альтернативу более либеральным «О.Г.И.» и «Билингве». Отчуждения от труда и от других работников в таком режиме не возникает, а ионизированный свободой воздух не заменишь никаким рекламным ароматизатором. Группа оказалась одинаково верным выходом как из толпы, так и из одиночества. Практиковался бук-кроссинг, то есть коммерческий Обмен соревновался со Свободным Даром. Ассортимент «Фаланстера» устраивал и взыскательного гуманитария и просто модного тусовщика: от Жиже ка и Проппа до Пелевина и Ororoffa. Цены ниже, чем в больших магазинах. Редкие издания для любителей русского авангарда. Несколько исламских и античных полок. Малотиражный экстрим и рукодельная контркультура выделены отдельно. Кроме книг-газет-журналов, тут можно было найти палестинский платок и майку с автографом Лимонова, или получить, если в тебе видели «потенциального экстремиста», другую майку — с лаконичными цифрами «282» на груди, или, если «потенциального экстремиста» в тебе как раз не видели, разрешалось самому расписать майку тканевыми красками и пропарить утюжком, чтоб держалось. Эксклюзивная экзотика: видео с кубинскими клипами про Че Гевару и всяких

новомодных сапатистов, диски с «do it»-музыкой и песней «замучен тяжелой неволей» на языке идиш.

«Сначала мы пытались построить магазин как абсолютную коммуну, потом он претерпел серьезные изменения, но мы не отказались от основных принципов. Каждый участник «Фаланстера» участвует в управлении и владении производством, — вспоминает сегодня Куприянов о тех событиях начала нулевых годов. — Нам не удалось построить реальную коммуно-магазин. Этому мешала недостаточная включенность самих участников. Мы не всегда оказывались способны пренебречь собственными делами ради общего дела, — признает он и тут же говорит о том, что считает главным показательным результатом: — Магазин с антикапиталистической организацией труда вполне может выжить в современных коммерческих условиях».

По мнению Бориса, базовая проблема современного общества состоит в том, что «человек не относится к труду как к части самого себя». Да и невозможно такое отношение в ситуации тотального рынка, где любой труд лишь продажа своего времени и сил неважно кому и неважно зачем.

Превратившись из радикально-утопической в мягкую, но зато реально существующую форму добровольной сегрегации, «Фаланстер» продемонстрировал не только альтернативность правил хозяйствования, но и особенный стиль, «дух места», заменивший молодым интеллектуалам, участвующим в проекте, совместное проживание и тотальное обобществление, оказавшиеся совершенно ненужными для данного конкретного дела.

Где еще, как не в этой автономной зоне, можно было наблюдать живое общение муллы, скинхеда, авангардного поэта и звезды рэпа? По окончании торговли под шелест пластиковых стаканчиков «Фаланстер» окончательно превращался в радикальный клуб: выступление палиндромиста Кедрова смыкалось с собранием антиглобалистского движения АТТАК, израильский конспиролог Изя Шамир сменял молодых

литераторов, делающих книги вручную. Переехавший из Парижа Толстый (Котляров) выставлял свои «картины для чтения», а поэтесса Витухновская клеила свои плакаты прямо на потолок. Можно было прийти на веселых поэтов Емелина и Родионова из группы «Осумасшедшие безумцы», а попасть на лекцию об оккупации Ирака или, наоборот, на семинар сербохорватских славистов. Анархия — это когда параллельно с презентацией распиаренных радикалов Бренера и Шурц за стеной происходит перформанс менее известного, но не менее радикального Юры Телепузика, публика с удовольствием курсирует туда-сюда, а изрядно нетрезвые журналисты не знают, про кого именно писать в светскую хронику.

Сначала, помнится, под морковным потолком на крюке висел макет винтовки М16, обернутый в куфию. Но пришла милиция с обыском и попросила снять: «с улицы в окно вид слишком экстремистский». Никакой другой крамолы не нашли, конфисковав лишь «Энциклопедию секса» на экспертизу. Действительно, мало ли что напечатают под такой обложкой? Винтовку сменил акварельный портрет никому не известной женщины. По секрету, на ухо и только своим, здесь рассказывали, что это знаменитая немецкая бомбистка Ульрика Майнхофф, тайно вывезенная в 1970-х в СССР и донине живущая по поддельному паспорту где-то под Саратовом. Работает в поликлинике. Круг своих, впрочем, непрерывно расширялся, отдельные коммунары переженились между собой и даже завели детей, а это что-нибудь да значит. «Фаланстер» стал школой, сделав одного признанным киноведом, другого редактором, третьего литературным критиком, четвертого и пятого «человеком года» в номинации «человек книги».

Моментом истины для истории «Фаланстера» оказался пожар 2005 года. Неизвестные ночью закидали помещение магазина чем-то громко взрывающимся и легко воспламеняющимся. Много книг уцелело благодаря эстетской привычке коммунаров хранить их в ящиках из-под гранатометов. Расследование пожара ни к чему особенному не привело и велось

в стиле «амбиент». В первый день после пожара Куприянов и остальные участники всерьез обсуждали возможность приостановки проекта, но этого не позволили сделать читатели (столичные интеллектуалы всех специализаций и оттенков). Оказалось, что им «Фаланстер» не менее, а может быть, и более необходим, чем его организаторам. Они предложили проекту всяческую помощь, от добровольных финансовых вложений до поиска нового помещения и оттирания обугленных пожаром книг. Вскоре коммуна-магазин возобновилась на новом месте, а впоследствии даже открыла несколько филиалов. Особой популярностью в первый год после пожара пользовались сбываемые за полцены обгоревшие издания с бесценной печатью «Последствия взрыва в магазине „Фаланстер”».

Базовые установки «Фаланстера» остались прежними — другие принципы, другие цели, размывание границы между работой и отдыхом, максимальная самореализация каждого в проекте, альтернативное культурное пространство вплоть до собственных бесплатных форм высшего образования (проект «Рабочий университет») и концертов альтернативной музыки (от группы «Барто» до романсов Михаила Елизарова в исполнении автора).

34/ Новые религиозные поселения в современной России

34.1/ "Звонящие кедры» и пр.

В конце 1980 — начале 1990-х годов среди столичных и вообще российских хиппи, разочарованных бездуховной и суетной городской жизнью и тяготевших к христианству, появилось обыкновение оставлять привычную жизнь и переселяться поближе к действующим православным монастырям, чтобы сосредоточиться на духовном развитии, общаться со священниками и возделывать свой приусадебный участок. Особенно это поветрие было заметно в Козельске, рядом со знаменитой Оптиной Пустыней. Это привело даже к

некоторому подорожанию (до смешного дешевых перед этим) деревенских домиков в радиусе монастыря и «Озера Любви», в котором местный священник (сам бывший хиппи) крестил новопоселенцев. Отношения между соседствующими хиппи-христианами были вполне братскими, хотя, конечно, им ничего не приходило в голову делать «общим», ведь большинство уехавших туда были антикоммунистами. Получилась не община и не коммуна, но скорее новое религиозное поселение. Самые убежденные его жители впоследствии стали священниками или монахами многих монастырей.

Позже, уже в новом веке, возникло движение с пышным именем «Звенящие кедры России», активисты которого уезжают из городов и создают в опустевших российских деревнях «родовые экопоселения» с собственными пасеками и лугами. Поскольку они провозглашают возвращение к традиционному укладу и семейным ценностям, коллективизм этих «новых деревень» ограничивается соседской взаимопомощью и участием в общем культе «Анастасии» (скрытой в лесу национальной души), сочетающим в себе контакт с природой, деурбанизацию, здоровый образ жизни и славянскую мистику. Главной проблемой первых «экопоселений» движения стало то, что большинство новых «помещиков» отказываются зимовать в приобретенных домах и возвращаются до весны в город, воспринимая «родовое поместье» как экзотический летний и дачный отдых с интересными соседями.

Восстановились и неортодоксальные, но тоже очень знакомые формы религиозности и соответственно альтернативных самосегрегаций.

34.2/ Виссарион

Двадцать лет назад советский участковый милиционер и художник-любитель Сергей Тороп осознал себя новым спасителем мира и вспомнил свое предыдущее воплощение, в котором он был Иисусом Христом. Отказавшись от своего

прежнего мирского имени и назвавшись Виссарионом, он основал Церковь последнего завета и начал проповедовать и отвечать на любые вопросы. Делал он это настолько упоенно и талантливо, что вокруг Виссариона в начале 1990-х быстро собралась армия поклонников. Время тогда было для подобных лидеров на постсоветских просторах очень подходящее: полнейшая нестабильность жизни, ожидание близкого конца света сделалось массовым настроением, рациональные и научные объяснения реальности оказались предельно дискредитированы, а «традиционные конфессии», православие например, еще не успели всем этим воспользоваться и наладить повсеместную миссионерскую деятельность. Помогли Виссариону и медиа, особенно телевидение, которые часто и с большой охотой рассказывали о нем.

Кроме абсолютного доверия к своему «живому Христу», в субкультуре «виссарионовцев» смешались экологическая апокалипсичность (слепое человечество самоуничтожает себя через рост потребления и загрязнение среды) и идея «равновесия с природой», интерес к уфологии и гуманоидам, популярно понятые теории разумной «ноосферы», неоязыческий культ «земли-матушки» в духе Порфирия Иванова (многие сторонники которого примкнули к виссарионовцам) и, наконец, теософское учение Рериха — все, чем увлекался «широкий круг читателей» популярной прессы на рубеже 1980–1990-х. Тогда же первые полсотни семей во главе со своим Христом совместно поселились в Красноярском крае, близь озера Тиберкул, вдали от городской цивилизации.

В основе общежитийной этики виссарионовцев лежит идея альтруистического растворения личности в коллективе. Обида и осуждение — вот главные препятствия на пути очищения душ. Бог-отец сотворил материальный мир, а его сын создал мир духовный абсолютно бескорыстно, и нам в меру сил подобает вести себя так же. Поселок виссарионовцев, который они называют «Городом солнца», весьма стабилен, с момента основания он разросся, туда переселилось немало «не

вписавшихся» в капитализм интеллигентов, представителей обедневшего советского среднего класса и даже отдельные сторонники «альтернативной жизни» из Европы. Они стремятся к полной автаркии (самообеспечению) и полностью безденежным отношениям, но пока этот идеал не достигнут. Используют конную тягу вместо двигателей; построив кузницу, изготавливают сами для себя все нужные инструменты. С другой стороны, интересуются новыми «чистыми» технологиями вроде аккумуляции солнечной энергии с помощью накапливающих батарей и применяют их в своем хозяйстве. Все жители «Города солнца» вегетарианцы и соблюдают богатую витаминами диету, разработанную Учителем.

Идеологически эта община соединила в себе важнейшие черты апокалипсической секты (дата конца света, после которого выживут только виссарионовцы, призванные стать корнем новой расы, все время передвигается в будущее), нью-эйджевой общины (вера в инопланетян, духов, великих посвященных, практика йоги и медитации) и поселка экологов (создание «города», который бы не наносил никакого ущерба природе). Исследователи часто сравнивают «город» Виссариона с хлыстами, у них тоже были свои живые Христос и Богородица, правда только «в духе», особом экстатическом состоянии на их радениях, и так же создавались «ковчеги спасения», правда без экологической, тогда еще не актуальной аргументации. Но община Виссариона отнюдь не столь радикальна. Борцы с ересями обычно обвиняли хлыстов в коллективном блуде, беспорядочных связях и т. п. В «Городе солнца», с благословения Учителя, у мужчины могут быть две жены, довольно легко можно поменять мужа или поменяться женами, чем и ограничивается весь «блуд» и «разврат».

Учитель является высшим арбитром во всех спорах и конфликтах, если между его «детьми» возникают разногласия, то есть, по сути, это микромонархия, но не монастырь, ведь в «Городе солнца» всячески поощряется создание семей и рождение детей. За все, что они делают, виссарионовцы прежде

всего несут ответственность перед Учителем. Этажом ниже в этой иерархии, там, где начинаются вопросы, в которых можно обойтись без слова Учителя, повседневными делами и хозяйственным планированием жизни общины управляет патриархальный совет, состоящий из мужчин — глав семейств. Само собой, в этой патриархальной демократии меньшинство подчиняется большинству. Назначаемые и выбираемые ответственные лица прежде всего отвечают перед Учителем, а потом уже перед советом. Женщины собираются на свои собрания отдельно для принятия еще менее принципиальных и касающихся только их жизни решений.

Традиционная семейная структура в этой большой архаичной общине всячески культивируется, хотя всегда «возможны варианты», подчеркивается, что настоящая любовь важнее обязательств. Впрочем, вышеописанное жизнеустройство подходит лишь для среднего слоя включенности, образующего «город». Кроме него есть и «внешний слой»: сотни сторонников Виссариона, купивших дома в соседних деревнях, ежедневно слушающих его аудиопроповеди, медитирующих перед его портретом и готовящихся к тому, чтобы однажды окончательно переселиться в «Город солнца». Степень своего соответствия нормам «города» люди этого «внешнего слоя» определяют сами. Но есть и внутренний слой избранных Виссарионом, живущих в непосредственной близости от горы, на которой стоит дом Учителя. Это «семья» — полсотни человек, отказавшихся от всякой личной собственности и добровольно подчинившихся Учителю во всем («переживших слияние»). «Семья» — это максимальная степень включенности, «мистический коммунизм», в котором прежняя «мирская» личность полностью растворяется в лучах, исходящих от харизматика.

Удивительно, с какой точностью и с каким удовольствием эти, в прошлом вполне современные и городские, люди восстанавливают структуру древнего племени, объединенного вокруг вождя-жреца-пророка-живого бога в одном лице. Если вспомнить работу Сергея Торопа участковым в его первой

половине жизни («до призвания»), то лидер виссарионовцев предстает буквально воплощенным «милиционером» из поэтического цикла Д.А.Пригова, беседующим по радию с богом, распознающим и наказывающим зло, видным издали, страдающим от несоответствия земного порядка и порядка небесного и возжелавшим эту разницу устранить.

Часть пятая
ЦЕЛЕПОЛАГАНИЕ

35/ Возможность движения

Не нужно быть глубоким диалектиком, чтобы заметить регулярное желание некоторых людей вернуться от больших авторитарных сообществ, собранных рынком и государством, к малым сообществам, с гораздо большей свободой каждого их участника и с гораздо большей ценностью каждого для других членов общины. В этом настойчивом желании неиссякаемый ресурс всех добровольных сегрегаций.

От чего сегодня обычно «сегрегируются»? В самом общем виде это большая иерархическая власть, на которую личность никак повлиять не может, и большой рыночный интерес, превращающий всех людей в конкурентов, занятых перманентной самопрезентацией и самопродажей, а не творческим трудом. Организующий людей рынок делает целью труда прибыль, а не полезный результат, игнорирует принципиальную разницу между необходимостью и спросом, и тем самым извращает любую человеческую деятельность. Добровольные сегрегации питаются стремлением иметь не конкурентные связи, выйдя из общества «тотальной конкуренции», то есть устроить себе, закрывшись от капитализма, отношения, в чем-то подобные семейным. Отсюда постоянный образ «второго рождения» даже в самых древних формах добровольных сегрегаций, ведь и феодализм с рабовладельческим обществом были бесчеловечно иерархичными системами и создавали не меньше проблем для личной реализации и адекватного контакта людей. Живущие в больших городах по их грустным правилам — это толпы потребителей, каждый из которых одинок. Иллюзорный выход — искать в массовых или элитарных медиа тот образ самопрезентации, который поможет одиночке поставить себя выше толпы. Группа — одинаково верный выход как из толпы, так и из одиночества, даже если это пока не община в полном смысле слова, но всего лишь первичная группа, планирующая общину организовать.

Главные проблемы движения, которое захочет продолжить традицию добровольных сегрегаций, все те же:

— от харизматика слишком много ждут, и он никогда не может столько дать;

— растет обоюдная демонизация с покинутым обществом и деструктивное высокомерие обособившихся;

— преобразование остального мира все время откладывается (так что лучше его и не ждать);

— община обрастает халявщиками, прежняя близость людей теряется;

— падает стимул к общему труду;

— зависть и ревность тайно возвращаются как призраки оставленного в прошлом «нечистого мира»;

— личное взрывает общее, потому что от личного красиво отказываются на словах, не будучи в состоянии настолько же освободиться от него на деле.

Движение не может знать всех рецептов, но постарается учиться на ошибках прошлого, например обойтись без харизматических лидеров, а если наша психика их все же потребует, то подойдут условные персонажи фильма, коллективно смоделированные фиктивные личности-авторитеты, ежедневная сменяемость харизматика и прочая антиавторитарная игра.

Степень и форма участия в создаваемых общинах должны быть предусмотрены разные и выбираются добровольно. Несколько моделей на выбор: присматривающийся помощник, сезонный участник, постоянный житель, часть наиболее сознательного ядра...

На своем старте движение должно стать площадкой для обмена информацией и опытом добровольных сегрегаций. Каждый из нас может найти (или написать?) на эту тему немало текстов, кто-то когда-то участвовал в чем-то подобном, кому-то не дают покоя проклятые вопросы, связанные с общинами, кто-то хочет попробовать пожить так хотя бы неделю в качестве лесного эксперимента. Создав из всего этого собственное

информационное поле «сторонников добровольных сегрегаций», можно будет говорить и о следующих шагах — конкретных зачаточных группах, планирующих создать реальные, не похожие друг на друга самосегрегации.

36/ Дружба с иррациональным

Проанализировав новые знания о человеке, полученные в XX веке, движению стоит учесть: человек не есть рациональный робот, которому удобнее жить коммунами и структура которых заранее продумана (даже у такого поэтического утописта, как Фурье). Так думали все организаторы светских коммун XIX века, и в этом была их главная слабость. К рациональному проекту справедливой и творческой общины придется добавить знание о том, что человек всегда будет еще и полон антиобщественных инстинктов, детских комплексов, приятных и дорогих ему заблуждений, заложенных в самом языке и воспитавшей нас культуре и т. п. Психоанализ дал нам представление о личном и о коллективном бессознательном. Структурализм открыл заданность нашего поведения и мышления самой логикой знаковых систем, создававшихся тысячелетиями. Постструктурализм и постмодерн добавили: в каждой структуре есть неустранимый и неструктурный элемент, часть языка, не описываемая в самом этом языке, но без этой части и сама структура теряет свою стабильность и не может работать, как раньше. Феминизм разоблачал тайную власть гендера над психикой, а Мишель Фуко всюду открывал «дисциплинарные практики» и бесконечно разнообразные способы реализации власти...

Иррациональная сторона человека должна быть так же принята в самосегрегации, как и рациональная. Стоит быть готовым к неожиданностям и ждать их с радостью и интересом. Стоит сразу провести границу между временем/ местом, где мы ведем себя ответственно, как договаривались, и другим временем/ местом, где мы действуем непредсказуемо и ничем не

ограничиваем свое воображение и поведение. Нравится это нам или нет, но именно миф лежит в основе мышления людей, а шизофреническое уподобление одних вещей другим легло в основу нашей речи, ассоциаций и образного восприятия. В начале XX века Людвиг Витгенштейн поставил перед собой умозрительную задачу создать адекватный и математически логичный язык, без темных мест и мены шила на мыло, но в итоге многолетних трудов пришел к выводу, что пользоваться таким языком было бы невозможно, как ходить по идеально гладкому льду.

В добровольных сегрегациях мы должны не только хорошо узнать, но и хорошо почувствовать друг друга. Там стоит выделить особый день или час для безумия и нерационального поведения в оговоренных всеми для этого рамках и местах.

37/ Принципы

Пытаясь учесть все, рассмотренное выше, думаю, что основными и отправными принципами возможного движения могли бы стать следующие установки.

В обществе существует столько добровольных сегрегаций, сколько нужно людям. Любой заранее запланированный рост приведет тут только к фарисейству, то есть к выдаванию желаемого за действительное, к имитации возможного будущего.

Внутри этих сообществ у вас будет та степень включенности, которая необходима вам, а не большинству или лидеру.

В случае не решаемого консенсусом конфликта удобнее еще раз сегрегироваться, создав новую общину. Демократия как подавление меньшинства большинством тут неэффективна и лишь накапливает чувство несвободы.

Публичная самокритика и критика всеми каждого по кругу очень желательна для прозрачности отношений внутри сообщества.

Свобода предложений приветствуется, а все новые идеи обсуждаются всеми на общем собрании.

Вместо харизматика, потребность в котором часто задана нашим воспитанием и культурой, всегда возможен «пустой стул», игровой персонаж, харизматик на один день и другая антиавторитарная игра.

Чем меньше община, тем более тесные в ней возможны связи и тем дальше можно в ней ступить на путь создания новых отношений.

Окружающий (оставленный) мир не хуже нас, опасно смотреть на него сверху вниз. Прежде всего это опасно для самих автономистов, ведь высокомерие делает тебя глупым, ленивым и беззащитным перед реальностью.

Конец света (варианты: мировая революция, превращение всех людей в бодхисатв, экологическая катастрофа) не завтра, и мы создаем наше сообщество не поэтому.

Любая община создается не навсегда, и она не самоценна. Она есть лишь способ реализации каждого, более подходящий нам, чем большое общество, в котором мы жили до этого.

Самосегрегация может быть полной (обособившаяся община) и мягкой: творческий кооператив + совместная деятельность + общий субкультурный язык. Главная черта, отличающая зачаточную форму добровольной сегрегации, — интересы и связи внутри группы стали сильнее и важнее, чем связи с внешним большим обществом и интересы внутри него.

Добровольная сегрегация может вступать в нормальные обменные отношения с большим обществом. Поэтому неизбежно появление двойной этики: для тех, кто снаружи, и для тех, кто внутри.

Все общины вместе служат росту разнообразия и многовариантности общества, а не готовят ему некую единственно правильную перспективу.

Внутри общины сохраняется тот максимум личной собственности, который допускается всеми для каждого. Вполне

возможно жить и не работая внутри, но вкладываясь финансово, если никто не видит в этом угрозы для общего проекта.

38/ Историческая роль

Самосегрегация предлагает решать вашу проблему и реализовать ваши возможности здесь и сейчас, вместо того чтобы ждать светлого будущего или гнать в него тех, кто, вполне вероятно, и не собирался туда идти. Поговорим о возможной исторической роли добровольных сегрегаций, если она кого-то вдруг волнует. Я вижу три варианта понимания.

1. Самый оптимистичный и революционный. Очень часто применялся для привлечения людей в светские общины нового времени. Добровольные сегрегации станут моделью будущего общества и катализатором больших перемен, лабораторией по выращиванию альтернативных людей с другим переживанием жизни. Нужен некий объективный катаклизм (экологический, экономический, военный, короче, светский аналог апокалипсиса), чтобы опыт добровольных сегрегаций стал единственно возможным и потому бесценным выходом для ввергнутого в хаос человечества. Такое ощущение жизни слишком ответственно, грандиозно и воспитывает неизбежное высокомерие «людей будущего», претендующих, пусть и не вслух, на роль некоей новой спасительной элиты обреченного вида. Дополнительный комизм такого самопонимания возникает оттого, что добровольные сегрегации с подобными глобальными упованиями и претензиями создавались людьми с момента возникновения централизованных государств и жестко иерархических обществ, а возможность преобразования человечества вечно откладывалась. Гораздо больше шансов стать для кого-то полезной или поучительной моделью, вовсе не стремясь к этому, меньше всего об этом задумываясь и просто налаживая «другую жизнь» для себя и с тобой согласных.

2. Обратным, вывернутым наизнанку вариантом глобальной революционной претензии является сценарий пессимистичный и

мазохистский. Добровольные сегрегации — это вечный отстойник для неудачников, способ общества обособлять лишних и неэффективных. История идет мимо них, они навсегда из нее выпадают, в общем — это место для лузеров в точном смысле этого слова. Добровольная сегрегация и есть их «луза». И при таком понимании она не такая уж «добровольная», ведь у тех, кто объективно не может освоить принятые в большом обществе правила конкурентной игры, не так уж много вариантов «выпадения». Исходя из такого понимания, уж лучше все лузеры будут утешать друг друга в своих общинах, чем уйдут в озлобленное и опасное для общества «революционное подполье». Мотивом самосегрегации для не вписавшихся в современную цивилизацию является своего рода редукция к сценарию родоплеменных отношений, которые дают человеку гораздо меньше возможностей, но и требований к нему гораздо меньше. Для небезнадежных и попавших туда скорее по недоразумению обособленные общины даже могут стать способом возврата в общество и возобновления его ценностей. Негативный опыт жизни в добровольной сегрегации научит их ценить банальное и общепринятое и откроет ценность этих вещей заново. Полемизировать с таким видением — никому не нужная трата времени. Чтобы быстро закрыть бесполезную дискуссию с представителями этой позиции, легче всего формально признать их правоту: да, да, да, все правильно, и все же мы не хотим участвовать в вашей истории. Лучше наша полусбывшаяся утопия во временных и нестабильных добровольных сегрегациях, лучше наша иллюзия альтернативы, чем ваша стопроцентная реальность и ее модели успеха. Иногда стоит признать себя «слабым», если то, что здесь понимается под «силой», тебе отвратительно.

3. Самый продуктивный сценарий. Нет никакой единой истории и единого общества, даже если они когда-то и были. Есть множество конкурирующих историй, и история добровольных сегрегаций — одна из них. У каждой из этих «историй» своя цель и, значит, свои критерии оценки и смыслы.

Мы не готовим внутри своей добровольной сегрегации никакого будущего для других и примера для всех. Мы не из будущего и не из прошлого. Мы не являемся амортизатором для проблем большого общества и отстойником для его неудачников. То, что мы делаем, самодостаточно, и мы делаем это для себя, здесь и сейчас, потому что это наша жизнь, и никто, кроме нас, не знает и не скажет нам, как именно и зачем ее прожить: ни бог, ни царь и ни герой революционер. Каждый человек может решить, в чем смысл его жизни и выбрать себе одну из «историй человечества» с соответствующими целями. Социальная эволюция — это рост многообразия форм, реализующих разные возможности человека, и каждая отдельная самосегрегация — это только одна из бесчисленного множества таких форм. Делайте этот мир разным, и это занятие избавит вас от чувства, что вы проживаете чужую, а не свою жизнь, от чувства, что есть «правильная» и «неправильная» жизнь, и между этими двумя вариантами якобы придется выбирать. Каждый из нас имеет шанс создать свою локальную цивилизацию, отказавшись от того, что ему чуждо, и добавив то, чего ему не хватало.

39/ Философский постскрипtum

«В своей обители монахи отшлифовывают друг друга, как
камушки в мешке»

Из наставлений буддистского монастыря

Со времен Гоббса нам известна политическая метафора: естественные тела людей образуют искусственные тела государств и наций. Но и личности, соблазненные иллюзией своей автономии друг от друга, находятся в плену, похоронены в однотипных коконах субъективности, как в ваннах с раствором в «Матрице». Очевидна трагическая обреченность раздутой рыночной конъюнктурой и буржуазной демократией «индивидуальности», которая никогда не была субъектом своего

бытия, ибо ее сконструировали другие, окружающие, и, не признав этого, она не может быть счастлива и свободна.

«Обособленная личность» не нужна ни себе, ни другим, уступая малым группам нужных и хорошо знакомых друг другу людей, новым коллективам, которые становятся производителями и проводниками альтернативы. Эта альтернатива и массовой «культурной индустрии», и персональному «экстазу и отчаянию», альтернатива ножницам «личность/ толпа» или «герой/ масса». Решающее сражение сегодня — производство субъективности, а вопрос о власти — это вопрос о том, кто контролирует процесс «означивания», кому и кем дано право и возможность присваивать знакам их актуальные значения и вводить качественные различия между разными группами знаков.

Самыми обсуждаемыми темами интеллектуально-политической полемики последнего полувека были «исчезновение человека» (как иллюзии цельности) и «диктатура кодов», то есть всеобщая зависимость от знаковых систем.

Что может быть противопоставлено «исчезновению человека» и «диктатуре кодов»? С одной стороны, нас ждут любезные консерваторам «большие нарративы», то есть история мира, рассказанная от имени нации, империи, религии, цивилизации, но сегодня они потеряли прежнюю силу, объявлены неадекватными новым технологиям и до смешного обесценились. И потом, это всего лишь замена одних «правлящих кодов» другими, более привычными и мифологичными. С другой (и левой) стороны, «человек» может быть переосмыслен и восстановлен в правах только новыми версиями «групповой идентичности», внутри не слишком громоздких сообществ людей, где и преодолевается отчуждение. Новая, добровольно основанная, а не заданная от рождения или продиктованная капитализмом коллективность и есть «поле притяжения», возможность изобретения будущего, нужного нам, а не кому-то, претендующему представлять нас и строить на нас планы. Только такая коллективность делает нас действующим лицом своей

собственной истории. Нас одинаково не устраивают и «диктатура кода», то есть постмодернистская капитуляция перед «играми знаков», и данные с рождения «классические» версии идентичности, и либеральный тупик «независимой личности». Выход — неиерархические группы, в которых можно обойтись без делегирования своих прав. Новая субъективность возникает не в гордом одиночестве интеллектуала и не в возврате к «традиционным» ценностям, но в группе людей, совместно занятых чем-то важным, более важным, чем получение и увеличение прибыли.

Освобождающая себя нация, класс, цивилизационный тип, «культурное пространство» — этого оказалось слишком много, объем тела таких моделей препятствует левитации, подтверждающей свободу. Получалась красная диктатура или коричневый рейх.

Обратная крайность, порожденная вышеназванным наблюдением: клинический индивидуализм, переразвитый культ всеобщей «особости», «неповторимости» и «отсутствия общих рецептов», бальзам на душу инфантилов всех времен и народов. Один человек, обособленная личность, деятельная душа, экспериментирующее сознание — этого слишком мало для освободительного проекта.

Надежда на то, что отчуждение будет преодолено гигантскими социальными машинами, породило в истекшем веке тоталитаризм во всех его известных нам вариантах. Ставка на «одинокую бунтующую фигуру», ищущую непередаваемый опыт подлинной экзистенции, слишком многих привела если не к суициду, то, по крайней мере, к психиатру. Тоталитарный оптимизм, меняющий мир в пугающе простую и жестокую сторону, и либеральный пессимизм, вызванный невозможностью в одиночку влиять на качество бытия, — вот Сцилла и Харибда любого освободительного проекта. Выход из этой «вилки» многие искали и продолжают искать в малых коллективах непосредственно знакомых друг с другом людей, объединенных общей, альтернативной мейнстриму историей, переживаниями,

открытиями, истолкованиями и символами. Это «новые кланы», о которых писал Тимоти Лири, «партизанские отряды», на создании которых настаивал Маригелла, «автономные зоны», передвижения которых по карте исследовал суфий и анархист Хаким-бей, осознавшие себя «экипажи инопланетных рас», — если верить остроумному этнологу новых племен Адаму Парфрею.

Как тут не вспомнить, что единицей эволюции у биологов считается не особь и не вид, а именно популяция. Да, мутация, необходимая для усиления витальной мощности, для дальнейшего разворачивания возможностей разумной деятельности, случается с одной особью. Но она остается непонятым извращением, иррациональной роскошью природы, если не станет особенностью популяции, совместно действующей группы, достоянием избранного эволюцией коллективного сознания связанных общей деятельностью. У животных такая деятельность имеет основой совместное пропитание. У людей — это творческая деятельность по преобразованию мира и самих себя как части этого мира.

Оглавление

1/	Почему коммуны?	2
----	-----------------	---

Часть первая. САМОСЕКРЕГАЦИИ ДРЕВНОСТИ

2/	Эссеи — ритуальная чистота и враждебное окружение	7
3/	Апокалипсичность	10
3.1/	Добровольная сегрегация как режим чрезвычайных времен	10
3.2/	Вплоть до наших времен	13
3.3/	После цивилизации	17
3.4/	Экологические общины	21
3.5/	Атши	24
4/	Христианский вариант	26
5/	Исламский вариант	29
5.1/	Аламут	29
5.2/	Суфии	35

Часть вторая.

ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПРЕДПОЛАГАЕМЫЕ РЕШЕНИЯ

6/	Проблема харизматического лидера	39
7/	Проблема внутреннего устройства	42
8/	Проблема враждебного окружения	45

9/	Временность как проблема	48
10/	Проблема высокомерия	50
11/	Сегрегация на экране	52

Часть третья. СВЕТСКИЕ КОММУНЫ НОВОГО ВРЕМЕНИ

12/	Известны четыре способа менять мир и реализовывать историю общества	56
13/	Сценарий возникновения	58
14/	Размер задает форму	59
15/	Другой коммунизм?	61
16/	Либертalia	65
17/	Либертalia как утопия	68
18/	Другой коммунизм в США	71
19/	Американские коммуны XX века	72
19.1/	Кен Кизи	72
19.2/	Тим Лири и Касталия	74
20/	Другой коммунизм в российской империи	77
21/	Главная проблема	82
22/	Задающие тексты	84
22.1/	Утопическая литература	84
22.2/	Фурье	88
22.3/	Порнокапитализм де Сада	94
23/	Аббатство в Чефалу	100

<u>24/</u>	<u>Альтернативная педагогика</u>	<u>106</u>
<u>24.1/</u>	<u>Ребенок коммуны</u>	<u>106</u>
<u>24.2/</u>	<u>Стругацкие</u>	<u>108</u>
<u>24.3/</u>	<u>Китеж</u>	<u>110</u>
<u>25/</u>	<u>Субкультура и подполье</u>	<u>112</u>
<u>26/</u>	<u>Контркультурные коммуны городов</u>	<u>117</u>
<u>26.1/</u>	<u>Фриц Тойфель и "Коммуна-1"</u>	<u>117</u>
<u>26.2/</u>	<u>Мазафакерс</u>	<u>122</u>
<u>27/</u>	<u>Нью-Эйдж</u>	<u>125</u>
<u>28/</u>	<u>Ауровиль</u>	<u>129</u>

Часть четвертая. НАСТОЯЩЕЕ

<u>29/</u>	<u>Уточненное определение</u>	<u>134</u>
<u>30/</u>	<u>Нидеркаунген</u>	<u>135</u>
<u>31/</u>	<u>Сквоты</u>	<u>137</u>
<u>31.1/</u>	<u>Рампарт</u>	<u>137</u>
<u>31.2/</u>	<u>Христиания</u>	<u>141</u>
<u>31.3/</u>	<u>Сквот по-стамбульски</u>	<u>144</u>
<u>32/</u>	<u>Кибуцы</u>	<u>146</u>
<u>33/</u>	<u>«Фаланстер» Куприянова</u>	<u>151</u>
<u>34/</u>	<u>Новые религиозные поселения в современной России</u>	<u>155</u>
<u>34.1/</u>	<u>"Звенящие кедры» и пр</u>	<u>155</u>
<u>34.2/</u>	<u>Виссарион</u>	<u>156</u>

Часть пятая. ЦЕЛЕПОЛАГАНИЕ

35/	Возможность движения	162
36/	Дружба с иррациональным	164
37/	Принципы	165
38/	Историческая роль	167
39/	Философский постскрипtum	169

serg_mihalych.

Параллельные общества. Две тысячи лет добровольных сегрегаций — от секты ессеев до анархистских сквотов.

*Компьютерная верстка: «Lixoy-Star».
Рисунок и дизайн обложки: «Lixoy-Star».*

Некоммерческий полиграфический проект «Lixoy-Star».

2012 г.

Выпуск №6.

Бумага офсетная. Печать цифровая.

Тираж 15 экз.

Ваши отзывы и предложения присылайте на электронный адрес:
lixoy-star@riseup.net